

Владимир Суродин

СПЕЦНАЗ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

КУОС – СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУРСЫ КГБ

**Москва
2002**

Приложение к журналу «КУОС – Вымпел». Выпуск № 3

Главный редактор журнала

П.И. Нищев

Редакционный совет

С.М. Бевза

А.Н. Ботян

А.А. Говоров

С.А. Кузнецов

И.И. Москвичев

В.А. Набекало

Л.М. Смоляр

А.И. Цветков

Книга посвящена работе совершенно секретного в прошлом учебного подразделения КГБ, о существовании которого не было известно даже большинству кадровых сотрудников органов государственной безопасности. Его выпускники были призваны действовать в военное время в глубоком тылу противника. Это элита спецназа госбезопасности, люди удивительной судьбы, которые выполняли задания высшего руководства страны.

Исключительное право публикации книги принадлежит журналу «КУОС – Вымпел». Воспроизведение текстовых и иллюстративных материалов без письменного разрешения редакции журнала считается противоправным и будет преследоваться по закону. Работа обсуждена на совете ветеранов-кусовцев и рекомендована к изданию. Издано на средства ветеранов КУОС. Распространяется на благотворительной основе.

© Сурудин В. И., 2002

© Оформление.

ЗАО «Интербук-бизнес», 2002

ISBN 5-89164-117-8

Вместо предисловия

В предлагаемой читателю книге «Спецназ госбезопасности» ее автор, ветеран Службы внешней разведки Российской Федерации, Владимир Иванович Сурудин впервые достаточно открыто, насколько это возможно по соображениям секретности, и ярко повествует о Специальных курсах КГБ, являвшихся на протяжении многих лет кузницей командных кадров спецназа органов госбезопасности. Создателем Спецкурсов, чаще всего именуемых КУОС, был Юрий Владимирович Андропов, который (теперь можно об этом прямо сказать) осуществлял «патронаж» над этим специальным учебным подразделением.

В этой связи о Спецкурсах в системе КГБ хотелось бы прежде всего сказать, что это было автономное учебное заведение с более широкими правами, чем, скажем, факультет, имеющее учебно-материальную базу и иное обеспечение на порядок выше, чем сама «Альма-матер» (Высшая школа КГБ), при которой оно находилось. Теперь практика советского периода скрывать действительное наименование подобных подразделений уже неприемлема: нужно прямо говорить об их функциях, правах и обязанностях.

Автор данного труда – выпускник этих Спецкурсов 1975 года – периода, когда они набрали свою полную силу. Он делится впечатлениями о сотрудниках этого учебного подразделения, раскрывает отдельные, очень важные специфические вопросы учебно-воспитательного процесса, характеризует их содержательную часть очень емким принципом: учить тому, что нужно на войне. Автор делится своими впечатлениями с позиции слушателя этого единственного

в своем роде специального учебного подразделения, приводит воспоминания учителей и выпускников. История Спецкурсов, несомненно, более емкая и должна иметь продолжение.

Спецкурсов уже нет, они упразднены, а потребность в подготовке таких кадров, правда, для иных целей, есть. Действительно, не только в нашем обществе, но и в мире в целом произошли глубокие изменения. Насилие приобрело форму международного терроризма, которая как угроза возникла в наше время. Способы борьбы с такой формой террора надо искать. Возможно, что эта мемуарная работа и ей подобные послужат в какой-то степени нынешним и будущим профессионалам источником информации по проблемам подготовки специальных кадров, а также помогут освободиться, что не менее важно, от иллюзий так называемых простых и малозатратных решений. Высокое качество специалиста, как показывает опыт, связано с существенными финансовыми затратами и особыми условиями подготовки. В какой-то степени данная работа может быть полезна общественным и государственным деятелям, связанным с многотрудными проблемами поиска решений по «горячим точкам» планеты.

Безусловно, а возможно и в первую очередь, это память о ветеранах органов государственной безопасности, которые беззаветно и с предельной отдачей сил служили делу защиты Отечества, нашей России.

*Почетный участник Фонда «КУОС–Вымпел»,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
профессор, доктор военных наук А.И. Цветков*

Нет уз святее товарищества!

Н.В. Гоголь

Об истоках КУОС

В начале января 1975 года я прибыл в подмосковный город Балашиха, где мне предстояло пройти обучение на 7-месячных Специальных курсах КГБ* при СМ СССР. Эти Спецкурсы являлись автономным учебным подразделением, функционировавшим как факультет в Высшей Краснознаменной школе КГБ при СМ СССР имени Ф.Э. Дзержинского (далее – ВКШ КГБ). На него была возложена задача по подготовке командиров групп специального назначения (ГСН) для действий в глубоком тылу противника в военное время.

В период обучения слушатели проходили специальную физическую, огневую, воздушно-десантную, горную, легководолазную подготовку, осваивали радиосвязь, специальную тактику, минно-взрывное дело, топографию, страноведение, совершенствовали навыки разведывательной деятельности, изучали опыт партизанской борьбы и многое другое. Ежегодно на такую учебу по разнарядке республиканские и областные управления КГБ направляли по одному оперативному работнику.

От крупного коллектива Управления КГБ по г. Ленинграду и Ленинградской области я был единственным представителем в этом наборе. Направлению сотрудников на Спецкурсы предшествовал отбор и подготовка в управлениях. На этот счет

* КГБ – Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. Образован согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 года. – *Здесь и далее примечание редакции.*

была специальная директива, определяющая, кто может быть кандидатом на учебу. В каждом местном органе существовал резерв на такую подготовку. В большинстве своем мы гордились причастностью к спецрезерву и стремились попасть на курсы. Надо прямо сказать, что подавляющее большинство сотрудников управления не знало о существовании такой структуры в системе органов безопасности. В те времена умели хранить секреты.

Валентин Шлихта и Евгений Иванов, прошедшие обучение на Спецкурсах ранее, напутствуя меня перед отъездом на учебу, сказали:

— Ты знаешь, Володя, если, не приведи Господи, придется воевать, то лучше воевать подготовленным.

Жизнь подтвердила правоту их слов. Потери среди выпускников Спецкурсов во время боевых действий в Афганистане были минимальными, хотя нашим ребятам приходилось быть постоянно впереди, включая штурм дворца Амина Тадж-Бек.

Учебно-воспитательная работа на Спецкурсах возлагалась на ВКШ КГБ. Ее функционально обеспечивала кафедра спецдисциплин, входившая в структуру Спецкурсов, а также целый ряд вспомогательных служб обеспечения. Наиболее специфической их единицей был отдельный взвод учебного обеспечения, комплектовавшийся солдатами срочной службы. В их задачу входили действия за противника на учениях, обеспечение учебных занятий, деятельности посредников на учениях, обслуживание автотранспорта и т.д.

В оперативном отношении Спецкурсы в тот период подчинялись 8-му отделу управления «С» Первого главного управления КГБ, то есть разведке.

Спецкурсы в функциональной деятельности органов госбезопасности возникли не на ровном месте. Им предшествовал опыт... Так, на третий день Великой Отечественной войны был создан уникальный спецназ НКВД, не имевший аналогичных структур в спецслужбах других стран, — Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН), входившая

в Четвертое (партизанское) управление во главе с известным разведчиком генерал-лейтенантом П.А. Судоплатовым*.

Чекистские партизанские отряды из состава ОМСБОНа отличались высокой боеспособностью, дисциплиной, хорошо поставленной разведывательной, контрразведывательной и диверсионной работой в тылу противника. Ставка Верховного Главнокомандования, командующие фронтами высоко оценивали значимость информации, поступавшей от разведчиков ОМСБОНа. 24 разведчика бригады были удостоены звания Героя Советского Союза, 5172 бойца награждены орденами и медалями, значительная часть воинов удостоилась наград государств Восточной Европы.

Преемником Четвертого управления НКВД стал созданный в 1955 году 13-й спецотдел при ПГУ КГБ. Затем этот отдел преобразовали в отдел «В». Осуществили это оригинально: присоединили 1 к 3 — получилось «В». Это был тот самый отдел «В», который в 1967–1968 годах возглавлял генерал Виктор Михайлович Владимиров, ставший позже моим резидентом в Финляндии. Кроме всего прочего, отдел был назван «В» — как многие считали, и в честь Владимирова. В дальнейшем, когда Виктор Михайлович попал в опалу из-за имевшего место предательства, отдел «В» подвергся очередной реорганизации. Букву «В» немного закруглили, и получился 8 отдел, но уже управления «С» ПГУ. Вот так все реформы у нас зачастую и проходили. Но это, конечно, в значительной степени шутка. На самом деле с каждым переименованием менялись и задачи, которые ставились перед этим особым подразделением исходя из международной обстановки.

* Павел Анатольевич Судоплатов с середины 80-х годов многократно встречался со слушателями и преподавателями Спецкурсов. Встречи эти были теплые, незабываемые. Он говорил по широкому кругу проблем спецназа, оперируя громадным фактическим материалом. О его речи можно сказать, что это была речь высококвалифицированного профессора. Он как бы сливался с аудиторией. При этом ни разу не обмолвился словом, что обижен. В тот период еще не был реабилитирован. Но авторитет его среди сотрудников КГБ был необычайно высок. Это было видно из того, как ветераны и действующие сотрудники ПГУ относились к нему на встречах. Его мемуары — хрестоматия по широкому комплексу чекистских проблем. В книге «Разведка и Кремль» (записки нежелательного свидетеля) он документально приводит целый ряд фактов, важных для истории, которые поставили преграды для различного рода ее фальсификаторов. — *Прим.ред.*

В 60–70-е годы одной из главных функций отдела была подготовка спецрезерва КГБ для действий в военное время в тылу противника. В 1965 году органы государственной безопасности по заданию политического руководства страны приступили к восстановлению системы кадровой подготовки резерва командного состава партизан-разведчиков. К этому времени, как оказалось, учебная, материальная и иная база для развертывания такого образовательного процесса практически отсутствовала. Начало было положено созданием в 1966 году внештатного специального курса при одном из контрразведывательных факультетов ВКШ КГБ в форме пятимесячных сборов. Этому спецкурсу дали дополнительное наименование – КУОС (Курсы усовершенствования офицерского состава).

Учебно-воспитательную функцию на спецкурсе выполняла кафедра оперативно-тактической подготовки (ОТП). Подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава кафедры были участниками Великой Отечественной войны, не менее трети являлись кандидатами военных наук. Возглавлял кафедру Иван Иванович Москвичев, а его заместителем был Анатолий Исаевич Цветков. Москвичев, как правило, читал установочную лекцию по основам партизанской и контрпартизанской борьбы, руководил посредническим аппаратом на командно-штабных учениях. К большой заслуге Ивана Ивановича следует отнести то, что он в полной мере предоставил материально-техническую базу кафедры в распоряжение спецкурса. Это позволило хотя и усеченно, но все же проводить полевыми выучку слушателей.

А.И. Цветков был, по существу, начальником штаба. На спецкурсе участвовал в основном в групповых занятиях и на учениях. С образованием Спецкурсов его роль значительно усилилась. Профессор, доктор военных наук, начальник факультета и специальной кафедры, он участвовал в разработке учебных материалов для нового подразделения, а также в заседаниях кафедры, читал лекции. Но основная заслуга его состояла в том, что все аспиранты и соискатели КУОС нашли в нем доброго и требовательного учителя, который помогал каждому: от выбора темы

диссертации до защиты, часто выступая как официальный и неофициальный оппонент. Многие аспиранты с благодарностью вспоминают его помощь в публикации различных материалов, что было непростым делом в те времена.

Иван Иванович и Анатолий Исаевич приближаются в своей жизни к знаменательной дате – восьмидесятилетию. Оба в строю, востребованы, трудятся в Академии ФСБ РФ на профессорских должностях. Почетные участники Фонда «КУОС – Вымпел».

Особое место среди профессорско-преподавательского состава спецкурса занимал, конечно, аспирант профессора Старинова, доктор исторических наук, профессор Владимир Николаевич Андрианов. Он вел специализированный лекционный курс. Был помощником одного из заместителей Председателя КГБ и в силу этого имел существенные возможности в решении как организационных, так и учебных вопросов. Уже в то время он имел учебники и учебные пособия по профилю своей специализации. Это производило на нас, слушателей, впечатление: учиться не «с голоса», а по учебникам. Во многом его усилиями и заботами спецкурс приобретал то качество, которое явилось трамплином для трансформации в самостоятельное учебное подразделение.

Андрианов – авторитет в науке и вообще в системе КГБ, выступая на 25-летнем юбилее Спецкурсов, сказал, что он всегда гордился высоким званием «куосовца» и дорожил им. Владимир Николаевич являлся самым важным носителем информации по истории создания Спецкурсов. Он разработал основные документы по формированию этого подразделения, докладывал их в инстанциях (ЦК КПСС), много раз терпел неудачи, отказы. Спустя какое-то время начинал все сначала. Можно только горько сожалеть, что эта ценнейшая в мировоззренческом и административном плане информация безвозвратно утеряна. Восполнить это теперь никак нельзя – Владимира Николаевича с нами уже нет.

Первым и единственным начальником спецкурса был Болотов Харитон Игнатьевич. Он сделал 4 выпуска слушателей. Часть выпускников, пройдя в 1968 году инструкторскую подготовку и спецстажировку, позже была взята с периферии на спецкафедру.

Среди них были Л.И. Корольков, А.Д. Кулаков, М.С. Майский, А.А. Набоков, П.И. Нищев, Б.А. Плешкунов.

10 октября 1999 года полковнику Х.И. Болотову исполнилось 80 лет. Чествование убеленного сединами, но бодрого, веселого и энергичного ветерана проходило в стенах учебного заведения – преемника КУОС. На его имя поступили приветственные адреса от ФСБ, СВР, пограничников, клуба ветеранов «Честь и достоинство», а также от множества других организаций. В этот вечер он был окружен почетом и согрет теплом сердец благодарных ему преподавателей, слушателей и коллег.

А теперь вернемся к истокам возрождения и развития опыта в учебном процессе на спецкурсе. Уже после первых выпусков был наработан положительный опыт, но наряду с этим обнаружились и существенные недостатки. Основной из них заключался в том, что не было условий для проведения полномасштабных полевых занятий. Стало ясно, что нужна специализированная материальная база. Наконец, и это очень важно, преподавательский состав, привлекаемый к занятиям с разных кафедр, не был связан единством учебного процесса.

Боевая обкатка в кризисных ситуациях за рубежом позволила вскрыть недостатки, связанные прежде всего с несогласованностью различных видов подготовки, уязвимостью используемых прикритий и легенд, недостаточной изученностью применения средств связи, шаблонностью каналов переброски, дефицитом знаний местных языков и т.д. Уроки Чехословакии, а также других событий конца 60-х – начала 70-х годов (теракты в Израиле, на Мюнхенской олимпиаде и др.) ускорили разработку предложений о создании спецфакультета на базе ВКШ КГБ, возрождавшего подготовку командного состава спецназа госбезопасности.

В 1968 году активизировалась подготовка к преобразованию спецкурса в автономное подразделение – факультет-кафедру специальных дисциплин.

19 марта 1969 года эта цель была достигнута. Приказом Председателя КГБ были сформированы СПЕЦИАЛЬНЫЕ КУРСЫ КГБ СССР (Спецкурсы). Утвержденное Положение о Спецкурсах

имело гриф «Сов.секретно», «Особой важности». В соответствии с этим грифом в то время с положением в полном объеме могли работать начальник учебного заведения (ВКШ КГБ) и начальник Спецкурсов. Все остальные – лишь в части, их касающейся.

Положение о Спецкурсах предписывало иметь три наименования: Специальные курсы КГБ СССР, КУОС (курсы усовершенствования офицерского состава) и в/ч 93526.

Наименование «Специальные курсы» использовалось лишь в системе КГБ, когда решались кадровые и финансовые вопросы. В силу этого было малораспространенным.

Наименование КУОС было позаимствовано с Болотовского спецкурса. Оно хорошо прижилось как в ВКШ КГБ, так и среди слушателей. Весь период функционирования специального учебного подразделения использовалось наиболее часто. Это наименование, как уже говорилось выше, и давало право именоваться выпускникам «кусовцами».

Наименование в/ч 93526 использовалось для почтовой переписки слушателей, солдат и даже преподавателей. Но наибольшее значение оно имело при подготовке слушателей на базах Советской Армии: воздушно-десантной, горноальпийской, легководолазной.

Все три наименования, надо отдать должное «отцам-разработчикам», наилучшим образом вписывались в учебно-воспитательный процесс на всем его протяжении. И теперь спустя много лет, если спросить, к примеру, на выбор 50 выпускников, где они учились, то все 50 скажут: на КУОС. Два других наименования вызовут у них затруднения при ответе. В связи с этим понятия «Специальные курсы» и «КУОС» являются абсолютно тождественными, равнозначными в употреблении.

Спецкурсы получили постоянную «прописку» в окрестностях города Балашиха Московской области. Объект знаменит тем, что в годы войны там проходили обучение разведчики-партизаны из групп П.А. Судоплатова и И.Г. Старинова, в том числе легендарный Николай Кузнецов, чья героическая эпопея хорошо описана в книге Д.Н. Медведева «Это было под Ровно». Какое-то

время там располагалась ШОН – Школа особого назначения разведки, затем 101-я школа внешней разведки, которая в последующем была переведена в другое место в Подмоскowie и преобразована в Институт, а затем и в Академию разведки.

Спецкурсы КУОС в своей истории функционировали на первом этапе при ВКШ КГБ (1969–1982.) и на втором – при Краснознаменном институте КГБ имени Ю.В. Андропова (1982–1992).

Каждое из этих учебных заведений наложило свой отпечаток на судьбу Спецкурсов. Проблема возможного перехода из одного учебного учреждения в другое обсуждалась и прорабатывалась достаточно долго. Были сторонники и противники перехода. Основными противниками перехода были авторитетные ветераны спецназа. При этом отмечалось, что у ВКШ и Спецкурсов очень много специфически одинакового, включая то, что оба учебных заведения – воинские формирования. Институт такой базы не имел, поскольку в основном готовил разведчиков-дипломатов. Спецкурсы в известной степени были ему в тягость.

Жизнь подтвердила предчувствия ветеранов, в частности И.Г. Старина. В период пребывания Спецкурсов в ВКШ был неуклонный подъем во всем. В Институте отношение к Спецкурсам отличалось теплотой, но условий для развития не было. Запас прочности у Спецкурсов был большой, но небеспредельный.

Роль куратора ПГУ КГБ в становлении Спецкурсов

Весомый вклад в становление КУОС, в формулировку основополагающих алгоритмов учебного процесса, по мнению ведущих преподавателей, принадлежит генералу Виктору Михайловичу Владимирову. В конце 60-х годов он возглавлял в разведке курирующий КУОС оперативный отдел. Ему же принадлежит разработка квалификационной характеристики на выпускника Спецкурсов.

Владимиров не только оперативно руководил КУОС, но и читал цикл лекций по агентурной работе в военное время, осуществляемой группой специального назначения. По сути, раскрывалась функция деятельности нелегальной городской резидентуры. На протяжении более чем 20 лет его лекции были лучшим учебным материалом на Спецкурсах. Их не нужно было перерабатывать, да ни у кого и не поднялась бы рука. Велик был его авторитет в среде спецназовцев. Виктор Михайлович обладал даром кратко, точно, емко и красочно излагать свои идеи и мысли. Удивительно ровно держался с каждым, кто вступал с ним в контакт. Но произошла беда. В Лондоне к противнику перешел сотрудник ПГУ Лялин, командированный для работы за рубежом из отдела, где вновь назначенным начальником был Владимиров. Все хорошо знали, что Виктор Михайлович непричастен к акту предательства. Но наказание было суровым. Над ним не только сгустились тучи, но его даже вывели на длительное время в резерв назначения, а несколько руководящих сотрудников КГБ было уволено из-за предателя.

Но поистине большие люди и в горе остаются великими. Это трудное для него время, около трех лет, он использовал для написания диссертации на специальную разведывательную тему и успешно ее защитил.

На одном из крупных совещаний руководящего состава разведки начальник КИ КГБ Иван Иванович Зайцев, сам один из виднейших разведчиков, сказал об этом так: «От неудач и даже беды никто не застрахован». При этом рекомендовал, ссылаясь на пример В.М. Владимирова, никогда не впадать в уныние, не ныть, не переходить к хорошо известным в быту порокам, а сублимировать свою энергию в творчество. Далее очень кратко, но емко дал оценку содержания диссертации, констатируя, что это веха на одном из важнейших направлений разведывательной деятельности.

Генерал Зайцев продолжительное время возглавлял научно-исследовательский отдел, был крупнейшим практиком, обладал реальным авторитетом, известным каждому разведчику. В силу этого его слова и оценки были особо весомыми. Руководителям КУОС, присутствующим на совещании, это было особенно близко и понятно. Ведь Виктор Михайлович стоял у истоков формирования этих Спецкурсов.

Рутинную кураторскую работу вел сотрудник оперативного отдела под руководством бессменного заместителя начальника отдела Александра Ивановича Лазаренко. С этим куратором руководство КУОС прорабатывало все вопросы: от кадровых перемещений до изменений в учебном плане и учебно-методических материалах.

Особенно яркий след оставили кураторы М.И. Филимонов, А.Н. Ботян. Безмерен, конечно, вклад и других кураторов. Все они с прилежанием и ответственностью выполняли это трудное служебное задание.

В годы Великой Отечественной войны оба неоднократно забрасывались в глубокий тыл противника в качестве командиров ГСН. Во все времена считали себя учениками и соратниками П.А. Судоплатова. Поддерживали с ним контакт задолго до его реабилитации. Они не только встречались со слушателями и передавали им опыт действий ГСН в прошлом, но и принимали

участие в учениях в качестве старших посредников. Оба почетные участники Фонда «КУОС – Вымпел».

Особый вклад в развитие Спецкурсов внес полковник Шапошников – лауреат государственной премии по новой технике. Являлся ведущим специалистом по разработке и внедрению новой специальной техники. На Спецкурсах читал лекции, вел небольшой объем практических занятий, участвовал в экспериментальных работах. До недавнего времени был ведущим специалистом Академии таможенной Российской Федерации. Почетный участник Фонда «КУОС – Вымпел».

Трудно переоценить роль оперативного отдела в становлении и развитии материально-технической базы КУОС. Достаточно сказать, что более половины всего довольствия вооружением, спецтехникой и экипировкой шло по заявкам оперативного подразделения. В функцию Спецкурсов входили: постановка всего этого на учет и его рациональное, бережное расходование. Благодаря заботам кураторов мы имели уникальные по тем временам средства ТСО – такие, как полиграф, видеотехника, ксерокс самой последней модификации и многое другое.

Ничего подобного учебные заведения той поры, к которым Спецкурсы последовательно были приписаны, не имели. Интенсификация учебно-воспитательного процесса с использованием таких средств ТСО выростала на несколько порядков. Действительно, одно дело рассказывать об объекте визуальной разведки и совершенно другое – показать этот объект на видеозаписи.

В период пребывания в ВКШ КГБ никто и никогда не поднимал вопроса о том, чтобы Спецкурсы что-то передали. С переходом в КИ КГБ ситуация изменилась. К примеру, начальник КИ постоянно поднимал вопрос о целесообразности передачи полиграфа лаборатории Института. Конечно, это был интерес не только его личный, но и целого ряда сотрудников, которые хорошо понимали необходимость иметь подобную технику для совершенствования учебного процесса. В конце концов после долгих согласований с руководством оперативного отдела и начальником нелегальной разведки Ю.И. Дроздовым полиграф все же был

передан. Надо было видеть, с каким подъемом и воодушевлением начальник КИ принял это известие. Его можно было понять. Душа генерала болела в первую очередь о своем «родном дитяти». Правда, тут же по просьбе начальника Спецкурсов он написал расписку-обязательство о том, что тестирование и учебные занятия на полиграфе слушатели Спецкурсов проходят в первую очередь.

В 1978 году объект посетил заместитель начальника ПГУ КГБ Вадим Алексеевич Кирпиченко. После ознакомления со Спецкурсами охарактеризовал их как уникальное учебное заведение. Подобную оценку дал и спецбиблиотеке. К тому времени ее фонд был действительно богат книгами, среди которых было немало раритетов. Часть литературы библиотеке передали ветераны партизанского движения Великой Отечественной войны. Попадались книги, изданные еще до Октябрьской революции. Все это и давало основание генералу Кирпиченко дать такую оценку спецфонду. Вадим Алексеевич в наши дни широко известен не только в нашей стране, но и за рубежом. Им опубликованы мемуарные работы, представляющие историко-профессиональный интерес.

Большая часть книг по партизанской борьбе на иностранных языках поступала в спецбиблиотеку КУОС из курирующего оперативного отдела ПГУ. В том числе речь идет и о работах открытого характера. В этих случаях на переводах историко-мемуарных обязательно ставился гриф «Для служебного пользования», присваивался соответствующий библиотечный инвентарный номер. Книги, в которых их авторы давали описания диверсионных, экстремистских, террористических методов, после перевода, как правило, получали гриф «Секретно». Хотя в тех странах, где они приобретались, их продавали свободно в обычных магазинах. В нашей стране твердо придерживались нравственных и государственных норм, считая, что экстремистские методы не имеют право на распространение. Все грифованные работы ставились на учет, что определяло и правила пользования ими. Утрат или ксерокопирования не должно было быть. Их и не было.

Следует заметить, что перед профессорско-преподавательским составом, знакомящимся с такого рода зарубежной литературой,

конечно, стояла задача не столько извлечь какой-то положительный опыт или полезные знания, сколько знать, каков уровень знаний в этой области там, у них, с чем могут встретиться наши правоохранительные органы, когда этот экстремизм начнет просачиваться в нашу страну.

Ветераны спецназа с благодарностью вспоминают участника Великой Отечественной войны, руководящего сотрудника внешней разведки Виктора Петровича Рябова. До прихода на кафедру работал в ряде легальных резидентур в европейских странах. Общее влияние Виктора Петровича на кафедру трудно переоценить. Его учебные материалы отличались особым качеством. В.П. Рябов был афористичен. В частности, отмечал, что «найдутся не только недовольные, но и предатели». Емкость этой формулы теперь более чем понятна. Вернувшись на практическую работу, связь с кафедрой не прерывал. Из далекого зарубежья направлял материалы по профилю КУОС для их перевода и учета в преподавательской работе. Почетный участник Фонда «КУОС — Вымпел», он и сейчас активно участвует в ветеранском движении.

О первом начальнике КУОС

Первым начальником Спецкурсов был доцент, кандидат военных наук, полковник Григорий Иванович Бояринов — человек удивительной судьбы. В годы Великой Отечественной начал воевать 19-летним юношей, а закончил войну начальником штаба пограничного полка Северо-Западного фронта.

Полковник Бояринов как руководитель КУОС, сочетал в себе две основные функции: с одной стороны, был руководителем факультета, то есть являлся воспитателем слушателей и организатором учебного процесса, с другой — являлся руководителем кафедры специальных дисциплин. Григорий Иванович мог вести практически любую дисциплину, но сосредоточился на специальной тактике разведывательно-диверсионных групп, разработке и осуществлении занятий на местности и, в частности, суточных и многосуточных учений.

Преподаватели и слушатели отмечали в нем такие черты, как широкий круг знаний, уникальная память, высокая культура речи, мастерство рассказчика, видели заботливого и внимательно начальника, обладающего колоссальной способностью упреждения любого негативного процесса. Если слушатель попадал в беду, то Бояринов прилагал все усилия, чтобы исправить положение мерами воспитательного характера.

О Григории Ивановиче известно, что он родился 15 ноября 1922 года в селе Сукромля Ершичанского района Смоленской области в крестьянской семье. В 1941 году окончил Свердловское пехотное училище. Характерная особенность Григория

Ивановича — настойчивость в достижении поставленных целей — проявилась при поступлении в училище. Дело в том, что у него от рождения было плоскостопие, и это явилось причиной, по которой его не принимали в военное учебное заведение. Ему удалось убедить начальника училища зачислить его на учебу с испытательным сроком. Училище окончил с отличием. В дальнейшем этот «дискомфорт» с ногами никак не мешал ему выполнять свои функциональные обязанности в различных должностях. В 1952 году окончил с отличием Военный институт МГБ СССР. Мандатная комиссия оставила его работать преподавателем на кафедре тактики. В 1959 году поступил в адъюнктуру при Военной академии имени М.В. Фрунзе. С блеском защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук. Полковником стал в 32 года: весьма редкий случай в мирное время, а в КГБ особенно. Работая старшим преподавателем тактики на Спецкурсах в период 1966—1968 годов, наравне со слушателями осуществлял многокилометровые марши по пересеченной местности, иногда давая фору молодым слушателям в неустойчивости и боевом задоре.

Этот период может считаться отправной точкой начала роста авторитета Г.И. Бояринова в возрождающейся спецназовской среде КГБ как наиболее опытного педагога-воспитателя, неустойчивого маршевика, профессионального методиста и человека, умеющего шуткой пробудить в слушателях энтузиазм и веру в свои силы.

Наибольшего авторитета Бояринов добился в период работы начальником Спецкурсов КУОС в 1969—1979 годах. Слушатели ласково называли его «Гриша» или «наш Гриша», так как он действительно относился к нам не только с отеческой заботой, вниманием, но и с требовательностью. Ни одному из слушателей Григорий Иванович не прощал разгильдяйства при выполнении учебно-боевых задач, всегда говорил при этом, что командир группы ответственен за жизнь своих подчиненных, а вольности в решении задач в тылу противника всегда приводят к непоправимым последствиям.

Эмоциональный, подвижный и веселый человек, Бояринов мог быть вспыльчивым и резким, когда речь заходила о небрежности при выполнении задания со стороны слушателя — командира группы

или при совершении слушателями «бытовых» проступков в городе и на территории части. В таких случаях ребята говорили, что «наш Гриша» лютует. При этом всем доставалось «на орехи» по большому счету, хотя прекрасно понимали, что на такую реакцию «Гриши» нарвались заслуженно.

Очередной «взрыв» испытали и мы — слушатели набора 1975 года. Это было летом сразу после горно-альпийской подготовки. В субботу, вернувшись после очередного ночного занятия в лесу, первым делом по традиции посетили наш восстановительный центр*, в котором располагалась баня, и от души попарились. В очередной раз произошло маленькое чудо. Еще час назад мы из последних сил стягивали с себя мокрую грязную форму после многокилометровых, изматывающих вконец маршрутов по подмосковным лесам и болотам, а теперь опять были полны сил и задора.

Приходится только удивляться мудрости и прозорливости наших отцов-командиров, которые настояли и отстояли наличие бани на КУОСе. Некоторые начальники, к сожалению, воспринимали нашу баню как элемент роскоши. Вот уж действительно: мудрость имеет предел, а глупость безгранична. Мы неоднократно могли убедиться в том, что только баня способна привести нас в чувство. Трудно даже представить другое столь эффективное средство по восстановлению сил. Вероятно, основная заслуга в этом принадлежит Виктору Михайловичу Владимирову, который много проработал в Финляндии и знал толк в бане.

Один только тот факт, что в стране, где проживает около 5 миллионов жителей, бань насчитывается более полутора миллионов, говорит о важности в жизни финнов бани. Сауна в Финляндии — это образ жизни, своеобразный обряд со своей культурой, традициями. Так же, как и в Сибири раньше, баня у финнов проходила

* Восстановительный центр — нормативное наименование сауны, используемой для восстановления физических и духовных сил после полевых занятий продолжительностью более 8 часов. Как элемент учебной базы был прописан в Положении о Спецкурсах, подписанном Председателем КГБ СССР. Старшие начальники часто пытались лишить КУОС восстановительного центра, но норма, прописанная первым лицом КГБ как элемент учебно-воспитательного процесса всякий раз останавливала их от таких опрометчивых шагов. — *Прим.ред.*

через всю жизнь. В бане финны рождались, там же совершался и последний обряд на земле. В главный день Рождества — Сочельник — вся финская семья собирается вместе и идет в баню. По мнению финнов, баня, пожалуй, самый демократичный институт в общении между людьми. В бане все равны, никто не выделяется своим костюмом, обувью, бельем, галстуком и т.д. Здесь человек только то, что он представляет собой. Независимо от чинов и званий в финской бане все общаются друг с другом на «ты». За пределами сауны опять все соблюдают субординацию, но не в сауне. Поясняя свою позицию, финны говорят, что смешно изображать чинопочитание в сауне, где все сидят голыми и яйца одинаково свешиваются с полки. Финн в бане никогда не позволит себе выругаться или даже сказать грубое слово. Это считается верхом неприличия.

В сауне за столом с кружкой пива легче проводить переговоры и договариваться — обстановка способствует этому. Завтра утром за столом переговоров официально закрепят достигнутые в бане договоренности.

До сих пор у многих россиян бытует устойчивое заблуждение, что в финской сауне сухой пар и нельзя париться с вениками, зато можно находиться с женщинами.

Помнится, одна из первых саун в Ленинграде появилась во вновь построенной четырехэтажной бане в г. Пушкине в 1961 году. На четвертом этаже, в обычном мужском отделении, была выделена комнатка в 4 квадратных метра, где три стены были уставлены обычными чугунными отопительными батареями, прикрытыми дощечками от ящиков с хорошо заметными дырками от гвоздей и полосками от проволоки. Пар в батареях доводил температуру в парилке до 150 градусов. Поддавать воду было нечем и некуда. Стоять на кафельном полу босиком было невозможно. У входа в парилку лежали фанерки, которые мы брали с собой, и на них стояли в парилке. Было исключительно жарко и сухо. Считалось, что так и должно быть. Продержавшись от силы 3–5 минут, мы высказывались оттуда и прыгали в ванну с холодной водой. Отметившись таким образом в «финской сауне», после этого шли в обычную

русскую парилку, где поддавали воду на раскаленные камни и парились запасенными заранее вениками.

Я думаю, что эти заблуждения насчет финской сауны завезли «организованные» туристы из Советского Союза, которые делились впечатлениями от увиденного, не понимая сути явления.

В общественных банях при гостиницах в Финляндии действительно редко встретишь ведро с водой и черпаком. Дело в том, что, как известно, на вкус и на цвет товарищей нет. На пар, оказывается, тоже редко встречаются единомышленники. Один любит побольше наподдавать и норовит «залить» каменку в одночасье, другой предпочитает «бархатный» пар и т.д. Чтобы не накалять обстановку в общей парилке, финны вывели медную трубку к каменке и подают в распыленном виде воду таким образом, чтобы влажность в сауне была на уровне 30–40%, а температура воздуха была порядка 95 градусов. По мнению финских ученых, температура выше указанной вредна для верхних дыхательных путей и может привести к раку. Камни для каменки, которые можно приобрести в любом хозяйственном магазине или даже на бензозаправке, добываются только в одной каменоломне на севере Финляндии. Финские ученые определили, что из этих гранитных камней практически не выделяются канцерогенные вещества, вредные для здоровья.

Веники также практически не встречаются в общественных банях, так как при постоянном использовании бани (а в гостиницах и не может быть иначе) листья «забивают» любую очистительную систему.

Совместного нахождения в сауне с незнакомыми женщинами тоже не наблюдалось в Финляндии до последнего времени. В настоящее время нравы стали свободнее, и в различных общественных саунах, как, например, в аквапарке, уже допускается совместное нахождение с женщинами, точно так же, как в Швеции, Дании, Германии и т.д.

Дело в том, что противопоставлять русскую баню и финскую сауну абсолютно неверно, так как эти сестры-близнецы были выращены в одной колыбели. Чтобы это понять, надо

знать предысторию вопроса или хотя бы просто историю финского народа. Кстати, в переводе с финского языка «сауна» означает «баня».

Много веков назад предки финнов проживали в Сибири. Гонимое войнами, голодом, холодом и другими обстоятельствами примерно 1200 лет назад племя двинуло на Запад. В районе Уральских гор два брата поссорились. Один пошел на Запад и пришел на территорию современной Венгрии, и стали они с той поры венграми. Грамматика и мелодика языка венгерского и финского языка очень похожи. Все остальное сильно изменилось, и поэтому эти два народа в наше время друг друга не понимают.

Второй брат пошел на северо-запад и пришел в Финляндию. Судя по всему, он обладал сложным, прямо скажем, сволочным характером, потому что от него один за другим уходили родственники, которые и явились прародителями народов так называемой финно-угорской группы: мордва, мокша, коми, карелы, эстонцы... Эти народы также плохо понимают друг друга, хотя и гораздо лучше, чем финны и венгры.

Все это рассказываю к тому, чтобы было понятно, что финская сауна – это та же сибирская баня. Я, рожденный в Сибири и проживший в Финляндии 5 лет, все это хорошо знаю по собственному опыту.

До сих пор в Финляндии, как и в Сибири, весьма желанной и любимой является savusauna, т.е. баня «по-черному», иметь которую могут себе позволить только крупные фирмы, банки и страховые компании, т.е. самые «крутые». Вся разница в том, что рядом с банькой «по-черному» у финнов возвышается сауна «по-белому» – с бассейном, массажем, баром, бильярдом, каминным залом и т.д., и т.п. В таких банях финны с удовольствием бросают маленькие порции воды медными или деревянными черпаками из ведерок и с наслаждением и упоением «отдельывают» друг друга вениками.

В отношении женщин могу сказать, что эта история имеет те же самые сибирские корни. Исключительно в интересах экономного расходования тепла (баню «по-черному» не будешь же

топить дважды за день) все члены семьи парились, как правило, вместе, а чего стесняться своих! Правда, глава семьи со старшим сыном парились первыми, а потом уже шли мыться и все остальные члены семьи.

Есть интересное описание городской русской бани середины XIX века известным французским писателем Александром Дюма: «Открыв дверь этой комнат, я остолбенел: мне показалось, что какой-то новоявленный Мефистофель без моего ведома доставил меня на шабаш ведьм. Представьте себе человек триста мужчин, женщин и детей, совершенно голых, которые бьют друг друга вениками. Шум, гам, крики. Стыда у них ни малейшего: мужчины моют женщин, женщины — мужчин. В России на простой народ смотрят почти как на животных, и на такое совместное мытье полиция не обращает никакого внимания».

Врет, наверное, сукин сын Александр Дюма, что посещал такую баню, но по крайней мере одно его замечание чрезвычайно точно: это то, что на Руси с простым народом никогда не считались. Разве что только тогда, когда большая беда на страну приходила, и для народа находились проникновенные слова. Вспомните хотя бы Сталина с его речью в начале войны на фоне того, что он творил до этого.

Вообще надо сказать, что еще во времена древних целителей баня считалась чуть ли не панацеей. О ее пользе писал в своих трудах Гиппократ. Знаменитого лекаря Асклепиада даже прозвали «купальщиком» за его приверженность к термам.

Римский врачеватель Гален считал одной из причин старения то, что с годами кожа становится более плотной, поры сужаются. Соответственно накопившиеся в организме шлаки выводятся наружу хуже. Именно через кожу в нормальном состоянии выходит до 70% ненужных веществ, от которых тем или иным способом избавляется наш организм. В бане же пар расширяет поры, и через открывшиеся протоки вместе с потом выходят накопившиеся шлаки. Тело начинает дышать свободно.

Целебный пар, утверждает докторами, благотворно влияет на нервную, половую, сердечно-сосудистую системы, на желудочно-

кишечный тракт, восстанавливает кровоток в сосудах — одним словом, приводит в порядок основные «узлы» организма.

На Руси, где очищение тела водой почиталось как нечто святое, многовековая банная традиция дошла до наших дней практически без изменений.

Таковой она была и в нашей бане в восстановительном центре. После бани по традиции вечером ходили в ресторан в Балашихе. Это заведение слушатели между собой называли «Бычий глаз», так как поутру почему-то у большинства из тех, кто был в ресторане накануне, глаза становились красными. В воскресные отдыхали: каждый занимался своим делом. В это время по радиосети начали передавать песню «Червона рута» в исполнении Софии Ротару, которая нам очень нравилась. Врубили на полную громкость все радиоточки и начали дружно плясать в коридоре и в полный голос подпевать Софии. По закону «падающего бутерброда», Григорий Иванович в это время проходил мимо нашего корпуса со своей внучкой. Услышав шум, грохот и крики из окон здания, он бросился к двери, но она была закрыта как раз на такой случай на швабру. Это, конечно же, не могло его остановить. Ногой выбил дверь — швабра вдребезги. Вихрем влетел на второй этаж, где в холле человек двадцать в хорошем настроении пели и изображали замысловатый танец индейцев. Самый живописный вид был у молдаванина Василя Туманова, который плясал и пел в сапогах, трусах и панаме, которые мы привезли из Армении после горной подготовки. Володя Глебов танцевал в обнимку со шваброй. Не менее живописный вид был у Володи Калужского, в миру — Леонова, а также у Николая Липецкого, среди коллег более известного как Васильев. Другие были в джинсах, но без рубашек. В общем, вид представляли весьма экзотический. «Гриша» нашего веселого, залихватского настроения не разделял. На полную катушку в резкой форме высказал нам все, что думает по этому поводу.

Здание было старой постройки, но еще использовалось. Боязнь, что строение не выдержит такого буйства, и вызвало у нашего командира такую реакцию. Как показала жизнь, он был

прав. Позже этот корпус из-за ветхости был разобран. На месте этого здания слушатели выпуска 1978 года посадили маленькие елочки — по две от каждой группы. Во время празднования 20-летия «Вымпела» 19 августа 2001 года мы увидели, что на месте нашего корпуса красовались могучие ели метров под десять. Мне показалось, что они приветливо помахивали нам своими вечнозелеными лапами.

Однако при этом нужно заметить, что «Гриша» «отходил» очень быстро и никогда не держал зла на оступившихся.

Примером тому может служить то, что ни об одном из подвигшихся «экзакуции» слушателей не сообщалось в территориальное управление и эти данные не отражались в итоговой справке-характеристике по окончании КУОСа. За весь период существования Курсов было отчислено 2 или 3 слушателя, и то по очень серьезным нарушениям, не совместимым с высоким званием «кусовца».

В Григории Ивановиче удачно сочеталась высокая требовательность к подчиненным с человеческим, добрым отношением к окружающим людям.

Характерный пример. Одна из групп слушателей, намучившись с многокилометровой переноской «раненого» бойца в виде муляжа, набитого песком, решила, как мы говорили, пойти на «военную хитрость».

Слушатели довольно часто прибегают к разного рода «военным хитростям». Посредники-преподаватели к этому практически всегда готовы. Поэтому воспитание и обучение в подобных случаях осуществляется методическими приемами, то есть через вводные, которые на порядок сложнее предыдущего задания. Это вырабатывает устойчивое правило: дают преподаватели задание — надо выполнять. Учиться бывает очень трудно, а иногда на пределе возможного, что требует проявления особой воли, командирского характера.

Вот и наши слушатели закопали «чучело» в лесу, а по прибытии на базу в ходе доклада начальнику учений полковнику Бояринову сообщили, что «раненый» в дороге скончался от полученных ран, поэтому его «похоронили» со всеми почестями, а личные

документы и вещи принесли для передачи родным. Григорий Иванович спокойно выслушал доклад, не стал устраивать разноса. Он вынул из планшетки лист бумаги и зачитал «радиограмму» из Центра, в которой указывалось, что «погибший» сотрудник за проявленный героизм в боях с противником представлен к званию Героя Советского Союза. Далее сообщалось, что тело Героя необходимо доставить на Родину для похорон со всеми почестями. В связи с этим Центр просил указать основную и запасную площадки для приема самолета. Пришлось ребятам, проклиная свою смекалку, возвращаться к своему чучелу, извлекать его из земли и нести на основной пункт сбора несколько десятков километров, да к тому же еще подыскивать две поляны, пригодные для приема самолетов.

Делалось это им неспроста. Во-первых, это наглядно и доходчиво обучало тому, что раненый сковывает маневр спецгруппы. Следовательно, планируя операцию в тылу противника, надо всегда иметь в виду, что непродуманные действия могут погубить всю спецгруппу. Во-вторых, учиться надо без послаблений. В реальной обстановке будет еще труднее. К преодолению трудностей надо быть готовыми.

Работая начальником кафедры и Спецкурсов, Бояринов принимал активное участие в разработке и проведении занятий по всем дисциплинам. За этот период не пропустил ни одного суточного выхода, учения или специального комплексного занятия, которые отрабатывались в любых погодных условиях, преимущественно зимой и весной. Всегда старался встретить учебную группу на конечной точке, приободрить слушателей, находил точные характеристики физического состояния отдельных из них и уверял, что на следующих выходах будет легче.

Григорий Иванович помнил почти всех своих слушателей, храня в памяти многие детали и «приключения» отдельных за время обучения. Естественно, на реакцию слушателей «наш Гриша» он отвечал: «мои ребята». И когда встал вопрос о выполнении бывшими слушателями ответственного боевого задания в декабре 1979 года в Афганистане, Григорий Иванович не смог остаться в стороне от «своих ребят» и пошел вместе с ними на выполнение этого задания.

Спецотряд КГБ «Зенит», задействованный в 1979 году в Афганистане, целиком состоял из выпускников КУОС. Руководителем спецгруппы «Зенита» был назначен выпускник Спецкурсов Яков Федорович Семенов. В 1974 году он поступил в аспирантуру ВКШ КГБ по линии кафедры КУОС. После ее окончания некоторое время работал преподавателем спецтактики. В отношении Якова известно, что он был чемпионом Карелии по лыжам, призером республики по спортивному ориентированию. Защитил диссертацию на соискание звания кандидата юридических наук, стал доцентом. В научной и практической работе использовал знание французского и финского языков, в чем у меня была возможность убедиться самому.

Впоследствии комплектование командного состава спецотрядов «Каскад», «Омега» также проходило с опорой на сотрудников спецрезерва КГБ, подготовленного на КУОС.

Григорий Иванович Бояринов был направлен Ю.В. Андроповым, по согласованию со спецпредставителем Председателя КГБ в Афганистане Б.С. Ивановым, для руководства и координации действий спецгрупп КГБ в Кабуле. Возглавлял общее командование спецгруппами КГБ «Зенит» и «Гром». Принимал непосредственное участие в штурме дворца Амина. По своему служебному положению Григорий Иванович мог остаться в штабе проведения операции, но это было не в его характере. Не мог он отсиживаться в стороне, когда «его ребята» были впереди и рисковали своими жизнями.

Во время трагических событий захвата дворца Амина Тадж-Бек, как это часто случается, серьезное смешалось с курьезным, причем чисто по-нашенски, по-русскойски.

Сначала, после завершения длительного заседания афганского руководства во главе с Амином, наш внедренный человек во время обеда отравил* Амина и все его ближайшее окружение.

* Отравление Амина следует воспринимать как одну из версий. Другая версия: давая ему снотворное, рассчитывали вывести его из строя так, чтобы в ходе операции «Шторм 333» он не смог бы взять управление противодействием на себя. Такие элементы в спецоперациях известны весьма ограниченному кругу, гласности никогда не предаются. — *Прим.ред.*

Охрана Амина вызвала врачей из советского посольства, которые, ничего не зная об операции, с большим трудом «откачали» Амина. В этот момент начался штурм дворца. Врачи попрятались, где смогли. Один из них залез в платяной шкаф. Боец спецназа, пробегая через эту комнату, дал очередь из автомата по шкафам. Находящийся там врач погиб. В этот момент в комнате появился ничего не понимающий Амин с автоматом в руках. В завязавшейся скоротечной перестрелке он был убит.

Много версий ходит о гибели Григория Ивановича. Но надо иметь в виду, что это ведь был ночной бой. Каждый был занят выполнением своей задачи. Наблюдателей не было. По словам участника этого ожесточенного боя Александра Иващенко из Нижнего Новгорода, он остался жив только благодаря Григорию Ивановичу. Александр рассказал, что именно Григорий Иванович в критический момент, когда атака на дворец могла захлебнуться, встал и со словами: «Ребята, вперед!» — смело преодолел площадь перед дворцом. Вместе с ним рванули Александр Иващенко и другие ребята.

Когда ворвались во дворец, то Александр на какое-то время растерялся. Темно, незнакомое помещение, автоматные очереди, взрывы гранат, отборный мат нападающей стороны, крики и стоны раненых. Было от чего растеряться. И только уверенные команды Григория Ивановича дали возможность Александру прийти в себя и в дальнейшем уже действовать осознанно. Первым делом «зачистили» первый этаж. Александр гранатами забросал узел связи, расположенный на первом этаже, тем самым лишив контактов с внешним миром гвардейцев Амина.

Григорий Иванович понимал, что малыми силами им не удержать захваченные позиции и тем более не расширить плацдарм. В нарушение собственного приказа он выскочил в афганской форме из парадного подъезда дворца и стал призывать бойцов «мусульманского батальона» идти на помощь во дворец. В этот момент пулеметная очередь и настигла его: одна из пуль, срикошетив от бронезилов, попала в шею Григорию Ивановичу. Умирал раненый Григорий Иванович на руках у Александра Иващенко.

За проявленный героизм в этом бою Григорию Бояринову присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

27 декабря, не сговариваясь, вот уже больше двадцати лет ветераны, преподаватели и слушатели КУОС, встречаются на кладбище в Москве у могилы Григория Ивановича. Обязательно приходят и два его сына – Игорь и Андрей с внуком Григорием.

Борис Павлович Кашицин, военный летчик по профессии, написал замечательное стихотворение, посвященное памяти Григория Ивановича, которое Анатолий Алексеевич Набоков прочитал на одной из годовщин у могилы Бояринова.

Памяти Г.И. Бояринова

*Возле старой могилы стоит ветеран,
Чуть согнувшись от ран и недуга,
И, роняя слезу, поднимает стакан
За погибшего верного друга.*

*Вновь и вновь возвращаются годы назад,
Снова в памяти эта картина,
Когда Гриша Бояринов свой спецотряд
Вел на штурм цитадели Амина.*

*Уложил всех на землю кинжальный огонь,
Смерть в потемках искала солдата,
Тут услышали голос: «Ребята, за мной,
Помирать нам еще рановато!»*

*Подняла командирская воля ребят,
Вдохновила единым порывом,
Под свинцовым дождем, под разрывы гранат
В бой пошли за своим командиром.*

*Не за Родину-мать, не за блеск орденов
Погибали герои России,
Не любили пустых и напыщенных слов,
А вот честь берегли и ценили.*

*Для кого-то герои давно в забытьи,
Над Кремлем не приспущены флаги,
Государство забыло, но только не те,
Кто участвовал в этой атаке.*

*И приходят друзья, вспоминая Афган,
На могилу солдата-героя
И, не пряча слезу, поднимают стакан
За того, кто их вывел из боя.*

В связи с предстоящим 80-летием со дня рождения Г.И. Бояринова в ноябре 2002 года общественные организации ветеранов органов госбезопасности планируют отметить эту дату по программе Памяти своего боевого товарища, учителя и соратника.

После Григория Ивановича Бояринова начальником КУОС был Герой Советского Союза Козлов Эвальд Григорьевич (1980–1982), в будущем первый командир «Вымпела». Затем Спецкурсы возглавляли Петр Иванович Нищев (1982–1984) и Сергей Александрович Голов (1984–1992).

Первые впечатления

По прибытии в Балашиху первые два дня ушли на решение оргвопросов. Разместили меня в одной комнате с Алексеем Золотаревым из Орла, с которым мы до этого учились на одном курсе в Высшей школе КГБ, и Валентином Птицыным из Эстонии, которого я также знал по Высшей школе. Он учился на 2 курса старше меня. Поскольку он тоже изучал финский язык, то мы, естественно, знали друг друга. В соседней комнате поселился Александр Ивашенко из Горького, с которым мы также учились на одном курсе в Высшей школе. Много времени на притирку с коллективом не понадобилось.

Значительно больше времени ушло на получение амуниции и снаряжения. Всем особенно понравилась зимняя форма летного состава: теплые комбинезоны, куртки на меху, меховые унты. В этой одежде можно было часами лежать в снегу в засаде, не ощущая холода.

В связи с этим надо отметить, что большая, трудоемкая и ответственная обязанность по снабжению Спецкурсов лежала на службе, возглавляемой Владимиром Михайловичем Саньковым. В службу входили начальники складов — арттехвооружения и вещевого довольствия. Долгое время их возглавляли прапорщики М.В. Ромакин и И.В. Туляков. Много мороки, помнится, было с нашим имуществом, которое необходимо было сушить и ремонтировать. Конечно, большую часть работы выполняли солдаты взвода. Но учет и хранение целиком лежало на них. Со своими обязанностями справлялись хорошо, хотя наш брат-слушатель зачастую был ими недоволен. Автомат

приходилось чистить до тех пор, пока он не начинал соответствовать требованиям наставления по уходу за личным оружием. Экипировку надо было сдать сухой и чистой. Надо прямо сказать, что после многокилометровых переходов по лесам и болотам эта работа у нас не вызвала энтузиазма и радости, но делать ее было надо.

Весь прибывший контингент разделили на группы по 12–14 человек. Каждый из нас выбрал себе школьную фамилию, с которой мы уже не расставались до конца обучения. И только прощаясь по окончании обучения, мы узнали настоящие фамилии друг друга. Хотя, надо отметить, эти школьные фамилии предназначались в основном для нашего окружения. Мы знали, что будем общаться в будущем, а без истинных фамилий будет трудно восстановить контакт.

На первом же организационном партийном собрании слушателей Спецкурсов, вероятно, потому, что было довольно много бывших выпускников Высшей школы, которые неплохо меня знали, я был единогласно избран секретарем партийного бюро. Когда такая команда тебе доверяет, — это всегда приятно. Я очень гордился таким доверием. Не надо путать или отождествлять все это с приверженностью к коммунистической идеологии. Секретари первичных партийных организаций не имели ничего общего с партийной номенклатурой и чиновничеством. Последнее, как правило, появлялось на следующих ступенях партийной иерархии.

Куратором нашей учебной группы был назначен Анатолий Алексеевич Набоков. Он же преподавал нам топографию, специальную тактику и искусство выживания в экстремальных ситуациях. Надо прямо сказать, что с куратором нам повезло. Анатолий Алексеевич обладал безусловным талантом Учителя, как я его называл все последующие годы. Даже такой достаточно скучный, как нам поначалу казалось, предмет, как топография, он умел так преподнести, что мы не успевали замечать окончания урока. Про теорию выживания рассказывал настолько интересно и захватывающе, что группа, как правило, не расходилась на перерыв, интересуясь различными нюансами этой интересной для нас проблемы. Весьма занимательно умел преподавать разнообразные рецепты приготовления блюд из змей, лягушек, червей и т.д. Даже воду из лужи

на улице после соответствующей очистки слушатели пили если не как коньяк, то без опасения заразиться.

Наверное, главным его достоинством было то, что он никогда не пытался показать свое превосходство в знаниях или продемонстрировать бестолковость слушателя. В присущей ему манере с загадочной и несколько лукавой улыбкой начинал беседу и незаметно подводил к верному решению. Слушатели же были уверены, что это они такие способные, раз сами его нашли.

Запомнилось его отеческое к нам отношение, когда мы после многокилометровых переходов, усталые до предела, буквально в пене и просоленные потом, встречались с ним на промежуточных привалах. Он встречал, нас стоя у полевого котла с чаем и плавающими там дольками лимона. Заботливо наливал черпаком каждому кружку чая и спрашивал: «Ну что, молодцы, дошли до точки, и небо кажется с овчинку? Ничего, я сейчас вам чайку налью с лимоном. Доставайте из рюкзаков свои сухие пайки, подкрепитесь, оклемайтесь маненько, а потом будем думать о следующем задании».

Мы в состоянии лишь только согласно кивать головами, потому что сил для другого никаких нет. Проходит 5–10 минут, и уже появляются силы для шуток и подначек.

Так случилось, что у большинства преподавателей и слушателей были свои клички, хотя никто специально не занимался их подбором. Получалось это как-то само собой. Например, во время игры в волейбол, когда нам приходилось трудно, я имел привычку говорить своему напарнику по команде Алексею Золотареву: «Спокойно, Джексон. Дай мне пас «конфетку», буду их «убивать».

Кончилось тем, что все стали меня называть Джексонем. Недавно даже произошел комичный случай с этим именем. Позвонил своему другу в другой город, но его не оказалось на месте. Дежурный спросил, что передать, кто звонил. Прошу передать, что звонил Джексон. Владимир Ивановичей много, как я не раз убеждался на практике, а Джексон в куосовской среде – один. На следующий день дружок звонит и со смехом рассказывает, что дежурный передал ему, что звонил какой-то иностранец из африканской страны по имени Джексон.

Профессор Старинов – «Бог партизанской войны»

Основы специальной инженерной подготовки на КУОС, иногда упрощенно именуемой минно-взрывным делом, заложил и развивал Илья Григорьевич Старинов. Безусловно, самый авторитетный специалист в этом плане как на Родине, так и за рубежом, «разведчик-диверсант всех времен и народов», «Бог партизанской войны», как его называли между собой спецназовцы и СМИ.

Об Илье Григорьевиче можно говорить много. История его жизни заслуживает отдельной книги, и такие книги есть. Создан и фильм, посвященный ему, – «Солдат столетия». В честь Ильи Григорьевича по инициативе альманаха «Вымпел» названа звезда в созвездии Льва.

В 1971 году вышел документальный фильм «История одной идеи». Он посвящен использованию И.Г. Стариновым радиомин Красной Армией в оккупированном в 1941 году Харькове. Этот год считается переломным в «рассекречивании» боевых подвигов профессора Старинова.

Почетный чекист, изобретатель, профессор, кандидат технических наук, литератор. В августе 2000 года государство и общество отметили его 100-летие.

Меня поражало, что даже в таком возрасте он вел интересную, насыщенную жизнь, не сидел без дела. В дни празднования 100-летия вышла третья книга Ильи Григорьевича, озаглавленная удивительно точно, – «Солдат столетия». В эти же дни он, обеспокоенный ситуацией в Чечне, пишет письма руководству

страны, предлагая поделиться своим опытом. Ведь за плечами у него гражданская война, Испания, финская кампания, Великая Отечественная, многолетняя служба в органах государственной безопасности.

Но вернемся к первым впечатлениям от встречи с ним. В 1975 году он был энергичен, по-спортивному поджар. Прочитал нам по своему предмету установочную лекцию, провел несколько практических и семинарских занятий. Многим из нас он был известен еще по занятиям в Высшей школе КГБ. И всегда, когда бы ни встречался с ним, воображение поражала эта неординарная личность. Никогда не скажешь, что он ровесник века.

Но больше всего удивляла его ясная, точная память, умение говорить и мыслить логично. Когда в марте 1999 года он выступал на встрече по случаю 30-летнего юбилея КУОС, все вновь удивились его поразительной способности, даже в таком преклонном возрасте хорошо разбираться в хитросплетениях нашей непростой жизни и дару кратко, емко и точно разложить все по полочкам. Чекисты-ветераны, в большинстве своем прошедшие Афганистан, отдавая дань мужеству и доблести этого человека, стоя долго аплодировали как и во время самой речи, так и по ее завершении.

Хотелось рассказать хотя бы некоторые эпизоды из его жизни, ставшие мне известными из печати и услышанные от него в личных беседах, чтобы каждый смог ощутить масштаб этой незаурядной личности.

О себе он рассказывал коротко:

— Отец и мать из крестьян, от голода подались в путевые обходчики. Шестеро детей, я — старший. Вся семья жила в железнодорожной будке. На фронте оказался в восемнадцать лет, пошел добровольцем, был пешим буденновцем...

Гражданская война, оставив на теле Ильи Григорьевича несколько рваных отметин, закончилась для него в 1921 году в Батуми. Подготовившись самостоятельно по математике и физике, сдал как бывший гимназист на «отлично» вступительные экзамены в Воронежскую школу военно-железнодорожных техников, которую окончил с отличием, затем — служба в полку.

В 1923 году Старинову, тогда командиру роты 4-го Коростенского Краснознаменного железнодорожного полка, дали непростое задание: определить, какие способы и взрывчатые вещества используют действовавшие в то время на Украине банды при диверсиях на железнодорожных коммуникациях, а главное — как обезопасить мосты и дороги от бандитов.

Одно из заданий. Издали мост казался целым, но при приближении Старинов увидел, что он перекошен, а по одной из опор расползлись трещины. Через некоторое время Илья Григорьевич уже докладывал начальнику, что здесь, судя по всему, действовал специалист: знал о наличии в мостах приграничной зоны специальных ниш для закладки взрывчатки. Для минирования использовал, скорее всего, аммиачно-селитряную смесь — взрывчатое вещество пониженной мощности. Тротил и динамит разнесли бы опору вдребезги. А здесь только трещины.

— С этими трещинами на месяц возни, — отметил начальник.

— Давай думай, думай, как с этим бороться! На кой ляд нам эксперт, который только руками разводит?! — разозлился он.

К вечеру Старинов предложил бить бандитов их же оружием: самим заложить взрывчатку во все ниши ближайших мостов.

— Ты что?! А вдруг с бандитом и мост взлетит. Получится, что мы сами подрываем мосты.

— Не взлетит, — заверил Старинов, — «сюрприз» будет направленного действия.

Через пару дней у одного из мостов подобрали раненого бандита. Он подорвался, пытаясь заложить в колодец арки моста взрывчатку.

— Поздравляю! — сказал чуть позже начальник. — Этот минер нам всю банду выдал.

Другой случай еще больше упрочил авторитет Старинова как специалиста по минно-подрывному делу. На станции Мозырь Илья Григорьевич обнаружил в опоре моста заряд динамита. Инstrukция требовала уничтожить его на месте, избегая перевозки. Старинова предупредили, что надолго задерживать движение нельзя, тем более не могло идти речи о подрыве.

Усталый и мрачный, он вернулся в служебный вагон. Никак не мог отмыть грязные руки. Попросил горячей воды. Обжигающая мыльная пена смывала жирные пятна мазута. Забыв вытереть руки, он ринулся назад к мосту. В опору, где была взрывчатка, залили мазут, насыпали опилки, а потом вымывали динамит горячей щелочной водой. Мост был спасен.

С осени 1923 года учился в Ленинградской школе военно-железнодорожных техников. В 1924 году в качестве командира роты участвовал в строительстве железной дороги Орша—Лепель. Так у него в жизни и повелось: то взрывал железную дорогу, то восстанавливал ее. Редкое умение: обычно люди этой профессии только выводят из строя объекты противника.

В 1929 году был привлечен к подготовке диверсантов-подпольщиков в киевской школе Кочегарова, предназначенных для вывода из строя железнодорожных участков в случае оккупации территории.

Затем служба в отделе Главного разведуправления при Генштабе Красной Армии. В этот период активно работал над созданием на территории Советского Союза баз для того, чтобы в случае нападения противника быстро организовать массовое партизанское движение в тылу врага.

В то время, по словам И.Г. Старина, исходили из того, что в случае нападения противника его войска, перейдя границу и углубившись на советскую территорию, выйдут на укрепленные районы и увязнут в позиционной войне. В тылу врага в это время развернется партизанская война. Войска противника, лишившись через некоторое время свежего пополнения, подвоза боеприпасов и продовольствия, будут вынуждены отступать. Вместе с противником, как предполагалось, отойдут и партизанские формирования, продолжая осуществлять диверсии в его тылу. Это была достаточно хорошо продуманная система, рассчитанная как на оборону, так и на наступление. Базы создавались как на территории Советского Союза, так и вне ее.

В августе 1933 года поступил сразу на 2-й курс железнодорожного факультета Военно-транспортной академии РККА,

которую окончил с отличием. Параллельно с учебой участвовал в подготовке минно-взрывных средств, предназначенных для длительного хранения. Организовывал тайные склады на скрытых партизанских базах. Страна готовилась к обороне.

После того как в 1935 году подготовка к партизанской войне была неожиданно свернута, Илья Григорьевич был назначен заместителем военного коменданта станции Ленинград—Московская. По совместительству преподавал технику заграждений на дорогах в Военно-транспортном институте.

В 1936 году по рекомендации «Старика» (псевдоним руководителя Разведывательного управления РККА Яна Карловича Берзиня) был направлен советником и инструктором разведгруппы Доминго Унгурии, которая в ходе испанской войны переросла в партизанский корпус. В тот период он подчинялся его заместителям — Р.Я. Малиновскому, К.А. Мерецкову и Г.М. Штерну.

В Испанию Илья Григорьевич отправился с переводчицей Анной Корниловной Обручевой, которая в последующем стала его женой. Она была его надежным помощником, участвовала в большинстве проводимых им операций. Работала переводчицей, санитаркой, наравне со всеми изготавливала мины. Вместе они прожили пятьдесят лет.

Находясь в Испании, «Рудольфо» (псевдоним Старина) со своими подчиненными совершил порядка двухсот диверсий и засад, в результате которых потери противника, по самой скромной оценке, составили более двух тысяч человек. Ему удалось организовать интернациональную школу подрывников в Валенсии. Один из ее выпускников впоследствии послужит прототипом главного героя в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол».

Старин говорил, что немецкие и итальянские саперы пытались изучить нашу технику, но мы постоянно ставили их перед новыми и новыми загадками: то устраивали «сюрпризы», то снабжали мины взрывателями, исключавшими возможность их извлечения, то применяли магнитные мины неизвестной конструкции. Об установке наших мин противник узнавал, как правило, только тогда, когда партизаны отправляли под откос его эшелоны.

Характеризуя своих соратников по партизанской войне, Илья Григорьевич отмечал, что из русских и испанцев получаются хорошие партизаны. Немцы — хорошие вояки, но для партизанской войны не годятся. У них в характере и выучке установка: кто — справа, кто — слева, обязателен старший командир и т.д. Действовать в одиночку не приспособлены*.

Финны — отличные вояки, хорошо адаптированы к ведению партизанской войны, но ему с ними пришлось расстаться, так как много пили.

— Неужели пили больше русских? — часто спрашивали его слушатели.

— Да, больше. Но главное — напьются и бузотерят! Для партизанского дела непригодны.

Весной 1937 года республиканские подрывники совершили немало вылазок в тыл врага, начавшего наступление. Урон противнику наносился немалый, хотя хронически не хватало взрывчатки. В ту пору в Кордову к противнику эшелон за эшелонам шли составы с итальянскими фашистами, техникой и боеприпасами.

Илья Григорьевич с подрывниками из группы Доминго Унгии в один из дней заложил две мины и весь оставшийся запас взрывчатки под железнодорожное полотно. А рельсы уже гудели. И вдруг кто-то в испуге закричал:

— Смотрите!!!

К заминированному участку мчался сверкающий огнями пассажирский поезд. Вспомнился жесткий приказ командующего Южным фронтом республиканской армии Переса Саласа о том, что он категорически запрещает совершать диверсии на дорогах, где ходят пассажирские поезда. Если бы можно было остановить состав, Илья Григорьевич сделал бы это не раздумывая. Но было поздно. Старинов стал ждать самого худшего. И только через несколько дней из газет они узнали, что пустили под откос поезд

* Немцы-волонтеры, прибывшие в Испанию для участия в борьбе на стороне республиканцев, никак не могли отойти от требований полевого устава. Илья Григорьевич не раз пробовал их переучить, но успеха не имел. В силу этого он считал их мало или вовсе непригодными для действий партизанскими способами в тылу франкистских войск. — *Прим.ред.*

со штабом итальянской авиадивизии. Эта операция наделала много шума. К подрывникам зачастили корреспонденты. Илья Григорьевич в это время встречался с Михаилом Кольцовым, Ильей Эренбургом. Тогда к ним приехал и Эрнест Хемингуэй. Отряд «Рудольфо» получил признание, право на самостоятельные действия в тылу франкистских войск.

Другой известной акцией Старинова в Испании стала организация крушения воинского эшелона в туннеле, прервавшая надолго важную вражескую коммуникацию. До этого батальон интернационалистов по приказу командующего фронтом атаковал хорошо охраняемый франкистами туннель. Достиг цели, но понес значительные потери. Минерам удалось осуществить подрыв входных ворот, но движение поездов было задержано всего лишь на 2 часа.

Старинов пошел иным путем. Он набил покрывку от автомобиля взрывчаткой, приспособил к ней петлю из проволоки и положил ее между рельсами перед приближающимся поездом в 200 метрах перед туннелем. Паровоз зацепил петлю и потащил самодельную мину в туннель. Все это свершилось на глазах фашистов, но они ничего не могли поделать. Мина взорвалась в туннеле, вагоны сгрудились и полностью забили туннель. После этого они начали взрываться, так как были полны боеприпасов. Эти взрывы продолжались на протяжении 8 часов. Образовавшийся пожар и взрывы все выжгли в туннеле, рельсы расплавились. На восстановление туннеля франкистам понадобилось 5 дней. Потерь со стороны интернационалистов в этой операции не было. В этом весь Старинов: оригинальная идея, смелое, решительное исполнение. Понятно, что Илья Григорьевич реализовывал работы способов и средств, которые он и его коллеги в 1929–1933 годах апробировали на спецполигонах.

Вернувшись из Испании, пережил четыре самых страшных месяца в жизни. Каждую ночь ждал звонка в дверь. Тухачевский, Якир, Уборевич, Корк, Блюхер и другие, с кем он был тесно связан по службе, чьи ответственные задания выполнял, были расстреляны к тому времени как враги народа.

Придя на место своей последней службы в военную комендатуру станции Ленинград-Московская, узнал, что весь ее состав был репрессирован, за исключением писаря. «Вина» сотрудников состояла в том, что военный комендант станции Борис Иванович Филиппов получил орден Красной Звезды по представлению начальника военных сообщений Красной Армии генерала Апоги, который был якобы врагом народа. Илья Григорьевич был заместителем Бориса Ивановича и, если бы не Испания, то был бы репрессирован вместе со всеми. С тех пор он стал спать в теплом белье. Чувства и настроение были тягостными.

Судя по всему, Испания и ставшие широко известными его акции по уничтожению поезда со штабом итальянской авиационной дивизии, подрывом поезда в туннеле и другими делами, описанными в прессе такими известными и популярными журналистами и писателями, как Михаил Кольцов, Илья Эренбург и Эрнест Хемингуэй, спасли ему жизнь.

По возвращении из Испании Старинова принял начальник Главного разведывательного управления Красной Армии генерал С.Г. Гендин. Поздравил с получением орденов Ленина и Красного Знамени. Их Илье Григорьевичу вручил М.И. Калинин. Затем Гендин представил его наркому обороны СССР маршалу Ворошилову. Климент Ефремович выразил свое восхищение его ратными подвигами, и именно с этих пор у них зародились особые отношения. Ворошилов дал указание Гендину о представлении Ильи Григорьевича к самой высокой награде. Гендин представил Старинова к званию Героя Советского Союза, но вскоре сам был арестован, а Илью Григорьевича перестали пускать в здание ГРУ.

В дни празднования своего 100-летия в моем присутствии Илья Григорьевич рассказал в одном из интервью, что в тот период зашел к своему приятелю Петру Николаевичу Монахову, с которым прослужил 8 лет в Коростенском железнодорожном полку. Тот увидел, что на Илье Григорьевиче иностранная одежда, сказал:

— Илья, дорогой, ты работал за границей, а у меня... дети.

Естественно, что Илья Григорьевич больше не мог к нему приходить.

В 1937 году все мероприятия по формированию сил и средств в СССР партизанского сопротивления на случай войны были ликвидированы. Была признана политически вредной мысль, которая допускала, что враг будет воевать на нашей территории. Предполагалось, что воевать будем только на чужой стороне. Самое страшное, что к врагам народа причислили всех чекистов, причастных к этой работе. В первую очередь погибли те, кого готовили для поступления на работу к противнику в случае оккупации. Для партизан были подготовлены склады с минами для подрыва паровозов и организации диверсий в тылу противника. Получилось так, что репрессировали лучших из лучших. По словам Ильи Григорьевича, перед началом войны он не встретил ни одного из них.

По мнению Ильи Григорьевича, если бы этого не случилось, то война закончилась бы к 1943 году*. Фашисты прорвали бы первую линию обороны и подошли к укрепрайонам. Израсходовав там свои боеприпасы, они не смогли бы воевать успешно, так как в это время партизаны отрезали бы их от баз снабжения. Он понимал, что в условиях современных маневренных войн резко возрастает зависимость войск от бесперебойной работы железных дорог. Воевать без нормального снабжения невозможно.

Вторая крупная ошибка состояла в том, что наши войска, оказавшись в окружении, стремились выйти на соединение с армией. В ходе этого они уничтожались и брались в плен превосходящими силами противника. Надо было, по мнению Ильи Григорьевича, наоборот, уходить в тыл к противнику, где у него было мало войск, и вносить там дезорганизацию. Немцы сразу бы ощутили острую нехватку вооружения, наступательный порыв поубавился бы. У Красной Армии появилось бы время для маневра и сосредоточения сил. Происходило это потому, что офицеры не проходили обучения по тактике ведения партизанской войны.

* Даже среди соратников профессора Старинова по этой дате возможного окончания войны не было твердого единства. — *Прим.ред.*

Сыграл свою роль, конечно, и политический мотив. В то время считалось: раз попал в плен — значит, предатель.

Просчетом Сталина было то, что он рассматривал партизанские выступления как месть, а не как военные действия. В противном случае он поручил бы руководство партизанскими силами не подпольным партийным органам, а военным специалистам, которые планировали бы партизанские действия и обеспечивали партизан вооружением. В основном партизаны добывали вооружение сами. Их потребности со стороны Центрального штаба партизанского движения удовлетворялись только на 10%.

Порочной была, по мнению Ильи Григорьевича, и так называемая рельсовая война, в результате которой партизаны отчитывались количеством подрывов второстепенных и тупиковых путей, а магистральные оставались в основном нетронутыми. Переводилось огромное количество взрывчатки, которой так не хватало в тылу врага, а главное — практически не наносилось ущерба противнику. Гораздо эффективнее было сориентировать партизан на подрыв эшелонов, что и ущерб врагу наносило бы ощутимый, и движение задерживало надолго. Мелкие подрывы, которые в основном практиковались, фашисты ликвидировали моментально. Противник, имея так называемые мостики длиной в 80 см, накладывал их на место подрыва, обычно около 30 см, и спокойно двигался дальше.

Но вернемся к событиям до начала Великой Отечественной войны. В феврале 1938 года Старинов вновь чуть не попал под каток репрессий. Его вызвали на Лубянку и заставили написать все о работе с Якиром и Берзином. Только личное вмешательство Ворошилова, который в беседе с Ежовым пояснил ему, что Старинов действительно выполнял задания врагов народа, но был маленьким человеком и не мог знать сути дела, к тому же отличился в Испании, спасло его. После этого Старинова направили работать начальником Центрального научно-испытательного полигона железнодорожных войск на ст. Гороховец Горьковской железной дороги, где испытывали железнодорожную и строительную технику.

Позже Старинов участвовал в финской войне начальником группы по разминированию железных дорог на Карельском перешейке, где его тяжело ранил в правую руку финский снайпер. Получил справку об инвалидности, но никому ее не показывал. Кости руки срослись, но перебитые нервы вызвали ее паралич. По этой справке Илья Григорьевич только в 1993 году оформил пенсию с учетом инвалидности.

В августе 1940 года назначен начальником отдела минирования и заграждений Главного военно-инженерного управления Красной Армии. В Нахабино готовили специалистов по заграждению и минированию. Находясь на этой работе, Илья Григорьевич смог постепенно залечить руку, но полностью вылечить ее так и не удалось.

В октябре 1941 года немец стоял на ближних подступах к Москве. Илья Григорьевич, чтобы сорвать снабжение армий вермахта на этом направлении, разработал план по минированию железных дорог на оккупированной территории.

Ученик легендарного генерала Д.М. Карбышева, Илья Григорьевич был фанатично предан идее борьбы с противником в его тылу с помощью мин. Эти идеи он хотел донести и до руководства страны. Так, по рекомендации К.Е. Ворошилова он 2 дня, дожидаясь своей очереди на доклад, сидел в приемной Сталина. Обстановка на фронтах была столь тяжелой, что Сталин не смог принять его и дал указание своему личному секретарю Поскребышеву направить Старинова пока к Мехлису. Поскребышев, обращаясь к Илье Григорьевичу, заметил:

— Конечно, я понимаю, что ваша встреча с Мехлисом для вас нежелательна. Но вам придется с ним встретиться. Товарищ Сталин сказал, что примет вас в другое время.

Мехлис прочитал аналитическую справку Старинова в его присутствии. И тут же, разразившись гневом, сказал:

— Как ты смеешь писать такую чушь, пытаешься чушью загрузить вождя. В плен сдаются армии, рушатся фронты, а ты какими-то диверсиями хочешь остановить войска вермахта. Выброси эти бредовые мысли из головы. Мы тебя по ходатайству

Ворошилова простили за твои чудачества после Испании. Выводов не сделал. Не бросишь, не образумишься — больше не простим*.

Мехлис называл чудачествами подготовку к партизанской войне по опыту Испании. К тому времени такая потребность признавалась политически вредной. Допустить, что враг может оказаться на нашей территории, считалось преступлением. Известно, что практически все сотрудники НКВД, причастные к этой работе, были репрессированы.

Илья Григорьевич про себя сказал: «Дурак!». Но вслух спотыкаться не стал. Понимал, что цена — жизнь.

Вот так проявляли и могут проявлять себя руководители высокого ранга, если они не только не могут понять проблему, но и выслушать специалиста.

Горячая пора трудиться выпала Илье Григорьевичу на всех фронтах Великой Отечественной с ее первого часа. Одна из знаменитых его операций по минированию была проведена в Харькове. Город готовился к эвакуации. Перед Стариновым была поставлена задача заминировать предприятия, подлежащие взрыву при подходе врага. Но было еще задание, о котором знало только несколько человек. С учетом особой важности задания И.Г. Старинова инструктировал лично начальник Генерального штаба Красной армии маршал Б.М. Шапошников. Излагая общую обстановку, маршал не скрывал, что она не только трудная, но и угрожающая.

Наряду с обычным минированием необходимо было осуществить минирование особо важных объектов радиоминами. Всего было получено 30 радиомин. В Харькове Старинова принял

* Момент трагический: Л.З. Мехлис в 1941 году — начальник ГлавПУра и заместитель наркома обороны. Он слепо придерживается указания из речи СТАЛИНА от 3 июля 1941 года о действиях на занятой врагом территории, а именно: «создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов». Он не понимает в данной ситуации и не может понять профессионала, который принес новое решение. Более того, он угрожает расправой, реальность которой очевидна. Феномен Мехлиса опасен тем, что такие помощники в большом количестве часто были и могут быть поныне около первых лиц государства. Обойти их никак нельзя. — *Прим. ред.*

командующий фронтом С.К. Тимошенко, уточнил детали операции и утвердил ее план.

Для одной из радиомин выбрали особняк на улице Дзержинского, 17. Дом был примечателен тем, что в нем в разное время по «преимущества» квартировали первые лица государственно-партийного аппарата Украины. В октябре в особняке жил Н.С. Хрущев. Он выехал из здания в последний день пребывания наших войск в Харькове. В двадцатых числах октября 1941 года бои шли уже в предместьях Харькова.

В подвальной части здания были подсобные помещения и небольшая котельная. Очистив ее от угля, минеры вскрыли пол, открыли глубокий, более двух метров, колодец. Извлеченную землю аккуратно ссыпали в мешки. В каждый — определенный слой, чтобы при маскировке заряда сохранить их прежнее чередование. Установили в колодце заряд большой мощности, подключили радиоуправление. Антенну вывели через трубу камина на чердак дома. Затем в котельной установили мину-«блесну». Эта мина установлена была тоже профессионально. Немецкие саперы при ее разминировании обнаружили, что электрические батареи, подключенные к взрывателям, отсырели и разрядились. Невдомек им было, что разряженными их установил специально Илья Григорьевич.

Генерал фон Браун, естественно, поостерегся въезжать в заминированный город и, дожидаясь разминирования, поселился в плохоньком домишке на окраине Харькова. Внимание саперов привлек особняк на улице Дзержинского, где до последнего момента жил Хрущев. В подвале особняка саперы заметили в груде угля едва заметный проводок. К концу следующего дня саперы разминировали большую мину, насыщенную различными дублирующими и подстраховывающими друг друга взрывателями и замыкателями. Капитан Гейден немедленно поехал к генералу фон Брауну и доложил о разминировании особняка.

Позднее в Воронеже Старинову как руководителю операции пришлось пережить неприятный момент. Разведка фронта добыла приказ немецкого командования, в котором сообщалось, что в Харькове обнаружены и обезврежены русские мины и среди них — мины

замедленного действия с часовыми замыкателями и электрохимическими взрывателями. К копии приказа, доставленного Илье Григорьевичу, была приколоты сопроводительная записка: «Эти легко обнаруживаемые и обезвреживаемые мины устанавливались под руководством полковника Старинова». Фашистами это делалось специально, по личному указанию Гитлера, чтобы эта информация дошла до руководства, в надежде, что подручные Сталина сами его уберут. И это была действительно реальная угроза для Ильи Григорьевича. А затем пришло новое известие: из полуподвала особняка по улице Дзержинского фашисты извлекли особо сложную мину, и теперь в доме располагается начальник Харьковского гарнизона генерал-лейтенант Георг фон Браун (дядя изобретателя ракет ФАУ).

– Фашисты извлекли «блесну», – доказывал начальству Старинов.

– Ведь это легко проверить.

Приказ на взрыв радиомин (их установили не только в особняке Брауна) пришел только 13 ноября 1941 года. В ночь на 14 ноября генерал Невский вместе с начальником отдела инженерного управления фронта майором Черновым и Стариновым, захватив строго засекреченные шифры, поехали на Воронежскую радиостанцию широкого вещания. В 3 часа 15 минут радиоминам послали первый сигнал, последний – около 6 утра. Самолет-разведчик сфотографировал разрушенные объекты, и члены Военного совета смогли убедиться, что радиомины взорвались с большим эффектом. Подробности же взрыва мины на улице Дзержинского сообщил Старинову попавший в плен немецкий капитан Карл Гейден, занимавшийся разминированием «дома Хрущева».

Радиомины успешно подорвали не только штаб 68-й армии и особняк на Дзержинской вместе с Георгом фон Брауном, но и клевету пропагандистов вермахта о плохих русских саперах.

Минно-подрывная операция «Западня», проведенная группой полковника Старинова в Харькове, стала первой значительной операцией такого рода в истории войн. Произошедшее было весьма серьезным, да к тому же и гибель фон Брауна нельзя было скрыть. Доложили Гитлеру, который поинтересовался, как погиб генерал.

– Радиомина, мой фюрер, – объяснил Кейтель.

– Кейтель, какая чушь – в роте, в полку не имеют нужных радиосредств, а радиомины есть, – взорвался Гитлер.

– Мой фюрер, это так.

Следующий вопрос был адресован Канарису:

– Кто и когда разработал в России радиомину?

– Испытательный образец радиомины был изготовлен для морского ведомства харьковским профессором Пильчиковым накануне Первой мировой войны. Немецкая разведка пыталась осуществить его вербовку сразу после революции, но он от предложения отказался. Агент-боевик его ликвидировал. Далее работу над радиоминой продолжал инженер Бекаури. Но в 1938 году пал жертвой молоха репрессий. В настоящее время работу по проекту «Радиомина» ведет инженер Файнберг.

Прервав Канариса, фюрер спросил:

– Кто он – немец, еврей?

Руководитель абвера уточнил: еврей.

– У нас есть радиомины?

– Нет, мой фюрер.

– Сколько потребуется времени для их изготовления?

– Минимум 3 месяца необходимо для изготовления образца,

– ответил Шахт.

– Хорошо, через 3 месяца покажите мне образец.

Через 3 месяца Гитлеру предъявили 2 образца радиомин.

– Можем ли поставить их на поток? – спросил Гитлер

– Это можете решить только вы, мой фюрер, – произнес Шахт.

– Почему?

– На ее изготовление требуется столько платины, серебра, золота, вольфрама и молибдена, что для нас это непосильно. Если вы разрешите использовать эти металлы, с таким трудом получаемые через Швецию, то техническое задание будет выполнено.

Фюрер, обращаясь к Кейтелю:

– Какое значение имеет мина для хода и исхода войны: тактическое, оперативное или стратегическое?

– Тактическое, мой фюрер.

– Тогда поставим ее на поток, когда «Норильский никель» будет у нас, и массово применим радиомины в США. Шахт, ведите НИОКР и о результатах докладывайте мне каждые 6 месяцев.

– Кто исполнитель операции? – поинтересовался Гитлер.

– Старинов, – доложил Канарис.

– Кто такой?

– Участник гражданской войны в Испании, полковник.

– Что говорят пленные? Сколько их?

– 32 человека. Характеризуют его как высококвалифицированного специалиста.

После этого Гитлер поручил Геббельсу разработать дезинформационные материалы по компрометации Старинова и передать их русской контрразведке.

Не обошлось и здесь без курьеза. После войны Старинов увидел в Харьковском музее фотоснимки разрушений ряда объектов, в том числе особняка Хрущева, штаба Украинского военного округа, якобы разрушенных партизанами-подпольщиками. Эта фальсификация была проделана бывшим секретарем Харьковского обкома партии А.А. Епишевым. Правда была восстановлена только через 20 с лишним лет – 6 февраля 1963 года, после публикации статьи Овидия Горчакова в «Известиях»*.

В декабре 1941 года заместитель начальника штаба инженерных войск Красной Армии полковник Старинов прибыл на Южный фронт в качестве начальника инженерно-оперативной группы Ставки Верховного командования, приданной 56-й армии с задачами инженерной подготовки Ростова к обороне, организации диверсионных групп и руководства их деятельностью в тылу

* Здесь, скорее всего, речь идет о широкой, всесоюзной и даже мировой гласности этой спецоперации, осуществленной под руководством полковника Старинова. Историческую несправедливость начал исправлять Хрущев в 1958 году, когда к нему с письмом по этому поводу обратились видные партизанские руководители периода Великой Отечественной войны С.А. Ковпак и А.Ф. Федоров. Оба дважды Герои Советского Союза напомнили ему, что он сам является непосредственным участником этой операции: от постановки задачи в Харькове до дачи разрешения на подачу радиосигнала. Можно только сожалеть, что эти партизанские гиганты не дописали в письме просьбу: считать это представлением полковника Старинова к званию Героя Советского Союза. Возможно, они посчитали, что это само собой разумеющееся. – *Прим. ред.*

немцев в районе Таганрога и Мариуполя. В то время на подступах к Ростову тысячи горожан рыли три линии противотанковых рвов. Между ними нужно было соорудить минно-взрывные заграждения. Мин в Ростове было мало.

Для решения стоявших перед Стариновым задач требовалось прежде всего организовать в Ростове производство различных типов мин. В армии мины имелись, но они были громоздкими и тяжелыми, а мобильных мин для партизан и диверсионных групп не было. Мины для этих целей должны быть «хитроумными», непонятными врагу. Важно было, чтобы они были безопасными при сборке, хранении и установке.

В обкоме партии Старинову порекомендовали наладить работу по изготовлению мин на базе мастерских Ростовского университета. Это предложение оказалось чрезвычайно удачным. Там ему порекомендовали помощника по организационно-хозяйственным и техническим вопросам Сергея Васильевича Гриднева, который оказался талантливым специалистом и хорошим организатором.

Работа была организована по следующей схеме: идеи в основном подавал Илья Григорьевич, чертежи разрабатывала конструкторская группа под руководством Гриднева, изготовлением деталей руководил технорук Иван Петрович Черницын, расчеты запалов выполняли доценты М.Г. Хапланов и А.А. Батырев, монтажом мин руководила прибывшая со Стариновым Мария Степановна Белова.

Позже Илья Григорьевич вспоминал:

– Рабочие экспериментальных мастерских были людьми необычными. Это был сплав ума, смекалки, трудолюбия и умения все делать быстро и хорошо. Рабочие, как правило, были высококвалифицированными, владели несколькими специальностями.

В результате мастерские выпускали в месяц до 15 тысяч мин различных типов.

С августа 1942 года Старинов стал начальником Высшей оперативной школы особого назначения Центрального штаба партизанского движения, находившейся в распоряжении Главного командующего партизанским движением маршала Ворошилова. Школа располагалась на ст. Быково Рязанской железной дороги.

Готовили специалистов и командиров высшего класса, планировали операции, испытывали новую диверсионную технику.

Вскоре Илью Григорьевича назначили помощником начальника Центрального штаба партизанского движения по диверсиям. А с мая 1943 года он стал заместителем начальника Украинского штаба партизанского движения. Три раза в составе высшего руководства партизанского движения перебрасывался на самолетах в партизанские отряды на оккупированные территории и всегда успешно.

Оригинальный склад ума Ильи Григорьевича сказывался во всем. Так, во время войны партизаны поначалу вполне успешно подрывали фашистские составы. Затем немцы натренировали собак на поиск взрывчатки. С этих пор спокойная жизнь партизан закончилась. Они с великим трудом добывали взрывчатку, что было весьма непросто в тылу противника, а собаки сводили на нет все усилия партизан. В штаб партизанского движения полетели радиogramмы с просьбой дать инструкцию, как поступать в такой ситуации. Через некоторое время Илья Григорьевич послал радиogramму, в которой рекомендовал действовать по принципу: клин клином вышибают. Он посоветовал, с одной стороны, применять накладные заряды прямо перед движущимся поездом, на глазах у фашистов, когда никто уже не успевал ничего сделать, а с другой — рядом с миной разбрасывать маленькие кусочки тола. Собаки, почуяв запах взрывчатки, делали стойку, солдаты осторожно вскрывали это место, но ничего там не обнаруживали. Через пару метров эта история повторялась. На пятый-шестой раз взбешенные солдаты избивали своих ни в чем не повинных собак. Вот так «простенько» были нейтрализованы грозные немецкие овчарки.

В мае 1944 года Старинова назначают заместителем начальника Польского штаба партизанского движения, а затем начальником штаба военной миссии в армии Югославии.

День Победы Илья Григорьевич встретил в Берлине.

Круг его связей среди виднейших руководителей международного рабочего движения был впечатляющим: Георгий Димитров, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Луиджи Лонго, Долорес

Ибаррури, Иосип Броз Тито, Вильгельм Пик и т.д. С большинством из них как воин-интернационалист он состоял в многолетней переписке.

После окончания войны занимался восстановлением железных дорог в качестве заместителя начальника 20-го Управления железнодорожных войск Советской Армии во Львове.

С сентября 1946 года — начальник кафедры тыла Военного института МВД.

С января 1956 года — в отставке.

В 1957 году в качестве старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма принимал участие в написании шести томов истории Великой Отечественной войны. Со дня создания Спецкурсов работал профессором кафедры специальных дисциплин.

Занятия по минно-взрывному делу на КУОС Ильи Григорьевич проводил чрезвычайно интересно. Постоянно обращал наше внимание на то, что познать все виды взрывной техники заводского изготовления — не проблема, главное — надо постоянно искать нестандартные решения в том, какую технику использовать, в каком сочетании и в каких условиях. Только тогда можно рассчитывать на успех. В глубоком тылу противника, скорее всего, не будет хватать взрывчатых веществ, табельных взрывателей и т.д. Надо уметь изготовить мину из самых обыкновенных, постоянно имеющихся под рукой предметов, из средств бытовой химии. Учились делать мины из муки, сахара и т.д.

Надо сказать, что при всей своей героической биографии Илья Григорьевич в быту был часто абсолютно беспомощен. Характерный пример в этом плане. Сын женился, встал вопрос о разделе квартиры. Он понимал, что это надо сделать, но и самому остаться без квартиры было тяжело.

Илья Григорьевич как участник ВОВ стоял в очереди на квартиру. Его ученики в генеральских и профессорских званиях, находившиеся на высоких руководящих должностях в центральном аппарате КГБ, самоотверженно старались помочь Илье Григорьевичу. Результат оказался плачевным. Вот тогда-то Илья Григорьевич и сник.

Заместитель Председателя КГБ СССР, к которому обратился Илья Григорьевич, в своем окружении грубо заявил, что в 80 лет надо уже в других местах подыскивать себе пристанище. Вскоре об этом стало известно и Илье Григорьевичу. От этого, конечно, настроение совсем испортилось. Это не осталось незамеченным П.И. Нищевым — одним из руководителей кафедры. Он поинтересовался, не случилось ли чего. Илья Григорьевич поделился своими грустными мыслями. Петр Иванович в ответ на эти невеселые размышления сказал ему и в шутку и всерьез, что если Учитель поставит бутылку французского коньяка, то он готов подсказать, как решить элементарно квартирный вопрос, именно для него — участника гражданской войны. Старинов сказал, что уж если высокие чины не могут помочь, то, значит, задача неразрешима, но он и трех литров коньяка не пожалеет, если Петр Иванович действительно подскажет выход из создавшегося положения.

— Три литра, Илья Григорьевич, это уж слишком, но если ваш испанский воин-интернационалист, который, как известно, должен скоро приехать по делам испанской секции в Москву, прихватит по дороге в Париже бутылку французского коньяка, то у нас будет чем обмыть новое жилье.

Петр Иванович предложил следующим образом решить проблему:

— Илья Григорьевич, скоро наступит 20 декабря — День чекистов. Вас, как всегда, пригласят в президиум торжественного собрания в клубе Дзержинского. Вы сидите, как правило, рядом со своим другом, первым заместителем Председателя КГБ Георгием Карповичем Циневым. Тот, естественно, поинтересуется, как самочувствие, как жизнь идет. Тут-то вы ему и скажите: «Гриша, у тебя, видимо все хорошо, в том числе и с квартирой, а у меня беда». Он попросит уточнить вопрос. Вот тогда вы ему и расскажете про свою печаль. Ситуация, как я думаю, будет носить взрывной характер.

Илья Григорьевич так и поступил. Цинев даже не поверил, что заместитель Председателя КГБ мог посоветовать легендарной личности присматривать «квартиру» в другом месте. Сразу

же после торжественного собрания вызвал того к себе в кабинет и в особо резкой форме высказал ему свое мнение по поводу его беспардонного поведения.

— Да как ты смел буденновцу, с которым мы вместе воевали с белогвардейцами, заявить такое? Рано собрался хоронить нас, фронтовиков!

Это был, конечно, удар для зампреда. На следующий день на квартиру к Илье Григорьевичу прибыл один из руководящих сотрудников ХОЗУ с десятком смотровых ордеров на квартиры. Так был закрыт вопрос с жилплощадью. Были, конечно, оправдания и просьбы доложить Циневу о том, что инцидент исчерпан. А сам Илья Григорьевич так и жил до самой смерти в скромной малогабаритной двухкомнатной квартире на первом этаже со своей племянницей, которая одновременно являлась и его личным секретарем.

Находясь в чрезмерно скромной квартире в дни празднования 100-летнего юбилея Ильи Григорьевича, я невольно задался вопросом:

— Почему испанский король Хуан Карлос в знак признания заслуг Старинова перед испанским народом пригласил его переехать жить в столицу Испании, где предложил хорошую четырехкомнатную квартиру и денежное содержание, а у наших власть предержащих не хватает соображаловки предоставить достойное жилье славному сыну Отечества?

Профессор Старинов вполне довольствовался малогабариткой и не очень-то обращал на это внимания. И в 100 лет его мысли были заняты только тем, как бы помочь своей многострадальной Отчизне. Переживал, что бездарно действуем в Чечне. Диктовал свои мысли по этому поводу своему личному секретарю, просил своих учеников донести до верха свои соображения по поводу событий в Чечне.

Похоже, не очень-то это нужно было, и продолжалась пальба из всех орудий по селениям, где наряду с бандитами гибли и гражданские лица.

Тем самым совершалось самое страшное — рождалась ненависть народов, которую они пронесут через века. Это же очевидно.

Надо понимать, что и судьбы наших солдат будут исковерканы, и этот чеченский синдром нам еще аукнется.

Родина высоко оценила военные заслуги Ильи Григорьевича. Он награжден двумя орденами Ленина и пятью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Дружбы народов, целым рядом других орденов и знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Имеет больше десятка наград иностранных государств.

Полковника Старина, как свидетельствуют офицеры, изучавшие по долгу службы его личное дело, 19 раз представляли к званию Героя Советского Союза и несколько раз к генеральскому. Известно пять случаев, когда его приговаривали к высшей мере не только фашисты всех мастей, но и ближайшие помощники Николая Ежова.

В период пребывания Ильи Григорьевича волонтером в Испании Франко и Муссолини объявили его своим личным врагом. Франко пообещал за голову Старина 1 000 000 песет. Сумма по тем временам огромная. Во время Второй мировой войны Гитлер объявил его своим врагом номер один. По его указанию писались приказы и листовки, в которых указывалось, что «легкообнаруживаемые» мины устанавливались полковником Стариным, в надежде, что сталинское окружение само его ликвидирует. Трудно даже понять, как, несмотря на многочисленные опасности, ему удалось остаться в живых. При этом еще надо помнить о непрстом, бескомпромиссном характере Ильи Григорьевича, который мог и Кагановичу прямо в лицо заявить, что не хочет с ним работать из-за несогласия с постановкой дела в Министерстве путей сообщения.

На праздновании 30-летия КУОС все присутствовавшие с большим энтузиазмом поддержали инициативу выйти к руководству разведки и ФСБ с предложением о представлении Старина к званию Героя России. Жаль, что этого не произошло в дни празднования 100-летнего юбилея.

Уникальный человек, который во благо Отчизны сотни раз рисковал жизнью и благодаря своему героизму, самоотверженности,

недюжинному уму нанес такой ущерб противникам государства нашего, что не каждая дивизия могла похвастаться такими успехами, конечно, был достоин этой награды. Однако своих героев Россия истари почему-то оценивает в полной мере только после смерти. Живые с независимым характером и говорящие правду матушку в глаза, независимо от должностей и рангов, нам не по душе. Получается, что правы утверждающие, что талантливых в России не любят, а гениев ненавидят. До тех пор, пока будем преклоняться перед ложными ценностями и поклоняться ложным кумирам, не будет жить российский народ достойно единой семьей.

Касаясь вопроса о своем долгожительстве, Илья Григорьевич сказал:

— Еще в XIX веке знаменитый ученый-физик Паскаль утверждал, что всего вреднее для человека состояние покоя, не нарушаемое ни страстями, ни делами, ни занятиями. Я за свою долгую жизнь знал многих людей почтенного возраста, и все они — неутомимые труженики. Труд, осознаваемый как удовольствие, как радость, независимо от причиняемой им человеку усталости, но бодрящий и вдохновляющий — есть труд творческий. Дела, просветляющие наш ум, например творческая, захватывающая работа, врачуют и наше тело, и нашу душу. Когда я вижу, что мои фронтные дела, свершения моих однополчан до сих пор представляют для многих живой интерес, боевой опыт бывает и сейчас востребован, мне хочется жить и жить...

В дни празднования столетия Ильи Григорьевича мой друг Михаил Ядров совместно с Сергеем Гончаренко написали стихи, посвященные юбиляру:

*Илья Григорьевич, легендой
При жизни стал ваш ратный путь.
И Голливуду кинолентой
До Вашей выси досягнуть
Удастся вряд ли... Нет флюидов
Таких в нерусской стороне,*

Какими лишь Денис Давыдов
 Да Вы дышали на войне.
 От ПээМэС - 1 (один) до славы,
 Которой ровни не найти,
 Вели защитника Державы
 Взрывоопасные пути.
 Не зря нагнали на Адольфа
 Вы страх, фон Брауна взорвав!
 Эх, знал бы он, что Вы – «Рудольфо»,
 Тот, что под Кордовою состав
 Франкистский так взорвал в туннеле,
 Что, как ни жала их нужда,
 Но фалангисты не сумели
 На Касабланку поезда
 Неделю отправлять... Не зря же
 В мадридской повести своей
 Писал героя-персонажа,
 Рудольфо, с Вас Хемингуэй.
 Не зря за честь работать с Вами
 Считали маршалы... И Вы,
 Едва узнав о телеграмме,
 На фронт летели из Москвы.
 Да, «мины ждут своего часа».
 Пусть всякий ведает злодей,
 Что не уйти ему от аса,
 Справляющего юбилей.
 Сто лет – конечно, это – дата,
 Но это ж – первые сто лет!
 Живите долго и богато.
 Сто лет – конечно, это дата,
 Но все ж еще не возраст. Нет!

18 ноября 2000 года на 101-м году перестало биться сердце пламенного патриота России, воина-интернационалиста, партизана-разведчика, профессора Ильи Григорьевича Старинова.

Прощание с подлинным Героем Отечества проходило в Академии ФСБ России при стечении большого количества его соратников, учеников, сотрудников специальных служб, военнослужащих всех видов и родов войск, ветеранов.

Пресса, радио и телевидение в своих информационных сообщениях воздали должное его памяти. Похоронили Илью Григорьевича 22 ноября 2000 года на Троекуровском кладбище.

Во время траурного митинга ветеран органов госбезопасности Генрих Анатольевич Лаврухин прочитал написанный им рекевием в честь Ильи Григорьевича.

Реквием

Прощай, могучий Человек!
 Прямой, надежный, гордый, смелый.
 Таких рождает бранный век
 Для ратного, святого дела!
 Гигантом жил среди светил
 И побеждал в неравных схватках.
 Всю жизнь России посвятил,
 Отдал до капли, без остатка.
 Он знал, что нужно защищать,
 Все, что построено с любовью.
 Учил, как надо воевать,
 Чтоб обходиться малой кровью.
 «Свои» он мины создавал,
 спасая жизнью миллионы.
 И против Франко воевал,
 И рвал франкистов эшелоны.
 Когда фашистский штаб взорвал
 И уничтожил генералов,
 Сам Гитлер траур объявлял.
 «Поймать и расстрелять!» – орал он.

*Он партизанил для страны,
Прошел все трудности и беды.
Стал богом «рельсовой войны»
И приближал к нам День Победы.*

*Чинов при жизни не искал,
Не ждал похвал и громкой славы,
Не за награды воевал,
А за величие Державы!*

*Прощай, могучий Человек!
Товарищ и великий воин!
Прожил по чести целый век,
Ушел с достоинством Героя!*

Нас учат, чтобы мины ждали своего часа

Наряду с Ильей Григорьевичем Стариновым минно-взрывное дело преподавали Иван Григорьевич Заливакин, Петр Иванович Нищев и Борис Андреевич Плешкунов.

Иван Григорьевич Заливакин запомнился своей большой фигурой, доброжелательной улыбкой и особой требовательностью на занятиях.

Он был всесторонним образцом для постоянного состава и слушателей КУОС: форма одежды офицера — образцовая, гражданская — по моде, дача — двухэтажная, артезианский колодец — 160 метров глубиной, столярный инструмент — как у краснодеревщика, уникальный (преимущественно немецкий), библиотека — обширнейшая и т.д. Всегда был при деньгах, хлебосолен, в обращении исключительно тактичен. Если кто-то попадал в трудное положение и надо было принять решение при многих неизвестных, то говорил: «Пойду посоветуюсь с «кладезем мудрости». Иван Григорьевич не отказывал в совете, но и никогда не поучал и не навязывал решения, а подводил к нему. Каждый и все ему за это были безмерно благодарны.

В учебном процессе соблюдал уставы до педантичности. Его часто спрашивали, зачем это нужно. Он приводил пример: преподаватель, заканчивая занятие, должен сказать: «Товарищи офицеры, по распорядку дня». Если он скажет: «Вы свободны», то часть слушателей может уйти на «пиво». Когда их спросят, почему их не было на самоподготовке, они дружно ответят, что им сказали: вы свободны. Чтобы не было ненужных осложнений, надо держаться уставных отношений.

Иван Григорьевич был прекрасным воспитателем. Прорабатывая нарушителей дисциплины, говорил:

– Товарищи офицеры, не пейте водку, пейте коньяк – благородный напиток.

Слушатели в ответ:

– Дорого, Иван Григорьевич.

– А вы понемножку.

Все его уроки пригодились в жизни и остались в памяти. Но самым главным, особым достоинством было то, что боевую подготовку он организовывал с использованием всего арсенала табельных и нетабельных средств. Это было очень дорого. Заливакин всегда проводил в жизнь принцип: командир ГСН должен владеть той техникой, которую ему придется применять в тылу противника. Экономии на боевой подготовке быть не должно. Авторитет его был столь весомым, что никто не пытался оспаривать этот принцип.

В состав инженерной секции входил техник-лаборант. Эту должность с самого начала функционирования Спецкурсов замещал прапорщик Николай Николаевич Демченко. За годы работы со Стариновым и Заливакиным он приобрел целый ряд редких профессий – от химика до часовых дел мастера. Работал на токарных и фрезерных станках. Был универсалом в самом широком смысле этого слова.

На нем лежала обязанность по подготовке материальной базы к лекциям, практическим занятиям, в том числе к полигонным и полевым. Примерно через 5 лет он настолько профессионально ассистировал преподавателям, что, по сути, без него ни одного занятия невозможно было качественно провести. Иван Григорьевич был скуп на похвалу, а Демченко боготворил.

Иногда тот чем-то увлекался. Заливакин, приглашая его к себе, поначалу обращался: «Коля, голубчик!». Ответа нет. Нарастание шло по форме: «Николай Николаевич!». Если и на это не было ответа, то Иван Григорьевич командным голосом звал: «Прапорщик, товарищ Демченко!». Коля вырастал перед полковником.

Демченко учился на заочном факультете ВКШ. Успешно окончил учебу. Учитывая его многолетнюю и всестороннюю подготовку, перед ним открывалась перспектива перехода на офицерскую должность. Такая возможность существовала внутри самих Спецкурсов. Но на Спецкурсах произошли изменения – что-то не сложилось. Он перешел в структуру МВД, где такому подготовленному специалисту были рады. Служебный рост не замедлил последовать.

Борис Андреевич Плешкунов покорила нас своим спокойствием, выдержкой, глубоким знанием своего предмета. Это именно под его руководством группа спецназа КГБ «Зенит» 27 декабря 1979 года произвела подрыв колодца кабельных линий связи в центре Кабула, что послужило сигналом для всех остальных групп к началу боевых действий.

Петр Иванович Нищев – личность самобытная, колоритная. Лидер по характеру. Его отличает глубокая, фундаментальная проработка всех вопросов. Аналитический склад ума.

С 1974 по 1985 год служил на Спецкурсах в должностях от преподавателя до начальника Спецкурсов – начальника кафедры специальных дисциплин. Вел разные циклы специальных дисциплин, но основным профилем являлась специальная инженерная подготовка. В 1978 году защитил кандидатскую диссертацию в МВТУ имени Баумана. Написал и издал по специальной тематике ряд учебных пособий и сборников задач.

В 1962 году Петр Иванович с отличием окончил Харьковский автомобильно-дорожный институт.

В 1963 году был принят в органы госбезопасности с обучением на двухгодичных курсах при Высшей школе КГБ со знанием иностранного языка. Перед окончанием в течение 3 месяцев жил в немецкой семье, шлифуя иностранный язык. Страноведческое изучение ГДР было самое благоприятное, в составе малой группы побывал практически во всех уголках этой страны.

После окончания ВКШ КГБ был направлен на работу в Управление КГБ УССР по Ивано-Франковской области. В этот период он прошел пятимесячную подготовку на КУОС (1967),

начальником Спецкурсов в то время был Харитон Игнатьевич Болотов. После возвращения с учебы был переведен из контрразведывательного в разведывательное подразделение.

В 1970 году Петр Иванович поступил в очную аспирантуру при ВКШ КГБ. Два кандидатских экзамена из трех сдал еще до поступления в аспирантуру. Языковое образование плюс учеба на заочном философском факультете помогли обучению в аспирантуре. Тему диссертации доброжелательно и заинтересованно помогла выбрать кафедра. Особую роль в этом сыграл старший инженерной методической секции Иван Григорьевич Заливакин. Он сказал, что потребность защищать большие системы инфраструктуры экономики будет всегда актуальной проблемой и эта актуальность будет со временем расти. На этом направлении и следует остановиться. За этот добрый квалифицированный совет Петр Иванович и спустя много лет ему признателен. Научным руководителем был легендарный Илья Григорьевич Старинов, а научным консультантом — А.И. Лазаренко, один из руководителей отдела «В» ПГУ. Диссертация на соискание ученой степени кандидата технических наук в вузе, который в научном плане исследует преимущественно юридические проблемы, имеет свои особенности. Они заключаются в том, что надо больше работать вне стен высшего учебного заведения. Следовательно, сложности множатся, но и возникают возможности развития научных связей, которые могут позволить подойти к решению задач, используя потенциал, как принято говорить, большой науки.

В 1973 году Петру Ивановичу удалось добиться прохождения стажировки в Сибирском отделении Академии наук СССР в лаборатории знаменитого академика Михаила Алексеевича Лаврентьева. Молодого аспиранта интересовал кумулятивный эффект: прохождение, взаимодействие кумулятивной струи с гомогенной и гетерогенной преградой.

Академик М.А. Лаврентьев и его лаборатория, безусловно, были ведущими не только в СССР, но и в мире по данному вопросу.

До этого Петр Иванович уже прошел стажировку в ряде НИИ Минмаша СССР в Москве, Подмоскowie и других городах

Центральной России. Всякий раз, когда научные сотрудники узнавали, что он аспирант КГБ, то, как правило, от активных научных дискуссий продолжительное время уклонялись. Нужно было какое-то время, чтобы рассеять их сомнения, чтобы к ним пришла уверенность, что аспиранта действительно интересуют научные вопросы, экспериментальный материал, а поиском каких-либо упущений, недостатков в их деятельности он совершенно не занимается. Это не предмет его деятельности.

Поэтому при стажировках он чаще всего представлялся как инженер, аспирант, без упоминания своего отношения к КГБ. Этот маневр всегда приносил пользу, тем более что, как правило, его представлял кто-то, с кем он уже долгое время работал, участвовал в экспериментах и т.д.

Так было и на этот раз. Но командировку надо было отмечать в Управлении КГБ. Петр Иванович зашел к начальнику управления Владимиру Михайловичу Ситнову, представился и в состоявшейся беседе подчеркнул, что ему никакая помощь не нужна. Начальник управления принял Петра Ивановича тепло, по-отечески.

Прошла примерно неделя работы в лаборатории. Он уже вписался в одну из творческих групп, тем более что по телефону в Новосибирск своим научным друзьям позвонил Михаил Андреевич Дубовской — авторитетный ученый одного из головных оборонных НИИ. С ним Петр Иванович уже более полутора лет был в научном контакте. Он, возможно, даже и запомнил, что Петр Иванович является сотрудником КГБ.

В начале следующей недели в лабораторию вошел доктор технических наук Владимир Николаевич Титов и сказал, что Петра Ивановича вызывает «Дед» — так между собой сотрудники именовали академика. Просто так академик с каким-то аспирантом разговаривать не будет. Лишних вопросов задавать не стал.

Поднялся на второй этаж. Секретарь сказал, что академик ждет. Вошел. Как мог, представился.

— Ты кто такой?

— Аспирант.

— Чей аспирант?

Дальше отвечать общими фразами было уже недопустимо, более того, даже опасно.

Петр Иванович ответил:

– Аспирант ВКШ КГБ.

– Что ты здесь делаешь?

– Изучаю решения в области минимизации кумулятивных боеприпасов при их взаимодействии с гомогенной и гетерогенной средой.

– Зачем тебе это?

– В 1944 году вы, Михаил Алексеевич, проводили работу по кумулятивным боеприпасам по заданию Государственного Комитета Обороны. Материалы сохранились в НИИ-24, я изучил их. Это нужно в целях разработки научно-технических заданий по программам новой техники.

– Напомните, что это за материалы.

– Это материалы экспертизы научных работ немецкого ученого Тринкса. В то время вы работали там старшим научным сотрудником.

Академик после этого ответа изменился в лице. Он поинтересовался: где эти материалы, какое они имеют теперь значение, каков конкретно предмет исследования?

Только после этого предложил сесть. Заказал чай. Эта встреча стала переломным моментом в судьбе Петра Ивановича, изменив ее к лучшему.

Академик сказал, что накануне он разговаривал с начальником УКГБ по Новосибирской области В.М. Ситновым и тот поинтересовался, как идут дела у нашего аспиранта Нищева. На встречные вопросы академика Ситнов ответил, что аспирант из Москвы прибыл с целевым заданием. Каким – уточнить не смог.

Придя утром на работу, академик вызвал ученых, с которыми Петр Иванович работал, и спросил, чем он интересуется, что собой представляет.

Заместитель руководителя лаборатории Титов сказал, что Петр Иванович – профессиональный инженер в интересующей его области. Другими областями экспериментальных работ не интересуется.

В это время лаборатория вела важную тему по лазеру, но более полутора лет не могла ее сдать. М.А. Лаврентьев подумал, что Петр Иванович – «казачок», выясняющий состояние вопроса.

М.А. Лаврентьев и Ю.В. Андропов были членами Президиума Верховного Совета СССР. На заседаниях сидели рядом. Находились, как представляется, в исключительно теплых отношениях. И вдруг проверка. Он сказал, что хотел уже позвонить Андропову и заявить ему, что, если ему нужно знать что-то о его лаборатории, он может узнать и от него самого. Академик был рад, что не предпринял такого необдуманного шага. Поинтересовался, чем может помочь. Петр Иванович, не стесняясь, рассказал ему о своих проблемах.

Две недели пролетели мгновенно, и каждое утро академик заходил в лабораторию, здоровался. На одной из таких коротких встреч предложил перед отъездом зайти к нему. Состоялась продолжительная и запоминающаяся беседа. Академик Лаврентьев помог тогда Петру Ивановичу в решении целого ряда проблем, в том числе в организации защиты диссертации.

Случай, который казался вначале трагическим, позволил выйти из создавшегося положения.

Дело в том, что если бы академик позвонил Андропову, то по факту было бы назначено служебное расследование. Ни одно служебное расследование, как показывает практика, не кончается положительным выводом. Надо полагать, что последствия были бы плохими или очень плохими, вплоть до отчисления из аспирантуры. Но судьба была не только милостива, но и предоставила новые, совершенно благоприятные возможности.

На всю жизнь у него осталась память об этом великом Ученом, внимательном и чутком Воспитателе. Это был подарок Судьбы.

Справедливости ради теперь, спустя много лет, можно сказать, что на спецкафедре и особенно со стороны ее начальника Григория Ивановича Бояринова ведение научных работ поощрялось, создавалась атмосфера доброжелательности. Возможно, на это влияло то обстоятельство, что свыше 1/3 всех преподавателей кафедры имели ученые степени и звания, издавали учебные пособия и монографии.

В заключение хотелось бы сказать, что, по мнению Нищева, Специальные курсы каждому, кто на них работал, предоставляли самые широкие возможности в приобретении знаний и опыта защиты Отечества, их развитию в соответствии со своими желаниями. Родина все давала для этого. Правда, часто надо было преодолевать самого себя, последовательно двигаться к намеченной цели, не опуская рук и не вешая головы даже тогда, когда неудачи следовали одна за другой. Но тем ценней в таких случаях становилась достигнутая цель.

Занятия с Петром Ивановичем всегда проходили на одном дыхании: будь то теоретические или практические занятия на полигоне, где мы видели конкретные результаты кумулятивного эффекта и точность наших теоретических расчетов по подрыву железобетонных опор. Слушателям нравилась его открытая, прямая, доброжелательная, без сентиментов манера общения с нами. Речь его богата народными присказками, неожиданными оборотами.

Крылатые выражения Петра Ивановича цитировались многими поколениями спецназа. А известный всем поколениям кузовцев Карась (он же Климов Сергей Григорьевич) даже написал целую тетрадь его высказываний, которые зачитывал ребятам в свободные минуты на привалах, в автобусах и т.д. Петр Иванович до сих пор пытается завладеть этой тетрадью, но пока, как мне кажется, безуспешно.

Кстати, надо сказать, что Карась, проживающий в Луганске, замечательно поет, пишет стихи и подбирает музыку к своим стихам. Одна из его песен, написанная в Афганистане и посвященная маленькой дочери, мне особенно по душе.

В декабре зимы начало...

*В декабре зимы начало,
В декабре дни рождения есть.
Для кого декабрь — начало,
Для кого — лебединая песнь.*

*В декабре меня кроха спросит,
Потирая озябший нос:
Папа, всем ли подарки приносит
В новогоднюю ночь Дед Мороз?*

*В декабре есть еще одна дата
Без отметки на календаре.
Я тебя целую как брата
На кабульском чужом дворе.*

*Слезы радости, вспомни об этом,
И друзьям своим растолкуй,
Почему нам так дорог этот
Неуклюжий мужской поцелуй.*

*В суете новогодней ночи
Вспомни наш боевой «Зенит».
Первый тост — за ушедших навечно,
Тост второй — за живых ребят.*

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что каждый слушатель Спецкурсов изучал минно-взрывное дело на таком профессиональном уровне, чтобы в тылу противника, при отсутствии квалифицированных исполнителей мог сам как командир спецгруппы возглавить спецоперацию с применением табельных и заводского изготовления средств подрыва. Более того, предполагалось, что командир спецгруппы должен был быть готов стать инструктором-методистом для личного состава спецгруппы.

Из опыта минувшей войны известно, что большая часть минеров для ГСН участвовала в недельных сборах. На этих занятиях минеру показывали на полигоне устройство зажигательной трубки и ее действие. Иногда давали возможность поупражняться в поджигании огнепроводного шнура. Инструктор демонстрировал 2 — 3 подрыва зарядов, и этим ограничивались все знания и вся практика. Исходили из того, что там, в глубоком тылу, если удачно пройдут десантирование и базирование, жизнь доучит.

В соответствии с квалификационной характеристикой командир ГСН должен знать и владеть минно-взрывным делом в

совершенстве. В этих интересах разрабатывались учебная программа и материальное обеспечение. Обучение начиналось с обеспечения необходимых мер безопасности. Эти меры определяли все обучение от первого до последнего дня. Вначале освоили огневой способ взрывания. Отрабатывали навыки на имитационных средствах в лаборатории, а затем на полигоне.

По той же схеме переходили к электрическому, механическому способам взрывания. Объем упражнений с имитационными средствами нарастал. Параллельно изучали все типы взрывчатых веществ (ВВ): от тротила до жидких ВВ. Определенное место занимали упражнения с ВВ, изготовленными из подручных средств (муки, сахара и т.д.), но основной упор, конечно, делался на пластичные ВВ.

Занятия с боевыми средствами проводились на боевом полигоне методом индивидуальной подготовки. Каждый слушатель работал как исполнитель. Особые меры предосторожности осуществлялись при переходе к работе с взрывателями. Методика была та же: от учебных средств к имитационным и далее к боевым. Использовалась большая номенклатура взрывателей — от простейших до электронных.

Надо прямо сказать, что все это было не только дорого, но и очень дорого. К примеру, один электронный взрыватель стоил около 1000 рублей (1100 долларов по тем временам). Каждый слушатель индивидуально отрабатывал упражнение с ним. Простая арифметика: 60 слушателей — 60 000 рублей. «Жигуленок» стоил около 6000 рублей. Следовательно, только на отработку этого упражнения расходовали средства стоимостью 10 автомобилей марки ВАЗ. Но это нужно было Родине, и она шла на эти затраты.

В 1977 году произошел взрыв в вагоне метро. Вслед за этим прогремели взрывы в ГУМе, на улицах столицы. Ничего подобного страна не знала с 1952 года. Экстремизм заявил о себе. Вагон метро следователи осматривали 19 раз. На промежуточных осмотрах подключали к работе новых следователей, но и это не помогало, так как и они оказались профнепригодными для проведения процессуальных мероприятий по таким видам преступлений. Ю.В. Андропов как Председатель КГБ получил партийное взыскание.

В экстренном порядке было организовано обучение следователей на базе ВКШ КГБ и Спецкурсов. К этой работе привлекали даже ветеранов-пенсионеров. Обучались следователи не только центрального аппарата КГБ, но и периферии. Уже через несколько месяцев начал функционировать следственный факультет ВКШ.

Отсутствие профессионального опыта у контрразведки (ФБР) и полиции США в раскрытии экстремистской операции показала трагедия 11 сентября 2001 года. Возможно, в будущем будет доказано, что Бен Ладен — заказчик диверсионной операции (в нашем представлении не террористической, а диверсионной). Поиск же главных исполнителей и разработчиков, наконец, резерва исполнителей диверсионной операции позорно затянулся. Это ведь не вагон поезда метро, где минимум следов, а крупная диверсионная операция. В данном случае следов преступления более чем достаточно. Отсюда вывод: нет нужных профессионалов, а у тех, что есть — не та квалификация.

Чемпион СССР по самбо — наш Учитель

На КУОС была хорошо продуманная система совершенствования и доведения физической формы слушателей до нужной кондиции. Во время учебы, да и некоторое время после обучения, все слушатели ощущали так называемую мышечную радость, то есть чувствовали большой запас силы и уверенности в себе. Большая заслуга в этом нашего преподавателя физкультуры, заслуженного мастера спорта, неоднократного чемпиона Москвы и Советского Союза по самбо Бориса Ионовича Васюкова.

Родился Борис Ионович 18 марта 1919 года в Рязанской области. С 1935 по 1945 год работал слесарем-инструментальщиком, мастером цеха завода № 30 Народного комиссариата авиационной промышленности. Работа на заводе совпала с его активными занятиями физкультурой и спортом. Будучи физически развитым, он был сразу замечен тренерами завода. На первых порах выступал на соревнованиях по конькам, боксу, лыжам, борьбе и т.д. Меньше года потребовалось ему для того, чтобы добиться высокого по тем временам звания лучшего физкультурника Советского Союза. Ему была вручена грамота Президиума Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК Союза ССР.

Не оставляя других видов спорта, он все же отдает предпочтение борьбе. Сегодня часто спорят о времени прихода в нашу страну восточных единоборств. Многие считают, что они появились у нас в конце 70-х годов ушедшего столетия. Но это не так. Достаточно взглянуть на диплом от 24 мая 1936 года, который

был вручен Б.И. Васюкову за первое место на первенстве Москвы по дзю-до (приводим правописание того времени).

В 1938 году он занимает 1-е место по борьбе вольного стиля на Всесоюзном сборе тренеров в Москве. Накануне Великой Отечественной войны, 4 марта 1941 года, он снова впереди — 1-е место по французской борьбе.

Сочетание высоких физических данных с такими же интеллектуальными возможностями позволяет ему из года в год наращивать технику и искусство индивидуальной борьбы вплоть до 1949 года, когда он, не побежденный ни разу, никому не уступивший пьедестала номер один в своей весовой категории, уходит на тренерскую работу.

Самбо как вид борьбы все больше выделялся в тот период из вольной борьбы. Спортивное и жизненное счастье сопутствует Васюкову: он знакомится с основателем самбо Анатолием Аркадьевичем Харлампиевым и становится его лучшим воспитанником, а позже и соратником.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны спортсмены высшего класса демонстрировали приемы самбо руководству Комиссариата обороны. На показательном занятии присутствовал Климент Ворошилов. Спортивный азарт был настолько высок, что борцы не замечали зрителей высокого ранга.

К изумлению всех присутствовавших, Борис Ионович смог «уйти» от «железного» приема на задержание, проведенного Харлампиевым, но при этом порвал связки на руке. След на руке остался у него на всю жизнь. Возможно, что Учитель пощадил тогда ученика, не завершив приема, который мог привести к тяжелой травме.

Начало Великой Отечественной войны Васюков встретил не только как быстро растущий спортсмен высокого класса, но и как слесарь-инструментальщик, имеющий личное клеймо. В этой редкой во все времена профессии он догнал по мастерству своего отца, тоже слесаря-инструментальщика, более того, стал выполнять задания особой сложности.

Как и абсолютное большинство молодежи того периода, он в первые дни войны, имея по мирному времени «бронь», несколько раз писал заявление о направлении его в действующую армию.

Но армия нуждалась в самолетах. С призывом в солдаты было нелегко: без слесарей-инструментальщиков такого класса авиастроительный завод никак не мог обойтись. Ему и его товарищам по цеху всякий раз отказывали в отправке на фронт, приводя всякий раз веские доводы.

Шла война, и спортивная жизнь в стране не могла быть такой, какой она была до войны, но она никогда и не замирала. Вольная борьба, ее вид самбо были нужны для подготовки различного рода разведчиков. Соревнования проводились, особенно в Москве, даже и в это трудное время.

Б.И.Васюков в своей весовой категории не знал равных. Послевоенные годы были особенно успешными в его спортивной карьере. В этот период довоенный спортивный потенциал страны был восстановлен и даже приумножен. Борис Ионович в это время неоднократно подтверждает звание чемпиона Москвы и СССР по борьбе самбо. В 1946 году он поступил в ГЦОЛИФК (Государственный центральный ордена Ленина институт физической культуры), который с отличием окончил в 1950 году.

С 1950 года Б.И.Васюков – на преподавательской работе в высших учебных заведениях МВД, Погранвойск, КГБ СССР. Интересно, что чаще всего он оставался в одном и том же учебном здании, но это здание и профессорско-преподавательский состав по воле руководства страны целиком переходили из одного ведомства в другое. После окончания института Борис Ионович целиком посвящает себя тренерской работе. В системе учебных заведений КГБ СССР, его головном подразделении – ВКШ КГБ (ныне Академия ФСБ РФ) формируется Школа самбо Васюкова. Он вырастил десятки мастеров и множество разрядников.

С 1969 года и до выхода на пенсию Борис Ионович работал ведущим специалистом на спецкафедре Специальных курсов КГБ СССР. Известно, что на учебу в КУОС направлялись лучшие кадры Комитета государственной безопасности – как по образованию и профессиональным качествам, так и по физической подготовке. Многие слушатели ранее учились у Бориса

Ионовича, будучи слушателями ВКШ. Новая встреча с таким замечательным учителем доставляла нам особое удовольствие.

Занятия под руководством такой легендарной личности, как Борис Ионович, были всегда увлекательны, интересны и полезны. Отработка приемов по рукопашному бою зачастую проходила не в спортзале на матах, а в лесу – в условиях, приближенных к боевым.

У Бориса Ионовича была своя методика. Она основывалась на лучших традициях русской школы борцов, его личном опыте мастера, достигшего в этой области вершин.

Любой другой на его месте, достигший таких высот в любимом им виде спорта – самбо, до конца дней своих вдалбливал бы нам свои приемы. Он уже в то время понял, что только что появившиеся восточные единоборства, такие, как карате, кун-фу и другие, с которыми официальными властями велась беспощадная борьба, тоже имеют право на существование. Тем более что если наш противник взял их на вооружение, то, значит, и нам надо постигать их основы. Не заикливаясь на каком-то одном виде борьбы, он разрабатывал вместе с нами способы применения всех спортивных единоборств применительно к боевым условиям.

Безусловно, у Бориса Ионовича была своя особая методика, которая, как теперь представляется, могла использоваться полностью только им. Каждый из преподавателей и обучаемых мог черпать из этой методики знания, умения и навыка, но воплотить ее полностью в жизнь было посылно только этому талантливому человеку.

Всем особенно запомнилась разминка. Она давалась на все группы мышц. Затем шло наращивание нагрузки вплоть до предельной. Всех удивляло и радовало, что после занятий не было травмированных. Занятия доставляли удовольствие, так как проходили на эмоциональном подъеме. Никто и никогда из слушателей или штатных преподавателей, которые тоже подключались к занятиям по физической подготовке, не стремился так или иначе увильнуть от них: они стали необходимой потребностью. Известный партизан-разведчик И.Г. Старинов, который был в возрасте 72–75 лет, охотно посещал занятия по

физической подготовке, добросовестно и старательно, на пределе своих возможностей выполнял большую часть упражнений, входивших в комплекс разминки, и не скрывал своего восторга перед методикой Васюкова.

Борис Ионович при всей своей мужественности в быту в общении с коллегами был предельно скромн, тактичен, справедлив. Запомнился человеком добродушным и доверчивым, чем иногда пользовались его коллеги, особенно великий мастер розыгрыша – преподаватель стрелкового дела полковник Федор Степанович Быстряков.

Известна история, как он разыграл Бориса Ионовича в Витебске. Находясь там в командировке, Федор Степанович с присущей ему легкостью, позаимствованной у Хлестакова и других не менее колоритных литературных персонажей, рассказывал, как маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян с войсками трое суток «блуждал» около этого города и никак не мог найти туда дорогу. Тут он вспомнил про известного фронтового разведчика Федора Степановича Быстрякова, вызвал его и поставил ему задачу:

– Федя, выведи нас на Витебск.

Понятное дело, тот вывел войска.

– Да меня тут каждая собака помнит как освободителя Витебска.

В это время они проходили с Васюковым мимо двух мужиков, сидящих на завалинке. Один из них сказал:

– Здравствуйте, Федор Степанович!

– Здравствуйте, мужики, а откуда вы меня знаете?

– Так как же, Федор Степанович, вас все в городе знают как геройского освободителя Витебска.

Услышав такое от совершенно посторонних людей, Борис Ионович, обращаясь к Федору Степановичу, признался, что до этой встречи с мужиками не очень верил его байкам, а теперь убедился, что он действительно героическая личность.

Уже позже Федор Степанович «раскололся»: он накануне, проходя мимо этих ветеранов-фронтовиков, познакомился с ними,

разговорился, сбегали за бутылкой, посидели. Он вспомнил с ними свое героическое прошлое и, прощаясь, попросил, что если они его увидят с кем-нибудь, то пусть подтвердят его участие в освобождении Витебска. Таких розыгрышей у Федора Степановича было великое множество. Этим розыгрышам он научился, видимо, в театральном училище, которое окончил в ранней молодости. Правда, из-за этого «искусства» не раз и «горел».

Б.И. Васюкова нет с нами уже более десяти лет. Почитатели его таланта и памяти ежегодно встречаются в Академии ФСБ на Мемориале имени Васюкова, а также на квартире в день его рождения. Он посеял доброе, разумное, вечное. Оно и сегодня наполняет сердца его друзей и учеников.

Школа Васюкова жива. Многие из его учеников – люди, несомненно, одаренные и одержимые – стремятся сохранить достигнутое в методике. Но, как хорошо известно, для покорения трудных вершин нужны и особый талант, и особая воля. Этим счастливо обладал Б.И. Васюков. Его ученики признательны ему: своим мастерством и отношением к делу он облагораживал свое окружение, стремясь сделать его физически более совершенным и духовно богатым. Все мы ему за это безмерно благодарны.

Шел на Одессу, а вышел к Херсону

Нагрузки планомерно нарастали в процессе обучения. Помимо чисто спортивных мероприятий, требовали значительных физических усилий и практические занятия, проводимые в лесах Подмосковья. Поначалу это были практические занятия по топографии.

А.А. Набоков приумножил полученные мною в детстве знания о лесе во время долгих походов со старшим братом Анатолием и другими родственниками по тайге.

— Если человек заблудился в лесу, он, к своему изумлению, может возвратиться на то место, где уже был. Причина этого довольно проста. Дело в том, что при ходьбе человек делает правой ногой больший шаг, чем левой. Левша, конечно, наоборот.

— У незрелой брусники красная сторона всегда повернута на юг, а белая на север.

— Перелетные птицы весной летят на север, а осенью на юг.

— Мох обычно бывает на северной стороне деревьев и камней и т.д.

Поначалу нас вывозили в лес днем, но вскоре переключились на ночные «вылазки». Постепенно такие занятия по топографии стали обрастать дополнительными вводными. Через 3–4 часа ночных блужданий по лесу выходили на точку, где нас поджидали преподаватели минно-взрывного дела с заданием «подорвать» мост через речку, а чаще всего «подрывали» железнодорожные мосты и полотна с проходящими по ним составами. Мирно спящим пассажирам и в голову не приходило, что в это время 12–14

бойцов спецназа с интересом смотрят, как под вагонами поездов появлялся легкий дымок, свидетельствующий, что «подрыв» произошел успешно. До этого вся группа старательно и только руками вынимала щебень из балластной призмы, укладывала туда инертные заряды, засыпала щебень обратно и старалась это сделать так, чтобы патруль, состоящий из солдат взвода обеспечения учебного процесса, не смог обнаружить места закладок. Патрулю показывали участок железнодорожного полотна длиной в 200–300 метров, где проводилось «минирование». Солдаты или слушатели из другой учебной группы примерно в течение 20 минут должны были обнаружить следы минирования, а затем и сами закладки. Но это им, как правило, не удавалось.

Если кто-то легкомысленно полагает, что военная топография проста для познания и легка в прикладном значении, то он сильно заблуждается. Это инженерная, а не гуманитарная дисциплина. Для освоения навыков, особенно в ночное время, требуется длительная практика. Тот, кто занимался спортивным ориентированием, конечно, имеет преимущество. Каждая местность имеет свои особенности. Например, в Подмосковье ежегодно происходят интенсивные изменения в инфраструктуре. Появляются новые линии электропередачи, трубопроводы, дороги и так далее, а кое-что демонтируется. Топографическая карта быстро устаревает для такой местности. Для нас ситуация осложнялась тем, что для учебных целей зачастую использовались карты старого образца. В горах и малонаселенных районах иные особенности: мало «железных» ориентиров. Нужна практика, которая позволяет преодолевать трудности, формировать необходимое качество — уверенность в своих знаниях и навыках.

Как из нас делали Кренкелей

Основы специального радиодела, или специальной радиосвязи, вершиной которого в тот период была техника быстрого действия, заложил Михаил Алексеевич Пантелеев — большой профессионал своего дела. Он был настолько увлечен своим предметом, что зачастую преувеличивал роль и значение радиосвязи в профессии командира ГСН, ставя ее выше специальной тактики. Начальник спецкафедры, коллеги тактично пытались неоднократно изменить его отношение к этому вопросу. Он вроде бы и соглашался, но только на какое-то время. Сначала это даже раздражало преподавателей, а затем стало поводом для юмора. В ту пору ему было уже около 60. Переучивать, а тем более перевоспитывать было поздно, да такой задачи и не стояло.

Большую роль в развитии и освоении новых радиосредств быстрого действия сыграл Альберт Сергеевич Евглевский. Всем слушателям он запомнился как высококлассный профессионал, исключительно доброжелательный к каждому. Он не заканчивал Спецкурсов, но был аспирантом кафедры, а следовательно, участвуя в групповых и курсовых занятиях, постепенно приобретал знания и навыки по смежным предметам. В силу этого каких-либо конфликтов не возникало. В настоящее время является одним из активнейших членов ветеранского движения «Вымпел».

Радиосредства, как известно, при их использовании требуют громадных эксплуатационных затрат, особенно во время учений. С этой очень ответственной работой успешно справлялись техник

Анатолий Иванович Бражников и вольнонаемный лаборант Александр Аркадьевич Соловьев. Из солдат взвода учебного обеспечения КУОС они отбирали 3–4 умельца, обучали их, а потом с их помощью готовили средства для посредников и слушателей для учений. Качество подготовки при громадном объеме работы было всегда высоким.

В 1984 году должность начальника группы ТСО КУОС стала вакантной. Учитывая, что лучшую кандидатуру, чем Бражников, подобрать было трудно, на него было написано соответствующее представление. Учитывалось и то, что он только что получил диплом о высшем образовании. Начальник Института разведки Иван Иванович Зайцев, ознакомившись с представлением, сказал, что в его более чем двадцатилетней начальствующей практике не было случая, чтобы прапорщика представляли на подполковничью должность. Медлил с утверждением около года, собирая через аппарат кадров информацию о кандидате.

В конце концов он подписал представление, отметив, что кандидатура действительно достойная. Жизнь подтвердила правильность решения начальников. Бражников вырос до одного из крупнейших специалистов по эксплуатации техники высоких технологий, в том числе электронной связи.

Была кадровая проблема и с Соловьевым. Зарплата техника была малой. Он в любой момент как высококвалифицированный специалист мог уволиться. Встала задача удержать этого специалиста-самородка. Появилась возможность предоставить ему должность старшего инженера ТСО. Но как это сделать, если у него нет высшего образования? Помогало то, что он как изобретатель и рационализатор имел около 30 грамот, дипломов и т.п.

Следовал нажим за нажимом на начальника Института. Камнем преткновения было несоответствие образования должности. И все же генерал уступил, когда в дополнение ко всему была представлена служебная записка, что Соловьев известен академику Ишлинскому — в то время президенту Общества изобретателей и рационализаторов СССР. Академик в таких вопросах выше, чем начальник Института, и последний со словами:

семь бед — один ответ, утвердил представление. Руководители Спецкурсов нажали на Соловьева, тот восстановился на 4-й курс индустриального техникума, окончил его с отличием. Теперь уже никакая проверка не могла указать на издержки в кадровом вопросе. Александр Аркадьевич продолжал по-прежнему трудиться с невероятной отдачей. Лишь проблемы со здоровьем были преградой для аттестации его на должность военнослужащего.

По мере накопления наших навыков работы «морзянкой» на различных типах радиостанций под руководством Михаила Лаврентьевича Оканова все новые вводные во время практических занятий в лесу стали получать по рации. Основная сложность заключалась не в освоении работы «ключом», а в том, что двум радистам в группе надо было нести на себе две радиостанции по 12 килограммов каждая. Во время многочасовых переходов по 30—40 километров эти 12 килограммов в дополнение к автомату, вещмешку с запасом питания и «взрывчаткой» были весомой тяжестью. Имелись у нас на оснащении и современные рации спецназа «Сатурн», которые были и более качественными и значительно меньшими по размерам, но, вероятно, руководствуясь старым воинским правилом — «чтобы служба не казалась медом», нас «тренировали» наряду с современной техникой и на старых, тяжелых рациях.

Работа командира группы специального назначения как радиста являлась обязательной по программе Спецкурсов. Для значительной части слушателей она, особенно на первых этапах, все же была сложна. Но к концу обучения каждый мог передать и принять до 20—30 групп в минуту, а некоторые — и до 40 групп. Не припомню случая, чтобы кто-то попросил за него нести рацию, хотя подчас это было действительно тяжело.

Довелось быть свидетелем, как трудно было моему хорошему другу молдаванину Василию Туманову совершать зимой лыжные марш-броски. Когда же его еще назначили радистом, то к утру на него было страшно смотреть: бледный, осунувшийся за ночной переход. Каждый шаг на лыжах давался ему с огромным трудом, ведь у него не было никакого навыка ходьбы на лыжах.

Прошу Василия передать мне рацию или хотя бы автомат. Сил отвечать у него нет, только упорно машет головой и, сцепив зубы, идет вперед. Иду сзади, страхую и пытаюсь уговорить хоть что-нибудь отдать, но упрямства и воли ему не занимать: так и не отдал ни автомата, ни рации. Уже по возвращении на базу после бани к нему вернулась способность разговаривать. Медленно, в растяжку произносит: «Володя, если бы ты знал, как я не люблю ходить на лыжах!».

С тех пор прошло много лет. Не только я сам, но и все мои друзья считают, что учить надо тому, что нужно на войне. Учиться было трудно, при этом каждый преодолевал прежде всего себя. И это было вдохновение.

Мне в этом смысле было несравненно легче. Сказывались навыки ходьбы на лыжах в Сибири. Да, кроме того, надо иметь в виду, что когда я жил в Кавголово, что под Ленинградом, то учился в Токсово — признанном лыжном центре России. Преподавателем физкультуры у нас был мастер спорта СССР по имени Александр Павлович. Фамилию его, к сожалению, из-за давности не помню. Ребят, которые ему казались перспективными для лыжного спорта, он буквально часами палками гонял по кавголовским лесам. Помнится, у нас было много обид на него за его жесткие методы приобщения к лыжному спорту. Правда, потом в Ленинграде благодаря первоклассной подготовке я уже бесценно бегал на лыжных соревнованиях на первенство Московского района Ленинграда.

Примерно в таком же состоянии, как Василий, я тоже был один раз за время учебы. Где-то в начале марта почувствовал легкое простудное недомогание. Зная, что в конце недели предстоял очередной ночной выход, решил себя побереечь и пропустил очередные занятия по физкультуре и один или два вечерних коротких выхода в лес.

На ночных занятиях вначале бодро шел в составе группы по весеннему лесу. Еще довольно часто встречался снег, но в основном все по колено в талой воде. В плане занятий обычно писалось: «погода реальная на день занятий». Самое неприятное время года для ночных занятий. Шли в унтах с галошами. Часа

через 2 почувствовал, как силы стремительно оставляют меня. Еще через пару часов сил не осталось никаких. Не мог понять, в чем дело. Ребята были тоже удивлены. Они знали, что все трудности с переходами на предыдущих занятиях я переносил достаточно легко. Благодаря моему хорошему знанию основ топографии ребята всегда, когда представлялась такая возможность, назначали меня разведчиком группы. Это значит – надо быть впереди группы и прокладывать маршрут. От этой должности разведчика многое зависело. Каждая твоя ошибка оборачивалась лишними километрами для группы специального назначения, а это мало того что дополнительная существенная физическая нагрузка на каждого, но это еще отставание от графика движения, лишняя нервозность, ожидание «коварных» вводных от посредников. Поэтому в головной дозор старались ставить тех, кто редко ошибался. Хотя преподаватели-посредники по известной причине это пресекали. Все учились на командиров, а топографией командиры обязаны были владеть превосходно.

На этот же раз не могло быть и речи о разведке. При каждой остановке, когда разведчики, накрывшись для светомаскировки плащ-палатками, сверялись с маршрутом по карте, я падал на первую попавшуюся елочку и пытался прийти в себя. Упасть можно было только на елочку, так как вокруг была вода по шиколотку либо сырой снег. Елочка же прогибалась и была какой-то прокладкой между сырым снегом и телом. К утру, что называется, дошел до точки. Шел медленно, на автомате. Память запечатлела картинку: иду весенним утром по лесной поляне, солнышко светит, но душу не греет, так как сил на эмоции не осталось. На пути оказалась коровья «лепешка», обойти ее или перешагнуть – значит затратить дополнительное усилие. Наступаю своими унтами посередине и иду дальше. В голове только мысль о том, что через два часа придем на точку, и это все. Там нас ждут машины. За полчаса до окончания маршрута встретилась на пути маленькая речушка. Те ребята, которые шли впереди, уже успели снять с себя унты, комбинезоны и раздетыми переходят ее вброд. Некоторые уже одеваются на другом берегу. У меня на эти движения

сил нет, иду, как поезд малой скоростью, не останавливаясь. Ребята изумленно смотрят, как я в унтах, комбинезоне перехожу реку. На другом берегу ложусь на спину, вода вытекает из унтов, встаю и продолжаю движение в сторону поджидающих нас машин. Когда группа собралась около накрытых брезентом грузовичков, я уже лежал в одном из них в полубморочном состоянии, в обнимку с автоматом, который так и не отдал никому, хотя ребята искренне хотели помочь мне. Они прекрасно видели, в каком я был состоянии. В подобном положении оказался только раз в жизни. Это была расплата за то, что накануне пожалел себя и пропустил занятия с физическими нагрузками, а может быть, и недомогание еще сказывалось.

Стрелковую подготовку преподает фронтальной разведчик

Весьма занимательно и познавательно преподавал стрелковое дело незабываемый многими поколениями сотрудников КГБ Федор Степанович Быстряков. На протяжении длительного периода он был преподавателем оперативно-тактической кафедры в Высшей школе КГБ, а потом его рекомендовали на КУОС. Лучшего рассказчика со столь богатым воображением трудно было найти. Он настолько красиво переплетал скучные познания о тактико-технических данных оружия с занимательными историями, которые были связаны с этим оружием, что подчас было невозможно понять, где правда, а где выдумка. В его распоряжении был чрезвычайно широкий арсенал оружия всех стран мира. Федор Степанович грамотно чередовал теоретические занятия по стрелковому вооружению с практическими стрельбами в тире. Нам довелось пострелять практически из всех видов пистолетов, наганов, автоматов, пулеметов и другого стрелкового оружия, в том числе специального, которое только было на вооружении всех армий и спецслужб мира. Больше всего, конечно, нравилось стрелять из бесшумных пистолетов разных систем, которые в ту пору были в диковинку, да и сейчас, слава Богу, не всем некоторые виды оружия известны.

Наряду с огнестрельным определенное внимание уделялось и холодному оружию. Все спецназовцы в мире, как правило, имеют на вооружении ножи специального назначения. В зависимости от цели использования и готовились такие ножи.

Для бесшумного «снятия» часового использовались ножи с длинным обоюдоострым лезвием, как, например, кинжал английских коммандос. Длина клинка порядка 15 сантиметров, от рукоятки отделяется небольшой плоской гардой. Рукоятка веретенообразной формы выполнена из пластика и имеет глубокое рифление. Кинжалом удобно наносить колющие удары, для этих целей пригоден и длинный клинок и обоюдоострая заточка. Клинок в сечении имеет ромбовидную форму, которая повышает жесткость при колющем ударе. Такая форма клинка удобна, когда надо нанести удар через теплую одежду. Для хозяйственных нужд он непригоден, так как узкий клинок имеет довольно большой угол заточки и поэтому плохо режет.

В отличие от английского ножа коммандос американский кинжал «Ка-Бар» является более универсальной конструкцией. Он имеет такой же длины клинок, но уже с широкой полукруглой заточкой. Кроме нижней кромки, заточен и пологий скос обуха. Для повышения жесткости и уменьшения веса клинок имеет две выбранные доли (в просторечии именуемые кровостоком). Наш незабвенный Федор Степанович весьма язвительно высказывался по поводу этих «кровостоков» и рассуждений на эту тему. Рукоятка «Ка-Бар» довольно массивная, имеет бочкообразную форму и изготавливается из кожаных колец, отделяется от клинка небольшой плоской гардой. Рукоятка заканчивается массивным металлическим набалдашником, которым можно также наносить травмирующие удары по голове противника. В повседневной жизни нож «Ка-Бар» имеет широкие возможности: им можно резать, строгать, копать лунки, рубить тонкое дерево, открывать консервы, без которых ни один турист и спецназовец не обходится.

Мне как истинному патриоту Финляндии, с которой очень много связано, в том числе и разведывательная работа против спецслужб главного противника, конечно, нравится все финское. Поэтому здесь хотелось бы остановиться на финском боевом ноже «М-95», разработчиком конструкции которого являлся отставной капитан финской армии Пелтонен, служивший в войсках ООН и

побывавший в различных «горячих точках». Нож выполнен в стиле классических финских ножей «Пуукко», хотя и имеет некоторые конструктивные отличия.

Прежде всего нож представляет собой довольно длинный и узкий клинок с односторонней заточкой, который в сечении имеет треугольную форму. Благодаря такой форме клинок имеет малый угол заточки, что придает ему отличные режущие свойства. Ножны сделаны из качественной кожи. Как и положено финскому ножу, рукоятка ножа наполовину утоплена в ножны. На ножнах есть специальный выступ, упорев в который большой палец, можно легко и бесшумно вытащить нож.

«М-95», кроме финской армии, состоят на вооружении шведского спецназа, который предпочитает их ножам, изготовленным в Швеции. Сам по себе факт – примечательный, с учетом шведского патриотизма и наличия высококачественной стали. Кстати, большинство «финок» в Финляндии изготавливаются из шведской стали.

По общепризнанному мнению слушателей КУОС, советские метательные ножи спецназа были лучшими. Одной из основных особенностей этих метательных ножей является та, что центр тяжести находится в передней части клинка. Благодаря такой конструкции достигается высокая точность при метании ножа. В хозяйственных целях такие ножи малопригодны.

Купол: сначала страшновато, а затем восторг...

Практически с первых дней учебы на курсах началась подготовка к прыжкам с парашютом. Вначале были первичные теоретические занятия по технике прыжка. Затем на территории нашего городка в разных местах в лесу были установлены тумбы разной высоты – от 1 до 2,5 метра. Преподаватели старались использовать каждый наш выход на полевые занятия для того, чтобы мы потренировались в прыжках с этих тумб для укрепления стоп.

Уже через месяц мы сели в электричку на Курском вокзале и через 4 часа прибыли в Тулу, где нас встретили представители дивизии ВДВ. Посадили в армейские, крытые брезентом грузовики, и мы с песнями, по морозу поехали в расположение дивизии. Расквартировали нас в помещении солдатской роты, которая в это время была на учениях. В целом условия нас вполне устраивали, правда, несколько настораживала низкая температура в помещении. Дело в том, что в двух окнах не хватало стекол, а на улице было за 20 градусов мороза. На наш вопрос к офицерам дивизии, почему не вставляют стекла в окна, те объяснили, что в прошлом году солдаты случайно разбили стекла и в воспитательных целях решили какое-то время их пока не вставлять. Солдаты к этому уже как-то привыкли и на втором году перестали замечать, что в окнах нет стекол. Все познается в сравнении. После многодневных учений в 20-градусный мороз, когда приходится спать в снежных укрытиях без одеял, подушек и прочих «глупостей», так как ни один уважающий себя десантник

не возьмет с собой ни палатку, ни подушку и т.д., потому что, как известно, при длительных переходах каждый грамм равен килограмму, возвращение в «комфортные» условия казармы, даже без стекол, кажется раем.

За пару недель, которые прожили в этой казарме, мы имели возможность убедиться в справедливости такого подхода. Правда, когда мороз подошел к отметке минус 28 градусов, спать ложились в своих комбинезонах, прикрываясь одеялом и шинелями. Сон в такую свежую погоду удивительно хорош, а может быть, мы просто сильно уставали.

В дневное время в программе были интенсивные занятия по теории и практические занятия по укладке парашютов, прыжки с вышек, специальных тренажеров и т.д. Есть такое золотое правило у парашютистов: укладывать свои парашюты самому, чтобы в тот момент, когда он не раскроется над тобой в силу каких-либо причин, обижаться было не на кого, кроме как на самого себя.

Запомнились встречи со сборной Советского Союза по парашютному спорту. Исключительно симпатичные ребята и девчонки, которые были неоднократными чемпионами СССР и мира, поделились с нами своими историями, подчас комичными, а иногда и с оттенками трагизма. К сожалению, это такой вид спорта, в котором время от времени случаются трагические случаи. В этом мы смогли убедиться в первый же прыжковый день. Нас подняли, как это принято в ВДВ, ни свет ни заря и привезли на аэродром. До нас там уже совершал прыжки с больших транспортных самолетов личный состав дивизии. Мы стояли готовые к посадке на свой маленький Ан-2, и смотрели, как сотни солдат кружили в воздухе на парашютах и, приземлившись, сразу шли в атаку на «противника». На соседнее поле спускалась на огромных парашютах техника войск ВДВ: танкетки, БМД, компактные артиллерийские установки. Перед самой землей срабатывали заряды, которые смягчали посадку техники. Зрелище захватывающее – трудно оторваться. Мы знали, что первым человеком, который совершил прыжок в бронетранспортере, был сын первого командующего ВДВ генерала Василия Маргелова – капитан

Александр Маргелов. И вообще нам понравилось, что в войсках ВДВ все без исключения, несмотря на должности и звания, совершают прыжки с парашютом. Генералов-пузанов в ВДВ не встретишь.

Вот, наконец, появляется в небе последний самолет с солдатами, за ним наш вылет. Солдаты, как горох, высыпали из самолета, и вдруг замечаем, что у одного из них не раскрылся парашют. С замиранием сердца и надеждой смотрим, что произойдет дальше. Наконец нервы у кого-то не выдержали, и он закричал: «Да открывай же запасной». Но солдат нас не слышал и, по-моему, не понимал, что с ним происходит, а может быть, к тому времени у него уже произошел разрыв сердца. Известно, что, когда люди при пожарах выпрыгивают из высотных домов, они умирают от разрыва сердца в воздухе до падения на землю. Так и не открыв запасной парашют, солдат с глухим ударом упал на землю. Не верилось, что вот так на наших глазах погиб солдат, а по сути – мальчишка. Все стояли подавленные. Через некоторое время Анатолий Алексеевич сказал, что прыжки, наверное, отменят, так как по существующей традиции, когда в дивизии кто-нибудь гибнет, в этот день прыжки отменяются.

Через некоторое время появился уважаемый всеми десанниками командир дивизии генерал Евгений Николаевич Подколзин, который сообщил, что у одного из солдат не раскрылся парашют и он разбился. Ведется расследование этого ЧП. По существующему порядку в этот день в дивизии отменяются все прыжки.

– Что будем делать? – спросил он.

Мы советовались недолго. Многие придерживались того мнения, что лучше прыгнуть без парашюта, только не ночевать лишнюю ночь в казарме, где нет стекол в окнах. Правда, генералу мы сказали, что у нас напряженная учебная программа и нам не хотелось бы ее срывать. На его вопрос, есть ли иные мнения, мы дружно на одном дыхании ответили: нет.

Наверное, такие традиции складываются неспроста. Раз уж не заладилось с прыжками с утра, так и продолжалось. В первой группе, совершающей прыжок с Ан-2, у нашего преподавателя

Льва Ивановича Королькова стропа перехлестнула купол парашюта, в результате чего тот сложился пополам. Лев Иванович с нераскрытым куполом стремительно приближался к земле. На поле вновь все замерло, наблюдая за тем, как будут развиваться события. Не хотелось думать, что трагедия может повториться.

Лев Иванович не растерялся. С земли было видно, что он пытался сбросить стропу с купола, но это ему не удавалось, а земля стремительно приближалась. Что он ни делал, ему так и не удалось сбросить стропу. В последний момент рванул за кольцо запасного парашюта. Все облегченно вздохнули, когда увидели, как купол запасного парашюта раскрылся над ним.

Позднее Лев Иванович как преподаватель оставил яркий след на Курсах. Его широкий диапазон оперативных знаний, передовой опыт пригодились при обучении. Слушатели тянулись к нему. Он неоднократно направлялся на практическую работу для выполнения особо ответственных заданий. Возвращался на кафедру обогащенным новейшими практическими знаниями. С уходом в запас продолжает работу по противодействию экстремизму и международному терроризму.

Помню еще такой эпизод. В следующей группе один из слушателей не сгруппировался должным образом в момент раскрытия парашюта. Последовал громкий хлопок, слушателя рвануло вверх, расслабленное тело недопустимо прогнулось, и позвоночник, не выдержав нагрузки, треснул. С аэродрома его отправили в госпиталь, где провели операцию. Через 2–3 месяца он приехал в Балашиху, все еще находясь по шею в гипсе. Для него обучение на Курсах, а возможно, и служба в КГБ закончились. Нам было искренне жаль его.

Еще пара человек потянули спины и два других подвернули ноги при приземлении. Слава Богу, на этом и ограничились наши неприятности. Или мы набрались опыта, или стали более собранными, но на следующих прыжках таких ЧП у нас уже не было.

В самолете Ан-2 на первом прыжке все сосредоточены, мысленно еще раз повторяют все необходимые действия в воздухе. В принципе ничего сверхсложного нет. Самое главное – решиться

сделать первый шаг в пустоту, мысленно отсчитать 5 секунд, рвануть за кольцо, сгруппироваться, а иначе можно спину поломать в момент раскрытия купола парашюта. Правы были члены сборной команды парашютного спорта Советского Союза, что нет таких людей, у которых бы «очко не играло» в момент прыжка из самолета. Стоя около его открытой двери, трудно не испытать сильнейшего волнения. Шум ветра и работающего двигателя самолета заглушают все, ничего не слышно. Вот получил хлопок по спине, значит, пора прыгать. Далеко не просто сделать первый шаг в пустоту, где под тобой 600–900 метров бездны. При первом прыжке плохо ориентируешься в окружающем пространстве. Перед тобой крутятся земля, небо, облака. Вдруг в поле зрения попадает самолет, затем опять земля. Все это мелькает стремительно в глазах, и ты не успеваешь сообразить, что с тобой происходит. При последующих прыжках время как бы замедляется, и ты уже совершенно осознанно отмечаешь, в каком положении находишься и что надо делать. Замечаешь даже выражение лица прыгающего из самолета за тобой Николая Васильева из Липецка, видишь, как внизу раскрывается купол парашюта прыгнувшего перед тобой Николая Леонова. Одновременно с этим отсчитываешь про себя положенные 5 секунд (901, 902...905), все... пора. Группируешься и дергаешь за кольцо. Громкий хлопок – и тебя резко дергает вверх.

После хлопка парашюта – оглушительная тишина... И наступает эйфория. Первым делом смотришь вверх: правильно ли раскрылся купол, не захлестнуло ли стропы. После этого осматриваешься: где твои ребята? Слава Богу, все они рядом и испытывают то же самое чувство эйфории. Переключаемся друг с другом, шутим и распеваем песни.

Парить под куполом – самое приятное и незабываемое ощущение. С удовольствием рассматриваешь проплывающие под тобой леса, дороги с игрушечными машинками, людей на поляне, куда тебе предстоит приземлиться. Пытаешься определить, кто из них кто. Ощущения большой скорости полета нет, и только перед самым приземлением вдруг земля стремительно начинает надвигаться на тебя. Тут не зевай: опять следи за тем, чтобы ноги

на кочку не угодили, а попали двумя стопами одновременно на ровное место. Удар о землю тебя подбрасывает, и ты падаешь. Тут надо быстро вскочить на ноги и поддержать стропы одной стороны купола, чтобы он не наполнился ветром и не потащил тебя, беспомощного, по полю, к удовольствию твоих друзей. Они не забудут крикнуть тебе вдогонку:

— Володя, если ты в местное сельпо, то и для нас прихвати бутылку.

Вот так всегда — у человека горе, а им насмешки. И долго еще потом будешь идти по колена в снегу, взмокший от пота, к своим ребятам, которые вместо сочувствия будут отпускать шутки по тому поводу, что ты, мол, уже хорошо прогрелся и очередную баню придется пропустить. Другие будут интересоваться, где же бутылка, которую они заказывали. Обижаться на них в голову не приходит: это же твои друзья, и по-другому они вести себя не умеют. В следующий раз им придется отбиваться от моих шуточек.

После освоения азов парашютного спорта предстояли прыжки на лес, на воду, а затем ночные прыжки и т.д. Из общения с выпускниками более поздних выпусков было известно, что воздушно-десантная подготовка в их времена приходилась на конец обучения. Ее проходили вместо 18 — 21 дня всего за 5 — 6 дней. Физическая и другая подготовка позволяли это сделать в короткие сроки и с высоким качеством.

Лучше гор могут быть только горы...

Незабываемой была командировка в горы Армении под Кироваканом для прохождения горно-альпийской подготовки.

По прибытии в лагерь нас разместили в армейских палатках. С утра, как и в Балашихе, зарядка с голым торсом, приборка. Затем после завтрака полтора часа идем к подножию скал, где применяем теорию по альпинизму на практике. Разными способами поднимаемся сначала по простым маршрутам вверх по скале и разными приемами отрабатываем спуск со скалы. С каждым днем задания становятся все сложнее. В конце пребывания в горном лагере мы уже, как заправские скалолазы, поднимаемся по скале с отрицательным уклоном и с еще большим удовольствием спускаемся по ней. Незабываемое впечатление, когда смотришь вниз через плечо, спускаясь по веревке со скалы с отрицательным уклоном, и видишь внизу в голубой дымке горные пейзажи. Тысячу раз был прав Владимир Высоцкий, когда утверждал в своей песне, что «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». Для меня эти занятия были крайне интересными. С детских лет у меня была заветная мечта полазить по скалам, и вот этим мечтам суждено было свершиться. Получал истинное удовольствие от окружающей нас красоты и радости восхождения.

Бывали и смешные случаи, которые мы и много лет спустя с удовольствием вспоминали. Например, когда впереди идущий командир группы Александр Яцук неосторожно сбрасывал тебе на голову град небольших камней, которые были причиной

достаточно болезненных ссадин и царапин. В такой момент, естественно, в вежливой и корректной форме, по известному анекдоту, делали ему замечания типа:

– Федя, ты не прав.

Был и достаточно неприятный момент, когда после очередного спуска со скалы с отрицательным уклоном мы ожидали на маленьком пятачке, когда остальная группа спустится вниз. Легли на край пятачка и смотрели вниз в пропасть глубиной в несколько сот метров. Вдруг из-под ноги одного из слушателей, спускающегося со скалы, сорвался камень размером с голову человека и полетел в сторону лежащих на пятачке людей. Слушатель, у которого выскочил из-под ноги камень, закричал, чтобы мы побереглись. Естественно, успели только повернуть головы, как камень со свистом шмякнулся между мной и Алексеем Золотаревым. Попади он правее или левее на пару десятков сантиметров – и принес бы непоправимую беду. Но Бог нас миловал, наш час еще не пробил.

Одно из происшествий запомнилось особенно ярко. Произошло оно в конце нашего пребывания в горно-альпийском лагере. Проходили привычные уже занятия по отработке подъема по отвесным скалам и спуск со скалы с отрицательным уклоном с подстраховкой.

Группа находилась на вершине скалы. Выше нас, как поется в песне, было только небо. Скала с отрицательным уклоном спускалась вниз не менее чем на 100 метров. Там находился небольшой «пятачок», на который мы и спускались. С «пятачка» открывалась бездна еще на несколько сотен метров.

Алексей Золотарев, стоя на самом краю скалы, готовился к спуску. Мне предстояло его страховать. Я стоял рядом с ним, как говорится, на изготовке и любовался потрясающей панорамой, открывавшейся перед моими глазами. Внизу, в голубой дымке, виднелись леса и горы. Впереди, насколько хватало глаз, шли вершины и скалы самых разнообразных очертаний.

То ли я засмотрелся на окружающую красоту, то ли Алексей от волнения перед спуском забыл предупредить меня о начале спуска, но он неожиданно прыгнул со скалы. Веревка стремительно заскользила по моей правой руке, и я почувствовал, как она сразу

резко обожгла ладонь, и кожа между указательным и большим пальцами почему-то оборвалась квадратиком и болталась на одной из четырех граней. Обжигающую острую боль в руке перебивала мысль, что могу не удержать Алексея, и тогда не миновать беды. Лево́й рукой удалось страховочную веревку прижать к телу и тем самым остановить падение товарища. Все это продолжалось не более секунды, но боли и страха пришлось пережить столько, что хватило на всю оставшуюся жизнь. Кроме страха и боли, был еще острый стыд за то, что не смог в общем-то несложный прием, который альпинистам приходится применять постоянно, отработать чисто. Было настолько стыдно, что не смог показать ребятам свою обожженную и ободранную веревкой руку. После окончания спуска Алексея прилепил на место оторванную кожу и в близко расположенных кустах помочился на израненную ладонь – испытанное средство всех спецназовцев. Вновь резкая боль от обжигающей мочи чуть не заставила закричать, но как-то смог удержаться. Уже много позже пришло понимание, что наряду со стыдом за неуклюжесть в исполнении рядового приема, был и положительный момент в этом происшествии – проявил выдержку и характер, удержал Алексея, несмотря на острейшую боль. Можно ведь было и отпустить веревку со словами:

– Извини, Алексей, но так больно, что никаких сил больше нет держать.

Слава Богу, в нашей команде таких не было.

Занятия по отработке преодоления горных рек разными способами нами воспринимались как детская забава. Там было больше спортивного азарта: какая группа более удачно и быстрее сможет преодолеть бурную горную речку Памбак, хотя сделать это было ох как не просто, особенно для таких наших «мухачей», как Валера Пак. Мощное, стремительное течение реки легко и бесцеремонно сбивало с ног и гораздо более крупные фигуры. В лагерь после занятий возвращались мокрыми до нитки, но довольными*.

* Очень часто преодоление горных рек было далеко не забавой. Особенно, если накануне был дождь. Вода в реке поднималась, скорость увеличивалась. Зачастую требовалось до 2–3 часов, чтобы наладить переправу. Те, на кого выпадала наибольшая нагрузка, как правило, мастера спорта, после этого отлеживались какое-то время без движения на камнях. Вряд ли это забава. – *Прим. ред.*

Наиболее сложной частью горной подготовки было не скалолазание, а отработка маршрутов и заданий в горах. Затяжные подъемы по склонам гор и длительные переходы на тактических занятиях выматывали нас основательно, но надо признать: навык ориентировки в горах мы приобретали неплохой. Подмосковные болота воспринимались уже как дом родной.

Удалось посетить памятное место. Точку на Кавказском перевале, где Пушкин спросил встречного возницу, перевозившего тело Грибоедова из Персии:

– Кого везешь, брат?

– Грибоеда.

Так в последний раз встретились два великих русских общественных и литературных гения: А.С. Пушкин и А.С. Грибоедов.

Каждый слушатель стремился посетить это место. В большинстве случаев к этому памятному месту учебные группы водил Набоков.

По окончании горно-альпийской подготовки каждому слушателю вручили в торжественной обстановке на скале удостоверение инструктора альпинизма.

Кавказское гостеприимство

Памятной была поездка на субботу и воскресенье в Ереван к друзьям. Проезжая по перевалу в районе озера Севан, попали в сильнейший туман, которого я не видел в своей жизни. Сергей Сианоян сидел за рулем и медленно вел автомобиль, а мы с Сако Григоряном, высунувшись по пояс в окна, ориентируясь по дорожной разметке, руководили им. Мы не зря смертельно рисковали на дороге. Памятный вечер в деревне у восьмидесятилетнего деда Сергея, который, по его словам, не знал вкуса воды, так как пил только вино, и задушевные песни с местными знаменитостями с лихвой окупали пережитое в горах.

По окончании курса горной подготовки обратился с просьбой к Анатолию Алексеевичу – выехать на сутки раньше в Тбилиси, а затем присоединиться ко всем.

В Тбилиси меня встретил однокашник по Высшей школе Гиви Чавчавадзе. За сутки, проведенные в городе, Гиви успел показать достопримечательности столицы Грузии, вывез за город и показал удивительную церковь, построенную таким образом, что со стороны трудно было заметить, что у нее двойные стены, внутри которых могло спрятаться целое селение. Когда неприятель нападал на селение, все жители прятались в церкви, а когда враг уходил, выходили. Так были не раз спасены женщины, старики и дети селения.

Запоминающейся оказалась поездка с Гиви, его женой и отцом в загородный ресторан. Ресторан – это, наверное, громко сказано. В 15–20 километрах от Тбилиси в горах рядом с дорогой

расположился скорее постоянный двор прошлого столетия, чем ресторан. Забор сплетен из ивовых прутьев. Из этих же прутьев изготовлены стены основной постройки на подворье, а также с десяток маленьких саклей, внутри которых находились столы из струганых досок и лавки. По двору ходили петухи и курицы, в углу стояли привязанные козы. Общий вид был, надо признать, весьма колоритным, но достаточно непрезентабельным. Хозяева еще перед выездом из Тбилиси обещали, что мне доведется отведать шашлык своей жизни, настолько он хорош. Официанты быстро накрыли стол обильной, вкусной закуской грузинской кухни. Через некоторое время принесли и обещанный шашлык на косточках — действительно удивительно нежного и вкусного мяса. И сейчас спустя более чем 25 лет с тех пор вынужден признать, что подобного или близкого по вкусовым качествам шашлыка в своей жизни отведать не пришлось.

Настроение еще больше улучшилось, когда к нашей сакле подошел старик с шарманкой и начал петь удивительно красивые грузинские песни.

Одним словом, поездка в Тбилиси оказалась незабываемой. Не менее интересным получилось и продолжение. Ровно через сутки мы с Гиви пришли на вокзал в Тбилиси. Руки наши были заняты бутылками грузинского коньяка, при виде которого ребята из моей группы с энтузиазмом приветствовали нас. Распрощавшись с Гиви, группа непостижимым образом исхитрилась разместиться в купе, где мы не спеша до утра отдавали должное марке грузинского коньяка и пели песни. В купе оказалось три барда: А.А. Набоков, Алексей Золотарев и Володя Глебов. Они устроили между собой своеобразный конкурс и попеременно солировали до утра, а мы помогали им как могли. Такая ночь Песни остается в памяти навсегда.

Тяжело в учении, легко...

Безусловно, венцом обучения являлись суточные комплексные занятия (СКЗ). Основу СКЗ и СКЗС (суточные комплексные занятия спортивные) заложили корифеи кафедры Александр Александрович Арфанов и Борис Федорович Баранов. Оба кандидаты военных наук, доценты. Их отличала высокая штабная культура, исключительная работоспособность. Баранов после нескольких лет преподавания на КУОС был переведен в Институт внешней разведки с большим повышением и проработал там долгое время.

Арфанов трудился на кафедре до самого конца существования Курсов. Как генератору идей в групповых упражнениях в классе и на местности ему не было равных, он был незаменим: писал много методических пособий, был творчески активен — ни минуты без работы.

Анатолий Алексеевич Набоков по прибытии на Спецкурсы сразу активно и творчески влился в коллектив ветеранов-разработчиков. Впитывал их опыт и усиленно нарабатывал свой. Его французский язык был блестящим, а песенный цикл на французском языке как барда превосходен и становился часто предметом восхищения носителей языка. С середины 70-х годов он принимает основную тяжесть как старший методист по совершенствованию и углублению содержания и форм комплексных занятий.

Необходимо подчеркнуть, что основой подготовки на Специальных курсах была специальная тактика, стержнем же последней или ее становым хребтом была разведывательная работа

с агентурных позиций. Вот эта особенность и выделяет ее из прочих спецназов. Весь мировой опыт, а не только отечественный в области борьбы и контрборьбы, отнесенный к партизанской специфике, показывает, что успех приходит тогда, когда главные решения основываются на проверенных агентурных данных. Это, конечно, особый вид искусства. Простых и малозатратных путей в достижении высот этого искусства нет. Для того чтобы понять эту известную истину, надо пообщаться с носителями таких знаний и опыта. Наконец, что еще более важно: приобщиться лично к литературе, которая содержит информацию о путях к успеху.

В разное время эту подготовку на Спецкурсах вели: А.Н. Ботян, А.А. Говоров, С.С. Конокотов, Л.И. Корольков, М.С. Майский, В.П. Рябов.

Алексей Николаевич Ботян – участник обороны Москвы. С января 1943 года – командир разведывательно-диверсионной группы отряда В.А. Карасева, которая провела несколько дерзких операций на территории Польши и Чехословакии. Алексей Николаевич являлся непосредственным организатором диверсионной акции в Овруче Киевской области, когда был взорван клуб, в котором проходило совещание 60 фашистских офицеров. Примечательно, что удалось спасти всех непосредственных исполнителей акции.

«Партизан Алеша», как его называли в Польше, стал почетным гражданином города Илжа. Почетный участник Фонда «КУОС – Вымпел».

Александр Афанасьевич Говоров – военный контрразведчик Великой Отечественной войны, старший преподаватель, начальник Спецкурса ВКШ КГБ, пришел на кафедру Спецкурсов заместителем. Уже в то время был известен как автор публикаций о действиях контрразведки в минувшей войне. Все свои знания и опыт сконцентрировал на этом направлении. Особенно увлекался тайниковыми операциями. По настоящее время в строю – трудится профессором кафедры в Академии ФСБ. Почетный участник Фонда «КУОС – Вымпел».

Сергей Сергеевич Конокотов работал на КУОС около 2 лет, кандидат юридических наук. Он смог проблемы действий групп

специального назначения в тылу противника поставить на правовой уровень. Ведь командир группы не только начальник, но в отдельных случаях должен выполнять роль председателя военного трибунала. Здесь чрезвычайно важное значение имеет уровень правовой образованности командира, знание им законов и владения ими. Почетный участник Фонда «КУОС – Вымпел».

В методической секции по специальной тактике наряду с перчисленными корифеями работали также Николай Николаевич Кекшоев и Владислав Николаевич Овсянников – оба выпускники Спецкурсов. Кекшоев как преподаватель был активен, вел разработку ряда учебных материалов. Особую роль сыграл в работе с ветеранами-партизанами. Благодаря именно его усилиям преподаватели и слушатели могли общаться с легендарными представителями партизанского движения времен Великой Отечественной войны. Он был неутомим, настойчив в достижении поставленной цели. Теперь, спустя много лет, можно сказать большое спасибо за те незабываемые встречи с легендарными людьми.

Овсянников был исключительно сильным методистом. У слушателей пользовался уважением. Жизнь не может быть бесконфликтной. Владислав Николаевич обладал большим тактом и умением безболезненно разрешить противоречия, которые возникали между членами коллектива. Выйдя на пенсию, служил кадровым сотрудником на таможне. Единодушно новые товарищи по службе отмечали его надежность, коммуникабельность и особое внимание по отношению к товарищам, в том числе в трудных ситуациях. К нашему большому огорчению, его уже нет с нами.

Леонид Михайлович Смоляр пришел на кафедру как преподаватель молодой генерации в середине 80-х годов. Пограничник, начальник Спецкурса высшего пограничного училища, начальник службы охраны особо важных правительственных объектов на случай войны, высококвалифицированный, всесторонне подготовленный офицер. Он начинал службу на КУОС с рядового слушателя, пройдя весь курс подготовки командира группы специального назначения без какого-либо послабления. Зачеты и экзамены сдавал на равных. Конечно, выделялся на общем фоне.

Подхватил эстафету старшего поколения, став высококвалифицированным преподавателем. В трудное переходное время 90-х годов сосредоточился, подготовился и защитил диссертацию на соискание кандидата исторических наук. Долгое время до выхода на пенсию служил заместителем начальника кафедры, вел преимущественно специальную тактику, оставил глубокий след в памяти воспитанников КУОС. В настоящее время ведет педагогическую деятельность в государственных и негосударственных учебных заведениях. Вице-президент Фонда «КУОС – Вымпел».

Преподаватели специальной тактики, как правило, были кураторами учебных групп. Широко был круг их обязанностей: от воспитательной работы до подготовки группы к учениям и работа со слушателями в полном объеме на всех учениях. Это была чрезмерно большая нагрузка и, как все в те памятные времена, неоплачиваемая. Но тогда никто на это не обращал внимания.

СКЗС входили в спартакиаду КУОС, и все действия проводились в составе расчетов группы на время: поиск «груза» («груз» представлял собой ящик с кирпичами), доставка его в заданный район, передача эстафеты другому расчету, который добывал подручными средствами огонь и кипятил воду, затем преодоление полосы препятствий, стрельба в тире и т.д. Как правило, СКЗС проводились в субботу и вызывали у нас живейший интерес и предстартовую лихорадку. По окончании соревнований мы еще долго обсуждали перипетии отдельных моментов, удачи и промахи в ходе выполнения задач. Специальные комплексные занятия предназначались для закрепления полученных знаний и навыков при действиях в составе группы. Тут занятия проходили по схеме: с исходной точки выход в заданный район, базирование, проведение отдельных оперативно-боевых действий и возвращение на базу в Балашиху. На СКЗ группа, как правило, действовала на фоне оперативной обстановки района, с элементами противодействия противника. Все действия отрабатывались в составе группы и имели главной целью сколачивание группы и отработку оперативно-боевых действий в незнакомом районе. Преподаватели прекрасно знали все учебные поля и всегда готовили СКЗ в очень трудных по проходимости районах.

Сначала уяснялась задача, затем командир ГСН принимал решение. В большинстве случаев его решение утверждалось посредником. В том случае, если командир принимал облегченное решение, оно не утверждалось. Необходимо было искать вариант решения, адекватный задаче и обстановке. Бывало и такое, что старший посредник отстранял командира группы от должности и назначал другого, требуя детализировать этапы исполнения. Лишь после этого говорилось: ваше решение утверждаю. Надо сказать, что утвержденное решение было не догмой, но лишь руководством к действию. В ходе выполнения в соответствии с обстановкой оно менялось, но на разборе надо было убедительно доказать, чем руководствовался командир. Творчество поощрялось, если вело к выполнению задачи. Если же командир слепо придерживался утвержденного решения и вследствие этого нес потери, то к нему и всей ГСН принимались жесткие меры воспитания. В основе управления ГСН должны лежать знания, опыт и интуиция. На Спецкурсах читался и отрабатывался на картах цикл: «Теория и практика управления группой специального назначения в тылу противника при выполнении боевой задачи». Этот цикл в интеллектуальном отношении был самым трудным, он формировал систему мышления с проработкой решения в общем виде и в частностях. Не всем слушателям удавалось справиться с этим на «отлично».

СКЗ шли по нарастающей: сначала многочасовые (6–8 часов), затем суточные. Если продолжительность составляла более суток, то это уже называлось учением. Затем проводились двух-, трехсуточные и в конце учебы – подведение итогов за курс обучения – выходили на пятисуточные учения. Кто увлекается походами, тот может себе представить те условия, в которых эти полевые занятия проходили, не забывая при этом, что туристы идут столько, сколько им хочется. На учениях приходилось идти в соответствии с задачей. Спать на учениях полагалось не более двух часов в сутки. Остальное время – работа.

Как правило, после ночного перехода с полной выкладкой в районе базирования необходимо было соорудить схрон,

то есть построить землянку, где группа могла бы укрыться, да и просто «отсидеться» какое-то время. Обычно для этой цели мы выбирали какой-нибудь овражек, яму, чтобы поменьше копать. Аккуратно квадратиками срезали дерн. Саперными лопатками отрывали прямоугольную яму, в которой могло укрыться 12–14 человек (штатная разведгруппа). Вся земля на плащ-палатках относилась подальше от схрона, чтобы не демаскировала местонахождение укрытия. Заниматься этим после многочасовых переходов по лесу – одно удовольствие, если бы не комары, которые поутру тучей налетали на каждого из нас. Руки были подчас похожи на варежки, так много на них было комаров. Но когда сильно устаешь и перед тобой стоит задача в течение всего нескольких часов построить схрон, то на комаров внимания не обращаешь. Ну вот, котлован готов, ребята уже заготовили бревна для наката. По углам укрытия ставим столбы, сверху делаем настил. Если захватили полиэтиленовую пленку, то прокладываем ее сверху. Затем засыпаем слоем земли, которую для этих целей оставили на плащ-палатках. Сверху аккуратно маскируем укрытие дерном. Вход в схрон (лучше два) оборудуется ящиком с березкой или елочкой. Тут чрезвычайно важно выдержать размеры, чтобы березка с дерном и тонким слоем земли аккуратно входила в приготовленное отверстие для выхода. После этого надо обязательно полить дерн и березку водой, чтобы трава не пожелтела быстро, а листья на березке не пожухли. По рации докладываем, что схрон в отведенные нам сроки построен. Получаем в ответ радиограмму, из которой следует, что нам надо укрыться в схроне, так как, «по агентурным данным», в наш район заброшен карательный отряд для поиска нашей разведгруппы. Вся группа во главе с командиром Александром Яцуком спускается в схрон и аккуратно закрывает вход березкой. В это время другая группа слушателей, зачастую солдаты взвода обеспечения, изображающих карателей, выходит в район схрона. Им обозначен район нахождения схрона в квадрате 200 метров на 200. Для поиска дается 15–20 минут. Какое это было счастье, когда однажды «каратели» прошли по нашему схрону и не обнаружили его. После короткого

обсуждения всех достоинств и недостатков нашей землянки теперь уже мы берем на себя функции «карателей» и идем искать схрон другой группы.

Говоря о схронах, нельзя не сказать о той роли, которую играл в освоении этой учебной темы полковник Иван Григорьевич Заливакин. В годы Великой Отечественной войны по какой-то наводке на него, как на командира-сапера, обратил внимание командующий конно-механизированной группой генерал-полковник Исса Александрович Плиев. Заливакин, командир саперной роты, орденоседец, в течение почти 8 месяцев как командир роты обеспечения обустроивал быт командующего, строя штабные землянки. Здесь полностью раскрылся его природный талант, искусство в самые сжатые сроки выполнить, казалось бы, непосильные задачи. Неоднократно пробовал вернуться к саперному делу, но не тут-то было – он в поле зрения командующего.

Удалось ему это сделать после Балатонской операции, когда отпала необходимость сооружать подземные укрытия – повсюду были прекрасные особняки с благоустроенными убежищами. Заливакин с облегчением вернулся в свой саперный батальон, к радости своих подчиненных.

Нам казалось, что после ночного перехода, тяжелой работы по обустройству схрона преподаватели дадут возможность поспать хотя бы два часа. Однако не судьба. Поступила радиограмма, из которой следовало, что надо провести разведку в отношении двух оборонных предприятий в ближайшем городке, а также заминировать мост через речку. Четыре человека переодеваются в гражданскую одежду и отправляются на разведку объектов. Четверо саперов отправляются минировать мост. Командир с радистом и двумя бойцами остаются на базе, то есть в схроне. Мы по-хорошему завидуем им и даем наказ «отомстить» за нас и хоть немного поспать. Однако и им нашлась работенка.

Разведка объектов проводится не «понарошке», а по-настоящему. При подходе к городу из леса с помощью бинокля рассмотрели свой объект. По конфигурации зданий и сооружений, а также всего, что попадало в поле нашего зрения, определили характер

продукции, выпускаемой на объекте, и ее объемы. Для получения более точной информации пришлось пройти в город, потолкаться в близлежащих магазинах, на почте, где пообщались с народом. Самую ценную информацию получили в забегаловке, где в пол-литровые банки торгаши наливали безбожно разбавленное пиво. Через час-полтора мы уже имели исчерпывающую информацию об объекте. Можно было возвращаться на базу, но не те были ребята. Слишком легко все удалось разузнать. Захотелось еще попижонить и пробраться на объект, охраняемый ВОХРом. Вскочили на проходивший в сторону завода товарняк, и уже через 5 минут мы на территории объекта, где спокойно походили по всей территории. Задали несколько невинных вопросов встречавшимся сотрудникам завода и через час таким же путем выехали с территории. Добрались до базы, составили отчет о проведенной разведке объекта, который по рации отправили в Центр, и тут же замертво уснули — сказывалось, наверное, разбавленное пиво, которое разморило в жаркий летний день. Посланную нами информацию в Центр передали в райотдел КГБ, на территории которого находился этот завод. В будущем из райотдела поступило письмо, где высоко оценивались полученные нами данные о характере выпускаемой продукции на предприятии и слабых местах в охране завода. Наверное, кто-то и по шапке получил, но это уже их проблемы. Свое дело каждый должен делать профессионально и ответственно.

Следует отметить, что навыки, приобретенные нами на этих занятиях, многим слушателям пригодились в дальнейшей жизни. Об одном таком случае расскажу на примере умения строить схроны.

Это произошло во время заграникомандировки в Финляндию. Однажды мне было поручено принять участие в организации контрольной встречи начальника Управления внешней контрразведки ПГУ генерал-майора Анатолия Тихоновича Кирева с особо важным агентом из числа американцев.

Благодарен судьбе, что она подарила возможность познакомиться поближе и пообщаться с таким высокообразованным, интеллигентным и удивительно скромным человеком,

как Анатолий Тихонович. В нем не было и тени высокомерия, спеси и комчванства, присущего некоторым чинушам, получившим хоть какую-то власть.

Рассказывая о себе, Анатолий Тихонович сообщил, что родился в 1923 году в Оренбургской губернии. Был участником Великой Отечественной войны. После войны окончил МГИМО МИД СССР. Затем окончил разведшколу № 101. Работал в США, Ливане.

С 1979 по 1987 год возглавлял Управление внешней контрразведки ПГУ КГБ СССР.

Анатолий Тихонович приехал в страну с начальником одного из подразделений Управления, который, собственно, и привлек к сотрудничеству с советской разведкой этого человека.

К организации таких встреч резидентура подходила всегда очень серьезно.

Генерал приезжал в страну под чужой фамилией. Проживал в гостинице. В посольстве появлялся один раз по прибытии, чтобы обсудить конкретные детали оперативного мероприятия, и перед отъездом на Родину, чтобы подвести предварительные итоги проведенного мероприятия и написать шифртелеграмму в Центр о том, как прошла встреча и какая была получена информация.

Так получилось, что в мою задачу входило обеспечение безопасности встречи с американцем. Надо было подобрать коттедж за 100 с лишним километров, обеспечить конспиративную доставку туда генерала, а затем и агента.

В жизни серьезное зачастую соседствует с курьезным. Генерал по прибытии на дачу вручил мне самый обычный пластиковый мешок с толстой, запечатанной пачкой долларов и попросил надежно спрятать ее.

Разведчику приходится постоянно предполагать, что где-то рядом находится контрразведка и поэтому возможны задержания, обыск, арест и т.д.

В то время в повседневной жизни доллары практически не встречались, поэтому и не ощущалась сумма. Без должного трепета и уважения к такой сумме бросил пакет в шкаф, спокойно разобрался с привезенными с собой вещами и продуктами.

Потом, как известный герой комедии Семен Семенович Горбунков в исполнении великолепного артиста Юрия Никулина, начал бестолково совать пакет с деньгами в разные места. Сначала засунул в кастрюлю, но понял, что деньги там будут сразу обнаружены, да к тому же и кастрюля понадобилась для уха. Самым «оригинальным» было решение засунуть этот пакет в другой, положить его в мусорное ведро и засыпать всякими бумажками и картонками. А настоящий мусор складывать в отдельный мешок. Поразмыслив немного, пришел к выводу, что это была не лучшая идея. На месте контрразведчиков, зная, что имеешь дело с разведчиками, я бы обязательно при обыске внимательно просмотрел каждую бумажку в мусорном ведре. На этих клочках может оказаться весьма ценная информация. Примеров тому не счесть. Именно такая «творческая» работенка по проверке мусора позволила американским контрразведчикам получить улику в виде записки с описанием места встречи на советского агента в ЦРУ Олдрича Эймса.

Внимательно обследовав коттедж, не нашел места для надежного тайника. Вышел наружу. Побродив минут пять по лесу, вспомнил «дни золотые» проведенные на курсах. Взял лопату, выкопал в лесу недалеко от дома березку, углубил ямку. Землю в пакете отнес к озеру и высыпал в воду, чтобы свежая земля не расшифровала моего места закладки и не навела никого ни на какие мысли. Тщательно упаковал деньги, замотал их скотчем и опустил в ямку. Сверху посадил березку и полил водой, чтобы листья не пожухли. На всякий случай все вокруг и дорогу до дома посыпал табаком от сигарет. Теперь контрразведчиков даже с собаками можно было не опасаться.

С учетом того, что иностранец должен был появиться на следующий день, пригласил Анатолия Тихоновича на рыбалку, на что он с удовольствием откликнулся. Сели в лодку, генерал потихоньку греб веслами, а я блеснил на спиннинг. Нам уже удалось поймать судака и небольшую щуку, когда блесна за что-то зацепилась. Подгребли к месту зацепа, и я увидел, что блесна зацепилась за сеть. Внимательно осмотревшись по сторонам, я не обнаружил поплавок от сети.

— Наверное, сеть сорвало во время шторма и занесло в эту бухту, — высказал я свое предположение.

— Надо вынимать ее, а иначе вся рыба пропадет.

Начали потихоньку вынимать сеть. Меня несколько удивило, что сорванная во время шторма сеть была не перепутана, а стояла врасстяжку, но особого значения этому обстоятельству поначалу не придал. К первой сети была привязана вторая, и тоже в хорошем состоянии и с большим количеством рыбы. Там были крупные судаки, щуки, лещи и знатные окуни. К концам сетей привязаны камни, а поплавки отсутствовали, поэтому сеть была вся под водой где-то на глубине около метра.

Довольные своей удачей, причалили к своим мосткам, выбрали всю рыбу и повесили сети на просушку. После этого дружно почистили рыбу и положили ее в холодильник.

Затем с чувством исполненного долга сходили в баньку, где не спеша, душевно попарились березовыми вениками вперемежку с полевыми цветами. Вышли на мостки перед баней, сели за стол, пили пиво с креветками и наслаждались окружающей нас красотой. В это время заметили, что появилась лодка с тремя рыбаками. Мы стали наблюдать за ними, как пойдет клев. Однако «рыбаки» ходили на лодке параллельным курсом туда-сюда и не блеснили. Один из них сидел на корме и не очень заметно держал какую-то палку в воде. Тут-то до нас и дошло, что это браконьеры пытаются найти сеть, скрытно установленную в нашей бухте.

Мы обсудили создавшуюся ситуацию и решили, что не имеем права окликнуть их и отдать им сеть. Во-первых, тем самым мы привлекли бы их внимание, и им стало бы известно, что здесь находятся советские дипломаты. Естественно, у них может возникнуть вопрос: а что, собственно, делают в этой глуши русские? Нам было хорошо известно, что местные жители чрезвычайно законопослушны. По телевидению и в других средствах массовой информации постоянно проводилась большая профилактическая работа, направленная на повышение бдительности у населения. Каждый наш промах широко освещался в СМИ и использовался для того, чтобы рассказать о методах работы советской разведки.

Не помню случая, чтобы средства массовой информации страны злопыхали по поводу недоработки или неудачи своей контрразведки, как это сплошь и рядом происходит у нас. Пользуясь так называемой свободой слова, а на самом деле беспределом, отсутствием правовой грамотности у населения и гражданской позиции, наши «журналиги» зачастую извращают и подтасовывают факты, и все это ради красного словца и повышения рейтинга своего издания. Нашим средствам массовой информации есть чему поучиться, особенно патриотизму, у своих коллег на Западе.

Поэтому было нормой, что население информировало полицию, а те контрразведку о встречах с советскими дипломатами в лесу, где те, как правило, невинно с удовольствием собирали грибы или ловили рыбу.

Было понятно, что вступать в контакт с браконьерами было нецелесообразно хотя бы уже потому, что на следующий день мы ожидали прибытия американца. Во-вторых, мы решили наказать браконьеров, которые осмелились без нашего ведома поставить сети в «нашей бухте» и ловить «нашу рыбу».

Покрутившись на лодке минут 40, незадачливые «рыбаки» убралась восвояси, не решившись задать нам какие-либо вопросы. А мы развесили сети на просушку на заднюю стену бани и оставили их хозяевам в качестве дополнительной платы за проживание на этой вилле.

На следующий день я с утра съездил за агентом, предварительно проверившись на маршруте. По прибытии разместил гостя в одной из комнат в нашем доме. Через некоторое время генерал с американцем разместились в гостинной комнате и начали обсуждение своих вопросов.

Только после этого начал спокойно заниматься приготовлением пищи для своих непростых «гостей». Не хотелось ударить в грязь лицом. Пригодились навыки приготовления восточных блюд, приобретенные в студенческие годы от своих друзей из Узбекистана и Киргизии. Наряду с сибирскими пельменями и русским борщом готовил плов, бешбармак, лагман. Для американца такая еда была в диковинку. Трудно сказать,

как получилось у меня на самом деле, но иностранец восторгался моими кулинарными способностями. Может быть, просто сказывалось хорошее воспитание.

После обеда генерал с американцем садились за журнальный столик, где уже были накрыты чай и кофе, и продолжали деловую беседу. Я в это время тактично уходил в лес «по грибы». Надо было убедиться, что никого посторонних и «любопытных» не было рядом с нашим убежищем и нам не грозила опасность. Сочетая полезное с приятным, успевал набрать белых и подосиновых грибов, что являлось приятным занятием и весомой прибавкой к ужину в качестве деликатеса. Грибные соусы хорошо сочетаются как с мясными, так и с рыбными блюдами. Особенно хороши в этом плане сморчки, мелко порезанные и пожаренные в сметанном соусе.

Вернувшись из леса с дарами природы, на мостках почистил грибы, а затем приступил к рыбалке, и также не безрезультатно. На свой старенький спиннинг поймал щуку, несколько окуней и судака. Нет нужды пояснять, что каждое появление в моем поле зрения рыбака в лодке мною фиксировалось, запоминалось его обличье и анализировалось поведение.

Ближе к вечеру приглашаю «гостей» в сауну. К этому времени она уже хорошо протоплена, веники пропарены, полотенца на пологе постелены.

Однако американец в ответ на мое предложение пойти в сауну говорит:

– Нет, нет, спасибо, я не «голубой».

Приходится популярно объяснять ему, что в отличие от Америки, где в сауну ходят только «голубые», в Финляндии баня – это образ жизни, а не просто место для помывки или, не приведи Господи, то, о чем он подумал.

Закончив банную процедуру, американец был вынужден признать, что чувствует необычайную легкость во всем теле, кожа натянута и упруга, дыхание стало легким, голова светлой, а нервы – железными.

Посещение сауны плавно перешло в ужин, во время которого мы уже позволили себе пропустить несколько рюмок водки

и не торопясь поговорить «за жизнь». После ужина пересели на диван с журнальным столиком, где грели в руках бокалы с французским коньяком, предусмотрительно припасенным мной в польском «шинке». Иностранца интересовали детали бытовой жизни советских граждан: где я научился готовить восточные блюда. Пояснил ему, заодно рассказал историю создания плова.

Великого ученого Востока Авиценну как-то пригласили к больному, который находился на грани смерти. Авиценна взял лук, морковь, мясо, рис, масло и приготовил лекарство. Больной съел лекарство и пошел на поправку. Это лекарство называли пловом, по первым буквам его составляющих на тюркском языке. Существует несколько рецептов приготовления плова, в каждой местности – свои особенности. Лично я вначале заливаю в казан масло и прогреваю его до появления белого дымка, чтобы запах масла не перебивал вкуса плова. Затем засыпаю лук, порезанный кольцами. После того как он начинает принимать золотистый цвет, закладываю мясо баранины, нарезанное небольшими кубиками. При наступлении полуготовности мяса добавляю мелко порезанную морковь. После того как морковь обжаривается, заливаю кипяченой водой, даю пять минут покипеть и засыпаю рис. Вода должна покрывать рис на толщину в полпальца. По мере того как рис впитывает воду, можно для вкуса положить айву или головку чеснока. Некоторые добавляют горох.

Сибирские пельмени явились порождением среды, в которой жили мои земляки. Хотя некоторые источники утверждают, что родиной пельменей является Китай и в переводе с китайского пельмени означают «свиные ушки».

С учетом жаркой погоды в Сибири летом у нас в деревне скотина редко забивалась, так как не было холодильников. Обычно забой скотины производился поздней осенью. В это время и начинали готовить пельмени. Как правило, в воскресенье вся семья садилась вокруг большого стола и приступала к работе, которая завершалась только к вечеру. Первую порцию пельменей съедали в этот же вечер, это было большим праздничным событием в семье. Варили пельмени из расчета 100 штук на человека. Остальные

пельмени выносили на противнях в сени, где они промораживались, а затем их ссыпали в холщовые мешки, где они и хранились всю зиму в естественном морозильнике. В мешках хранили и молоко, которое до этого замораживали в мисках, а затем высыпали из мисок в мешки. На рынках молоком торговали тоже в замороженном виде. Обычно молоко на рынке выстраивали пирамидами на прилавках.

В голодные времена радовались и пельменям, приготовленным из одного сорта мяса. В лучшие времена мать готовила пельмени из трех сортов мяса. К свинине и говядине обязательно для духа добавлялась баранина. В этом случае пельмени получались нежными, сочными и особенно вкусными.

В Сибири к пельменям отношение особое. Это не просто пища, которая вкусна, сытна и которую любят. Это своего рода культовая еда. Уважаемого гостя в Сибири обязательно угостят пельменями. Помнится, когда я в первый раз привез жену и сына в Сибирь и мы заехали к тете Лене в Бормотово, то она обежала все магазины, но мяса не нашла. Плохо в ту пору было с продуктами. Смогла «по благу» купить только килограмм третьесортной колбасы. Из этой колбасы она приготовила пельмени. Вкус у пельменей был так себе, но знак уважения великий.

Вот так, попеременно с историческими и кулинарными справками, со множеством анекдотов и проходила наша беседа. В это время инициатива в беседе в основном исходила от меня. Анатолий Тихонович, «выдохшийся» на беседах по делам в течение дня, в основном слушал нашу беседу и только изредка подключался к ней.

Утром последнего дня пребывания американца в Финляндии генерал проводит заключительный инструктаж, обращает внимание агента на те моменты, в которых заинтересована советская разведка.

Поворачивается ко мне и интересуется, где пакет. Я объясняю, что для этого надо сходить в лес «по грибы». Предлагаю сходить в лес всем вместе – пусть агент видит, что в каждой мелочи мы заботимся о его безопасности. Анатолий Тихонович дает «добро», и мы зовем иностранца в лес. Он ничего не понимает, но

идет за нами. В сосновом лесу хорошо, тепло, солнечные лучи прорезают деревья, пахнет прелью. Подвожу коллектив к своей березке. Обращаясь к американцу, спрашиваю, ходит ли он в лес грибы собирать. Он говорит, что нет, только в детстве пару раз сходил. Ну вот, говорю, а мы, русские, очень любим это занятие и поэтому постоянно ходим в лес. Там мы научились не только грибы и ягоды собирать, но и деньги. Они здесь, рядом с тобой, протяни руку – и они твои. Американец недоуменно осматривается, но не может понять, где здесь могут находиться деньги. Мы стоим на полянке рядом с сосной. Он начинает крутить головой, выискивая что-то в ветках дерева.

– Да нет же, – говорю, – деньги у тебя на расстоянии вытянутой руки. Бери их, и пошли.

Агент недоуменно смотрит на меня, понимает, что какой-то подвох, но не может понять, что ему надо делать.

– Все ясно с тобой: видно, что никогда не учился на Спецкурсах. Любой выпускник КУОС в 5 секунд определил бы, где надо искать. А зная, какая там сумма, уже через полторы секунды схватился бы за деревце.

С этими словами берусь за березку и легко вынимаю ее из земли, достаю пакет, который генерал вручает ему прямо здесь, в лесу. Американец сражен. Не может сдержать смеха. Он раз пять примеривал березку к ямке, прежде чем вернулся в дом.

Наступает пора прощания. Анатолий Тихонович крепко обнимает иностранца, оба хлопают друг друга дружески по спине. Последние пожелания доброго пути, удачи, скорой встречи.

Садимся с агентом в машину. Он прилаживает на лице приготовленную мной бороду, очки, шляпу. Теперь даже если его сфотографируют в моей машине случайно оказавшиеся на трассе контрразведчики, то вряд ли его смогут опознать даже его родные и близкие.

Теперь наступает мой черед потрудиться. По заранее отработанному маршруту везу нашего гостя к железнодорожной станции поближе к столице. Судя по его поведению, ему понятен смысл моего замысловатого маршрута и рваного темпа езды.

То тащусь, как последний «чайник», то взрываюсь и стремительно ухожу от рядом находящихся машин. С одобрением поднимает большой палец. Говорит, что очень рад был пообщаться со мной в эти дни. Далее сообщил, что просил генерала, чтобы тот, если это возможно, на следующую встречу опять взял меня, так как он убедился в моем профессионализме.

Немного грустно. Мы уже успели привыкнуть друг к другу и подружиться. Обнимаемся на прощание. Напоминаю ему, чтобы не забыл снять и выбросить бороду и очки со шляпой.

Последний взгляд друг другу в глаза. Что-то ждет его впереди? Не сдаст ли его очередной «борец за демократию» за 30 сребреников?

Но это время еще придет не скоро, а впереди у нас радость новой встречи через год.

«Каратель» учит ГСН живучести

Поспать свои положенные два часа после разведки объекта не удалось, на что мы сильно рассчитывали. По радиии получили сообщение, что наша база окружена «карателями» и поступил приказ прорываться сквозь кольцо через лес, расположенный в 5 километрах от базы. Все ясно: значит, там нас поджидают «каратели» — реально обозначенный противник. Не пришедшие в себя от сонной одури, быстро собираемся и через пять минут уже на марше. В темноте подошли к указанному в телеграмме лесу, обозначили место встречи и, рассредоточившись, начали преодолевать лес. Вдруг слева, справа застрочили автоматные очереди, взлетели осветительные ракеты, слышались взрывы гранат. И хотя мы знаем, что патроны холостые, а вместо гранат летят взрывпакеты, но все равно уровень адреналина резко подскакивает в крови, и от желания поспать не осталось и следа. Кого-то мы «потеряли». В основной точке сбора встретилась половина разведгруппы, а на запасной появились еще трое. Остальные «погибли» в засаде «противника». Ну что ж, на войне как на войне.

В неполном составе группа продолжала выполнять очередные задания Центра, а из ушедших «в мир иной» укомплектовали вторую группу и без дела их не оставили, на что они сильно надеялись. Плохо они знали своих отцов-командиров. Мало того, что все снаряжение у них осталось, но им еще добавили «раненых», которых по законам воинской чести нельзя бросать и добивать, чтоб не мучились, а положено нести на своих плечах.

Хорошо хоть «раненые» солдаты попались в основном худенькие, а не крепыши, но тем не менее...

Бывали случаи, когда слушатели и роптали:

— Я офицер, не буду таскать солдата на носилках.

Посредники учений решительно пресекали подобные разговорчики.

Преследование ГСН «карателями» проводилось строго в соответствии с планом хода учений. Когда и где оно будет осуществлено, знали только посредники. Его начало подавалось вводной, в большинстве случаев по радиосвязи. В отдельных случаях использовались связники и тайники. Вводную мог вручить и старший посредник — руководитель играющего коллектива.

Решение на отрыв от преследования не утверждалось. Командир группы принимал его самостоятельно и в соответствии с этим нес ответственность. «Карательную» функцию на учениях выполняли подразделения из состава отдельного взвода учебного обеспечения КУОС. Как правило, на одну учебную группу назначали усиленное отделение до 10 человек. Взвод имел свою программу подготовки к таким действиям. Занятия с солдатами вели днем и ночью преподаватели кафедры, готовя их к профессиональным действиям за «карателя». Надо сказать, что солдатами в «карательных» операциях всегда владел азарт, свое упражнение они отработывали на «отлично». Система действовала отлаженно, несмотря на то, что постоянно происходили изменения в личном составе взвода: одни демобилизовывались, другие только приходили служить.

Если ГСН смогла оторваться от преследования и благополучно выходила в район временной базы, она получала положительную оценку и, как правило, посредники в качестве поощрения сокращали маршрут на выход в район основного базирования. Группа встречала это решение с восторгом, понимая, что действия их были грамотными, а уровень их физической подготовки достиг нужной кондиции.

В том же случае, если «каратели» зажимали ГСН при преследовании и она несла потери, то старший посредник отмечал

нетвердость управления со стороны командира, а также другие недостатки. За этим следовала другая вводная, ужесточающая дальнейшую «судьбу» ГСН. Это означало, что существенно удлинился маршрут выхода в новый район базирования. «Каратели» по вводной выводились из игры. Разгром группы не допускался. Есть твердое правило – учить надо на положительном опыте с учетом ошибок. Подавленность личного состава в учебном процессе допускать нельзя. Потом, когда будет общий сбор, командиру и всей учебной ГСН придется пережить трудные минуты разбора ошибок посредником, делая выводы. Впереди, имея в виду учебный процесс, ситуации столкновения с «карателями» будут еще не раз, а следовательно, есть возможность и время усовершенствовать навыки действий по отрыву от противника.

Обучение с преследованием давало свои положительные результаты, имело большое воспитательное значение. Тепличных условий по принципу: нас ждут только успехи и победы – не было и не могло быть. Необходимо отметить, что в процессе обучения принимали участие ветераны, которые воздействие карателей испытали в минувшей войне, как говорится, на собственной шкуре.

И вдруг весной 1983 года начальник Института с подачи разного рода «доброжелателей» ошарашил начальника Спецкурсов предложением заменить взвод солдат на взвод прапорщиков. Это решение для начальника Спецкурсов было как гром среди ясного неба. Начальник Спецкурсов не был готов к этому, но тем не менее сразу выразил свое категорическое несогласие с такой постановкой вопроса. Заявил, что, подчиняясь служебной дисциплине, он распишется на тексте предложения, но со словами: не согласен, возражаю. Далее пояснил, что штат взвода составляет 35 человек. В него входят 3 стрелковых отделения и отделение водителей автотранспорта. Стрелковые отделения – по штату, а на самом деле это военные разведчики, топографисты, связисты, чертежники, техники-механики, фельдшеры, почтальоны и т.д. В своем большинстве личный состав взвода состоял из выпускников техникумов, владеющих гражданскими специальностями.

Высокое техническое состояние автотранспорта обеспечивал первоклассный механик – прапорщик Евгений Иванович Обойшев. Он учил солдат мастерской езде. Поначалу, когда они начинали службу, тронуться плавно с места не могли. А демобилизовывались с правами водителя 2-го класса. Обойшев был в служебной командировке в Афганистане. За период пребывания в стране отремонтировал все машины посольства и представительства КГБ. На него поступил запрос на долгосрочную командировку, но он был нужен и на КУОС.

На командирах и личном составе взвода лежали следующие обязанности: создание на полигонах мишенной обстановки с завозом всего необходимого в слякоть и мороз, установка инженерных заграждений, подготовка и ремонт средств ТСО и управления, работа на вещевых и оружейных складах КУОС, обеспечение всего комплекса мероприятий на полевых занятиях и многосуточных учениях.

Наконец, хозяйственно-бытовое обслуживание объекта площадью в 42 гектара тоже выпадало на солдат взвода под руководством инженерно-технического персонала. Фельдшерская служба взвода действовала круглосуточно для всех подразделений, в том числе и транспортировка в госпиталь в любое время дня и ночи.

Наудачу начальника Спецкурсов в это время в кабинет вошел заместитель начальника Института по тылу Александр Васильевич Корольков. Иван Иванович Зайцев поинтересовался его мнением о целесообразности содержания взвода солдат. Тот заявил, что с момента появления Спецкурсов во многих вопросах хозяйственные службы, как говорится, увидели свет в конце туннеля.

Пояснил это на конкретном примере. Скажем, на объекте лопнула труба отопительной системы. Имеется договоренность, что в случае аварии дежурный по части вызывает аварийную бригаду КУОС. Та выезжает на своем транспорте со своим сварочным аппаратом и сварщиком. Устраняет аварию в течение 30–40 минут.

Теперь уже начальник Института несколько растерялся от такого поворота в беседе. Начальник Спецкурсов, воспользовавшись моментом, решил закрепить успех и предложил провести эксперимент: подготовить из прапорщиков Института взвод «карателей» и затем на очередных учениях вместе со взводом солдат проверить, какое подразделение будет действовать лучше.

Для подготовки отобрали 22 прапорщика в возрасте от 22 до 30 лет. Предпочтение отдавалось служившим срочную службу в ВДВ и спецназе ГРУ. Составили программу и тематический план их подготовки продолжительностью 21 день. Прапорщикам был предложен хороший стимул: каждый, кто пройдет подготовку с оценкой «отлично», будет зачислен в резерв выдвижения на офицерскую должность.

В программу входили: специальная физическая подготовка (40%), топография (25%), стрелковая подготовка (5%). Остальное время отводилось на комплексные упражнения днем и ночью на местности. Подготовку вели опытные преподаватели КУОС А.А. Набоков, Ф.С. Быстрыков и А.И. Долматов. Контроль за ходом обучения осуществлял представитель Института. Поначалу подготовка шла туго. Сказывались сидячий образ службы, весовая избыточность. Но уже по прошествии недели все стало входить в норму.

Завершение учебы совпало с началом трехсуточного полевого учения «Эхо-83». Замечаний по подготовке прапорщиков ни от кого не поступило. К концу обучения из 22 человек осталось 11. Одних отчислили по физическим данным, других – по семейным обстоятельствам. При наборе прапорщиков возможный отсев был учтен, хотя и были голоса: возьмите 10 человек и готовьте. Но начальник Института их уже мало слушал. Сработала известная истина: бойся безответственного советчика. Жизнь подтвердила ее справедливость в который раз. Если нет резерва, то и не из чего выбирать при отсеиве. Этот принцип оказался верным.

На учениях «Эхо-83» действовали две учебные группы специального назначения. Одну по плану учения должно было преследовать усиленное отделение солдат во главе с командиром

взвода прапорщиком Зубковым*. Другая группа «карателей» была составлена из прапорщиков Института, во главе с прапорщиком Смоляковым. В период срочной службы он был командиром групп спецназа бригады ГРУ. Как профессионал выделялся из всей группы.

Обе группы «карателей» действовали на разных учебных полях, но по одной и той же вводной. Условия действий были равные.

Хорошо известно, что ГСН вступать в бой с «карателями» не должна. Это ее верная гибель. У «карателей» есть поддержка в силах и средствах: транспорт, госпиталь и многое другое. У ГСН ничего этого нет. С учетом этого обстоятельства ГСН и планирует свою разведывательно-боевую деятельность.

Отделение из состава взвода солдат успешно преследовало учебную ГСН примерно 2–3 километра, затем группе спецназа удалось оторваться и успешно выйти в район временной базы. Поиск группы велся еще около 3 часов, было пройдено около 25 километров.

Отделение из состава прапорщиков потеряло ГСН сразу же после первичного контакта. Пройдя в поиске 15 километров, «каратели» выдохлись. Дальше вести поиск сил не было, а часть из них не могла продолжать марш из-за потертостей и других травм.

Начальник Института, как и было условлено, прибыл в штаб посредников к окончанию действия вводной. Вначале посетил группу «карателей», составленную из солдат взвода. Они были свежи, вид молодеватый. Затем переехали к другой группе «карателей». Картина была полностью противоположной. Командир группы прапорщик Смоляков подал команду: «Встать! Равняйся!». Подъем был тяжелым, потребовалась помощь старшего посредника.

Генерал Зайцев с присущим ему чувством юмора как мог скрасил обстановку. Пожелал всем успешно завершить учение и сказал: «Практика – критерий истины». На отчете прапорщика

* В дальнейшем, получив высшее образование и пройдя ряд стажировок в военных учебных заведениях был выдвинут на должность преподавателя, а затем и старшего преподавателя. – *Прим.ред.*

Смолякова наложил резолюцию: «Вопрос по взводу больше не поднимать». Для Спецкурсов это была важная служебная победа.

Наряду с этим были еще занятия по тактике действий разведгрупп в тылу противника, по наружному наблюдению, страноведению, языковой подготовке, информационно-аналитической работе, медицинской подготовке и т.д. А некоторым из нас предстояла еще легководолазная подготовка на Черном море, с выходом из подводных лодок через торпедные аппараты и особенностями ориентирования под водой, на воде и на побережье. Но это отдельная история.

К концу обучения на КУОС наши преподаватели добились того, что у всех слушателей выработалась уверенность в том, что мы можем выполнить любое задание командования.

Афганистан...

Борьба с международным терроризмом, который получил на территории России свою благоприятную почву, судя по историческому опыту «малых войн», может быть долгой, трудной, затратной и жертвенной.

Что касается борьбы спецназа с политическим, национальным и религиозным экстремизмом, то наряду с высокой и разносторонней подготовкой огромное значение имеет знание и правильное понимание корней этих опасных явлений. В частности, недопустимо их поверхностное толкование и стереотипное перенесение опыта и особенностей одних стран и регионов на другие. Особенно это касается Востока — не зря ведь боец Сухов из известного кинофильма «Белое солнце пустыни» сказал: «Восток — дело тонкое».

Как известно, гражданскую войну в Афганистане советское руководство планировало «умиротворить» в течение нескольких месяцев, а она длится до сих пор. Представляется, что одной из причин явилась переоценка влияния НДПА, недостаточное понимание характера процессов, приведших к ее образованию.

Так, известный востоковед и пуштунист, доктор исторических наук, профессор Юрий Алексеевич Булатов в своей книге «Хальк и Парчам: основные этапы борьбы за завоевание политической власти в Афганистане» свидетельствует именно об этом.

В частности, он пишет, говоря о преувеличении уровня развития марксистской теории в Афганистане в середине XX века:

«В действительности на рубеже конца 50-х — начала 60-х годов правомерно было говорить лишь о первых ростках марксизма на афганской почве, который среди демократически настроенной интеллигенции завоевывал умы отдельных интеллектуалов».

И далее: «Специфика развития революционного процесса в Афганистане с организационной основой, созданной в основном по национальному признаку, обусловила в конечном итоге возникновение такого феномена в демократическом движении пуштунов-гильзаев, как социальный национализм в упаковке марксистской фразеологии».

В своей книге Юрий Алексеевич Булатов приходит к следующему выводу.

Сегодня уже очевидно, что «революционный эксперимент» в Афганистане, унесший жизни большого числа не только афганцев, но и советских людей, представлял собой не что иное, как политическую авантюру со стороны руководства Народно-демократической партии Афганистана при активном участии КПСС и Советского государства. Горький опыт прошлых лет продемонстрировал полную непригодность простых и быстрых методов разрешения проблем социально-экономического и политического развития Афганистана. Крах Саурской революции подтвердил необходимость поиска новых форм и путей развития страны на основе долгосрочных компромиссов с различными общественно-политическими силами и социальными группами. Вместе с тем история учит, что для дальнейшего продвижения вперед требуется глубокое осмысление событий прошлого. При рассмотрении причин сокрушительного поражения афганских революционеров в прямом военном, политическом и идейном столкновении с исламскими фундаменталистами необходимо вернуться к первоисточкам, то есть к анализу объективных и субъективных факторов возникновения и развития революционно-демократического движения в Афганистане и в первую очередь к определению социальных и идейных корней халькизма, ставшего, по сути дела, идейным знаменем Апрельской революции.

Революционные события в Афганистане воспринимались на КУОС с пониманием. Помощь народам, которые, как нам казалось, стремились к демократии, была закономерна и не могла вызвать иных чувств.

Опыт новейшей истории показал, что желание патриотических сил страны обрести народовластие не вызывает сомнений, но достигать этой цели надо своими национальными силами и средствами, помня одну из истин Священного Писания: «Не спеши творить добро». Это формула очень емкая, и если ее кратко объяснить, то это значит: разберись, кому помогаешь, и не выльется ли эта помощь в несчастье для тех, кому помогаешь, и тебе самому. Вот, наверное, как надо понимать эту великую максиму.

Свидетель развития трагических событий в Афганистане, П.И. Нищев рассказывал, что первый раз прибыл в страну в октябре 1979 года в составе небольшой группы. Обстановка была запутанной в том отношении, что смерть Тараки внесла столько неясностей в будущее Демократической Республики Афганистан, что каких-либо определенных решений еще не было видно.

Накал повстанческой борьбы меж тем постепенно нарастал, хотя по магистральным дорогам Афганистана еще можно было с риском, но достаточно свободно передвигаться. Основным угрозам со стороны отрядов вооруженной афганской оппозиции подвергались коммуникации, линии электропередачи, воинские части и др. В этих условиях стояла задача организовать защиту важных объектов. Афганцы какого-либо опыта и средств для этого не имели. Эту работу уже на протяжении ряда месяцев проводил старший советник Представительства КГБ СССР при МГБ Афганистана полковник Николай Семенович Радул, в прошлом командир партизанского отряда, начальник территориального Управления КГБ Украины, — личность исключительно колоритная, динамичная, нацеленная на достижение конечных результатов, безусловно, властная до жесткости.

Через 2–3 дня после прибытия Радул предложил Петру Ивановичу войти в его группу. Это предложение последний принял с большим удовлетворением. Надежда получить как можно больше

первичной информации по тактике и технике повстанческой борьбы в Афганистане полностью оправдалась. Радул был вхож повсюду. Беседы вел на равных: будь то министры, высшие чины органов безопасности, царандоя или армии. Находясь рядом с ним, была возможность получать информацию из «первых рук». Многоопытный профессионал, он производил на участников совещания неизгладимое впечатление. Радул, как правило, в начале встречи говорил: «Об опыте защиты важных военных и экономических объектов и имеющихся возможностях в современных условиях доложит мой помощник, эксперт рафик Петр».

После каждой встречи Радул давал задание подготовить справку и представить аналитический материал для Центра, объем которых всякий раз зависел от важности темы беседы. Приобретенный навык составления аналитических документов неоднократно помогал Петру Ивановичу в последующей работе.

Из афганской эпопеи Петра Ивановича хотелось бы остановиться совершенно кратко лишь на двух эпизодах.

В ноябре 1979 года группа Радула в составе 12 человек (из них 4 афганца), хорошо экипированных и вооруженных, проехала по коридору ЛЭП от Кабула до гидроэлектростанций «Маипар», «Наглу», «Сораби» и далее до провинции Нангархар. Известно, что энергообеспечение Кабула почти целиком (на 90%) зависит от подачи электричества от этих ГЭС. Мятежники в конце октября – начале ноября 1979 г. сосредоточили свои подрывные действия на электрических станциях и линиях электропередачи.

Отчет о командировке был наполнен конкретными фактами, фотографиями. Информация посылалась в Центр дозированной. В одной из первых информаций указывалось, что трансформаторные подстанции гидроэлектростанций совершенно не защищены и легкоуязвимы: трансформаторы открыты, находятся в 7–8 метрах от проезжей части. Не только автоматная очередь, но и пистолетная стрельба может без труда вывести все 18 силовых трансформаторов из строя без возможности восстановить это ценнейшее оборудование в условиях Афганистана.

Информация заканчивалась выводом: «Если это случится, то над Кабулом нависнет угроза «черной ночи» без света и тепла. Известно, что силовые системные трансформаторы являются в промышленности «портфельным заказом», их частичная поставка даже в катастрофических условиях не может осуществиться быстрее, чем в течение года».

Известно, что важная информация не оседала в КГБ, а шла в Инстанцию, т.е. в Политбюро. Центр включил эту информацию в документ рассылки. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин, прочитав информацию, подчеркнул «черную ночь» и «портфельный заказ». Позже у него состоялся разговор с министром энергетики и электрификации СССР П.С. Непорожним, который на его вопрос, почему нет защиты, ответил, что физической и антитеррористической защитой занимаются другие ведомства, но теперь они тоже будут в этом участвовать, обращая внимание на особо уязвимые места. Подтвердил, что вывод, содержащийся в документе, точен с точки зрения возможного ущерба. А.Н. Косыгин выяснил, что информация исходит от действующего сотрудника КГБ. На полях документа написал: «Поощрить». Указание Председателя правительства поступило на контроль Председателю КГБ СССР, но было заволакичено, осуществлено в дежурной форме*.

Второй случай относится к началу декабря 1979 года. В то время со всех сторон стала поступать информация, что душманы готовятся вывести из строя туннель «Саланг». Дезинформация была настолько многоступенчатой, что она стала вызывать реальное опасение у руководства представительства КГБ в Афганистане.

Как-то один из руководителей представительства – Э.К. Колбенов спросил у Петра Ивановича:

– Насколько реальна такая опасность?

Этой информацией Петр Иванович тоже владел, поскольку она «висела в воздухе». Петр Иванович категорично ответил, что

* Спустя 2–3 года П.И. Нишев, располагая возможностями по должности, выяснил причину неисполнения указания высшего лица государства. Нашли документ. На нем было написано: «По мирному времени дважды в один год орденами не награждают». В мае 1980 года сотрудник был награжден орденом Красной Звезды. – *Прим. ред.*

это блеф. Весь опыт минувшей истории по разрушениям подобных сооружений даже с применением военно-инженерных сил и средств не давал сколько-нибудь заметного стратегического успеха. Результаты всегда были сугубо тактические: в большинстве своем перерыв в движении составлял от нескольких часов до одних суток. Но эти разрушения осуществлялись войсками. У мятежников таких сил и средств не было и не могло быть.

Душманы могут с боем прорваться к туннелю на два-три часа, создать какие-либо заторы, сорвать на короткий срок плановые перевозки и т.п. Задача обрушить многометровые толщи тела туннеля «Саланг» посильна лишь ядерному заряду, и то определенного эквивалента. Ядерных зарядов, как известно, у душманов нет.

Э.К. Колбенов сразу же повел Петра Ивановича к спецпредставителю Председателя КГБ СССР в Афганистане Б.С. Иванову, где Петр Иванович повторил то, что сказал ранее. Иванов попросил его сделать письменное заключение. На это Петр Иванович ответил, что в таком серьезном вопросе лучше заручиться ответом официальных источников, назвал профессора, доктора технических наук, заслуженного деятеля наук РСФСР Т.М. Соламахина – начальника 12-й кафедры Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева.

– Хорошо, вы напишите краткую записку, а Колбенов и Главный военный советник сделают запрос.

Ответ пришел очень быстро. В главном вопросе – нереальность вывода душманами «Саланга» на значительный срок – расхождений не было.

Физическая и техническая защита «Саланга», исходя из тех возможностей, которыми располагала афганская сторона, были усилены. Дезинформация стала потихоньку терять актуальность и позже практически сошла на нет.

Ах «Каскад», ты наш «Каскад»...

Во время войны в Афганистане руководство Советского Союза (скорее всего, в этом личная заслуга Ю.В. Андропова) довольно быстро осознало, что моджахеды перешли от открытых столкновений с регулярными войсками к партизанским методам борьбы, и поэтому приняло решение, что противодействовать применяемой ими тактике надо адекватными средствами и методами. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 18 июля 1980 года было принято решение о создании в рамках КГБ оперативно-разведывательного боевого отряда «Каскад».

Незадолго до этого к начальнику Первого главного управления, будущему председателю КГБ В.А. Крючкову, вызвали заместителя начальника управления «С» ПГУ, начальника отдела генерал-майора В.К. Кирсанова и его заместителя полковника Александра Ивановича Лазаренко. Решался вопрос о командире вновь создаваемого отряда «Каскад» на базе выпускников КУОС, которому предстояло выполнить специфические оперативно-боевые задачи в Афганистане. Созданные до этого из выпускников КУОС боевой отряд «Зенит» и «Гром» из состава группы «Альфа» для захвата ключевых объектов в Кабуле свою миссию выполнили с честью.

Собственно говоря, вопрос уже был доложен Ю.В. Андропову, речь шла только о формальном объявлении его решения: маскитый разведчик Кирсанов едет в Афганистан, а Лазаренко остается в Москве за начальника подразделения.

И тут Кирсанов заявил Крючкову, что он не видит смысла в своем направлении в Афганистан, так как слабо разбирается в

войсковых операциях, в руководстве оперативно-боевыми группами и проведении специальных мероприятий.

Крючков, еле сдерживая эмоции, повернулся к Лазаренко:

– А вы?

– У меня есть опыт руководства подобным подразделением.

Крючков холодно посмотрел в сторону Кирсанова и попросил его выйти. Форма обращения к нему свидетельствовала, что он выгоняет его как труса.

Этой позиции в оценке личных качеств Кирсанова, возможно, придерживалось 99% куосовцев, в их числе был и я. Но не все. В беседе по этому вопросу с Петром Ивановичем Нищевым он высказал мнение, что Кирсанов в данном случае поступил как волевой чекист самой высокой пробы.

Так кто же прав: эти 99% имевших точно такое же суждение, как и я, или Петр Иванович?

Действительно, Лазаренко – участник Великой Отечественной войны, командир десантного полка ВДВ, бывший сотрудник ГРУ. Здесь нет сомнений в его квалификации для решения поставленной задачи.

Кирсанов обладал развитым мышлением, способным учитывать специфику нового дела, цепким умом, оценивал сложную проблему с первого раза. В ряде стран был резидентом. В сложившейся ситуации только так и должен поступать не только чекист, но и ответственный за дело и результаты своей деятельности специалист.

Руководить в любом деле, а тем более в таком объемном, сложном, всесторонне жертвенном, экономически истощающем, должен только высокоподготовленный специалист, имеющий практический опыт.

Кирсанов, являясь высокопрофессиональным разведчиком, никогда не имел дела с теорией и практикой партизанской и контрпартизанской борьбы. Его отказ – поступок мужественного человека. Он, конечно, знал, какой будет реакция и ее последствия, это его не остановило. Его поступок, безусловно, заслуживает особого уважения. Это посылно человеку с высоким чувством ответственности и силой воли.

За 1980–1988 годы в Кабуле на самых высоких руководящих должностях в представительстве КГБ СССР при Министерстве безопасности Афганистана перебивали десятки грамотных и видных разведчиков, но не прошедших элементарный курс партизанской и контрпартизанской войн.

Каков результат? Участники боевых действий в Афганистане по прошествии лет, отмечая героизм людей, считают, что суммарный эффект в основе своей негативный, вредный и губительный для России. Примерно такую же картину нам приходилось наблюдать несколько лет спустя и в Чечне.

Вскоре после беседы у Крюčkова приказом Председателя КГБ Ю.В. Андропова было сформировано это подразделение, во главе которого был поставлен А.И. Лазаренко. Отряд имел двойное подчинение – Центру и на месте – Представителю КГБ в Афганистане. С июля 1980-го по апрель 1983 года в Афганистане действовало 4 отряда спецназа «Каскад»: «Каскад-1» (6 месяцев), «Каскад-2» (6 месяцев), «Каскад-3» (9 месяцев), «Каскад-4» (12 месяцев). Командиром первых трех спецотрядов был Александр Иванович Лазаренко, а четвертым командовал Евгений Александрович Савинцев.

В этом подразделении были собраны сотрудники органов госбезопасности с опытом агентурно-оперативной работы, прошедшие в большинстве своем обучение на КУОС. Действовали в мобильных, достаточно независимых от Центра группах, которые представляли серьезную силу в борьбе с душманами. Боевой эффект, по мнению военных, был значительным.

Сила отрядов «Каскад» заключалась, помимо всего прочего, и в том, что в организации боевых действий и тактике был аккумулирован мировой опыт ведения так называемых малых войн, в том числе партизанских и контрпартизанских. К сожалению, этот богатый опыт практически не использовался в боевых действиях в Чечне, хотя все предпосылки для этого еще есть. Живы и еще полны творческих сил преподаватели и выпускники КУОС. Но уже завтра в силу возрастных причин этот потенциал будет безвозвратно утерян, и его невозможно будет использовать.

Если все опять начинать с нуля, как это часто у нас случается, то потребуется много лет для становления нового учебного центра. В одночасье такие вопросы не решаются, а политическая ситуация в стране и мире не ждет.

В начале 90-х годов, когда в стране происходило «становление демократии», запомнившееся стремительным наплывом в Москву джипов и шестисотых «Мерседесов», ежедневными сообщениями о «разборках» и «стрелках» с летальным исходом, каждый руководитель серьезной структуры стремился обзавестись собственными «специальными подразделениями». Как МО, так и ФСБ, МВД, МЧС, ФСО и т.д. каждая структура имела в своем подчинении как минимум один отряд специального назначения.

Такое обилие отрядов спецназа, каждый из которых призван решать какую-то специфическую задачу, принизило значение этого слова, содержание смысла, которое вкладывалось в него в недалеком прошлом. Одни на рынке гоняют старух и размазывают «отморозков», другие в масках штурмуют коммерческие банки со знанием дела, третьи заложников вызволяют. Даже когда пишут о действиях спецназа ГРУ в Чечне, надо понимать, что и этот спецназ имеет свою узкую специализацию — он проводит квалифицированную разведку в глубоком тылу, но не более того. Он также не обучен тактике ведения партизанской и контрпартизанской войн. Все это привело к тому, что термин «спецназ» уже не вызывает былого уважения. А провалы антитеррористических операций в прошлой чеченской кампании, да и в начале нынешней, серьезно подорвали доверие к спецназу. Но это не вина спецназа, а его беда. Подобного рода спецназы не обучены ведению контрпартизанской борьбы, в тактику которой входит поиск с использованием агентурно-оперативных средств, обнаружение и ликвидация бандформирований, и в первую очередь руководителей этих бандформирований. Всем понятно, что до тех пор, пока полевые командиры будут на свободе, будет война. Мы же видим в новостях по ТВ, что села окрывают, с самолетов бомбят, из пушек палят, дома в селениях превращают в руины, гражданские лица гибнут, а полевые

командиры с семьями и боевиками исчезают, как сквозь песок. Есть о чем задуматься! Надо признать, что в последнее время ситуация в Чечне изменилась. С приходом нового руководства страны меньше стали делать упор на бесшабашные военные действия. Чувствуется, что стали больше уделять внимания специальным операциям силами ФСБ. Свет, как говорится, в окне забрезжил. Антитеррористический центр становится на ноги. Это отрадно. Перехват инициативы у вооруженных сепаратистов и их подполья, достижение успеха в борьбе с ними возможны только в том случае, если будет решена задача формирования специальных контрпартизанских сил и средств.

Владимир Владимирович Путин уже не раз обращается к этой теме в своих выступлениях. Это обнадеживает. Помогай ему Бог, как говорится. Работы здесь — непочатый край. Понятно, что после того как его избрали Президентом, забот и проблем стало несравненно больше, но ведь и эту не отложишь на потом. Жизнь не ждет.

Обращаясь к Президенту, так и хочется сказать:

— Вам достается Россия смятенная, расшатанная, сбитая с толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видела ясно и знала твердо, чего она хочет и чего не хочет и не допустит никак. Все будут ждать в волнении, в чем ваша воля обозначится. Многие захотят завладеть ею и направлять ее...

Сказано это более 100 лет назад К.П. Победоносцевым в письме Александру III, а как современно звучит. Россияне с надеждой взирают на вновь избранного Президента. Дай-то Бог, чтобы их чаяния свершились и россияне зажили достойно. Устал народ жить униженным и оскорбленным.

Возвращаясь к нашей теме, не могу не сказать о том, что наболело. В стране был единственный центр, в котором теория «малых войн», или, иначе говоря, теория партизанской и контрпартизанской войн была поставлена на научную основу. Видные практики партизанского движения передавали свой опыт новым поколениям. И этот аккумулированный опыт оказался невостребованным в стране, где уже какой год льется кровь, и немалая, в этих так называемых малых войнах. Курсы при печально

известном Бакатине расформировали. Учебную литературу по вопросам тактики борьбы с партизанскими формированиями по рекомендации американских «партнеров» уничтожили. Никому в голову не пришло посоветоваться с «богом партизанской войны» Ильей Григорьевичем Стариновым, пока он был жив, с начальниками Спецкурсов — такими, как Нишев, Голов, преподавателями и выпускниками КУОС, полными сил и желания помочь своей многострадальной Родине. Убежден, что с такими консультантами не было бы позора Кизляра, Первомайского, трагедий Московского и Пермского ОМОНов. Почему-то считается нормальным, что в обыденной жизни надо учитывать естественные и экономические законы. Правда, последние, как показывает практика, далеко не всегда у нас учитываются. Но хоть говорят о том, что надо учитывать. А при столкновении с формами партизанской войны можем действовать не по правилам партизанской и контрпартизанской войн, а посылать туда зеленых, необстрелянных мальчишек (ведь это наши дети!) и ОМОН. Что касается ОМОНа, то, не умаляя личных заслуг и героизма, проявленных сотрудниками при военных действиях в Чечне, пролитая ими кровь заслуживает только уважения, надо признать, что знания и практика «зачистки» продуктовых рынков в спокойных регионах России да вышибание денег с кавказцев — конечно же, не те умения и навыки, которые нужны в контрпартизанской борьбе. Непонятно, почему мы постоянно видели в Чечне министра внутренних дел. При всем уважении к министру как к личности, необходимо понимать, что не дело милиции вести спецоперации против бандформирований такого масштаба. Они должны принимать участие в этой работе, но, как говорится, на подхвате. Организатором в этой работе должен выступать спецназ: специальными силами проводить специальные операции. И прямо, и косвенно, преследуя, конечно, другие цели, говорит об этом и Запад.

Мой друг и коллега по работе в компании «ТрансТелеКом» Анатолий Пшеничный никогда не воевал и не прыгал с парашютом, но как большой талант и настоящий поэт и композитор удивительно точно отразил в своей песне ситуацию в Чечне.

Кавказский десант

*Снарядились, попрыгали —
не гремит, не звенит.*

*Борт открытою книгою
Устремился в зенит.*

*Под пятнистыми касками
Ни обид, ни досад,*

*Снизу — горы кавказские,
Сверху — русский десант.*

*Мы не рубим вопросами,
Как штыками концы,*

*На кого же нас бросили
Командиры-отцы?*

*В ледяной неизвестности
Среди скрюченных трав*

*Разберемся на местности —
Кто не прав, а кто прав...*

*Приземлились, попрыгали —
не гремит, не звенит.*

*Горы барсами выгнули
Леденелый гранит.*

*Не согреешься сказками
Ни про ад, ни про сад,*

*Сверху — горы кавказские,
Снизу — русский десант.*

*А в эфире крошечные
Перекаты страстей:*

*Топоры энтэвэшные,
Пулеметы «Вестей»,*

*Мол, тупые и дерзкие,
Мир засеет костями.*

*В грудь нам — пули чеченские,
В спину — отчие СМИ.*

*Отдохнули, попрыгали —
Не гремит, не звенит.*

*Генеральскими играми
Каждый по уши сыт!
Что приказы паскудные,
Коль над нами, как рок,
Не стропа парашютная —
кукловодный шнурок!*

*А в Рязани и Липецке —
Новый год на порог...
Вот куда бы нам выползти
на часочек, браток!
Погулять, чтобы вспенился
сладкий снег на губах!..
Но с вершины прицелился
в Иисуса Аллах!*

*И швырнула фугасы нам
в ноги ночь на пути,
Серпантинные трассеры
и гранат конфетти!
Мы вернемся, вы слышите,
если Бог нас простит,
Кроме тех, для кого уже
не гремит, не звенит.*

Уникальность КУОС заключалась в том, что это не был очередной учебный центр по подготовке боевиков спецназа, умеющих стрелять, взрывать, бегать и прыгать, но это была кафедра специальных дисциплин, где обучали не инструкторы, а профессорско-преподавательский состав, имеющий ученые степени и звания. Преподаватели (и это слушатели ощущали на себе) постоянно работали над повышением качества своего учебного предмета и того же требовали от своих слушателей. Наряду с обучением на Курсах велась серьезная научно-исследовательская работа. Был подготовлен ряд научных работ по исторической тематике и в области специальных знаний. Каждый слушатель выполнял курсовую работу, в том числе и экспериментального характера. Делались переводы иностранных пособий, мемуаров силами

слушателей. Этих работ было много. Они несли в себе информацию об опыте партизанской, контрпартизанской борьбы. Переводились и работы, которые имели хождение в подполье, экстремистского толка. С последними органы государственной безопасности, к их чести, никогда не имели связи. А вот его литературу изучали. Во всех этих работах, имевших разное качество, излагались способы борьбы. В силу этого переводы тиражировались максимально в трех экземплярах.

Об одной такой работе есть упоминание в предисловии ко 2-му изданию монографии М.А. Дробова «Малая война: Партизанство и диверсии». Приведем его: «Характерно, что за рубежом по партизанскому вопросу имеется литература специфически узкой направленности. К примеру, в Швейцарии издаются пособия по «тотальному сопротивлению» в случае нападения на страну». Работы и интересные, и поучительные. Качество их — профессиональное. Спрашивается, зачем этой сверхблагополучной, по всем меркам, стране такая литературная продукция? Можно коротко ответить: обсуждается, пользуется спросом у населения — значит, нужна».

Работу «Тотальное сопротивление» на одном дыхании перевел слушатель Спецкурсов Владимир Васильевич Дроздов. В тот период он только что вернулся из длительной служебной командировки в ГДР. Переводил и печатал с листа. Графические рисунки в цвете сделал другой слушатель — Юрий Николаевич Шелковников. Работа получилась профессиональной, пожалуй, даже лучше, чем у автора. Но вопрос об ее издании никогда не стоял и в то время не мог стоять. Это нужно было знать только узкому кругу кадровых сотрудников-профессионалов.

«Вымпел» – спецформирование, опередившее свое время

Уроки Афганистана показали, что в системе органов государственной безопасности необходимо было иметь отряд специального назначения для проведения операций за пределами СССР в «особый период».

О создании «Вымпела» один из главных инициаторов его создания Ю.И. Дроздов писал так: «В течение 1980–1981 годов, после неоднократных обсуждений, согласований в правительстве и Политбюро инстанции согласились с необходимостью образования такого спецподразделения.

На состоявшемся в июле 1981 года закрытом совместном заседании Совета Министров СССР и Политбюро ЦК КПСС высшее руководство страны приняло письменное решение о создании в Комитете государственной безопасности СССР совершенно секретного отряда специального назначения для проведения операций за пределами СССР в «особый период».

19 августа 1981 года Председатель КГБ Ю.В. Андропов подписал Положение о «Вымпеле» и приказ о его формировании. Официальное название было скромным – ОУЦ, то есть Отдельный учебный центр КГБ СССР.

Первым командиром «Вымпела» стал участник штурма дворца Амина, Герой Советского Союза, капитан 1-го ранга Эвальд Козлов. Территориально «Вымпел» расположился в том же самом городке, где мы проходили разведывательно-диверсионную подготовку на КУОС.

Накопленный нашим поколением опыт был передан в надежные и верные руки «вымпеловцев», которые достойно несли эстафету любви к своей Родине, верности мужскому братству, профессионализму. Офицерам «Вымпела» пришлось принимать участие в операциях в Афганистане, Анголе, Вьетнаме, Никарагуа, Мозамбике и на Кубе.

В Афганистане «Вымпел» решал следующие основные задачи:

- обеспечение безопасности наших граждан, учреждений и совместных объектов сотрудничества;
- освобождение военнопленных и заложников;
- участие в войсковых операциях (рейды подготовленных разведгрупп, добыча информации оперативным путем, выполнение спецопераций и т.д.);
- получение сведений о намерениях противника;
- советническая помощь молодым органам безопасности Афганистана и другие.

В апреле 1983 года на смену «Каскаду-4» пришло другое подразделение «Вымпела» – «Омега» под руководством сотрудника управления «С» ПГУ полковника Валентина Ивановича Кикотя.

В августе 1991 года «Вымпел» по тревоге был собран в клубе Ф.Э. Дзержинского. Предполагалось его использование в штурме Белого дома, но возглавлявший в то время ПГУ Леонид Шебаршин сделал все, чтобы не дать втянуть «Вымпел» в кровавую бойню с соотечественниками. Это удалось сделать, и за то великий ему поклон.

В октябре 1993 года «Вымпел» вновь получил приказ о взятии Белого дома. После проведенной разведки доложили руководству, что если идти на штурм, то малой кровью не обойтись. Удалось и на этот раз избежать кровопролития. Они выполнили все-таки приказ, но не штурмом, а иным методом, выведя людей из Белого дома.

«Вымпелу» не простили такого поведения. Потянулись недели томительного ожидания. Руководители группы, чтобы как-то упредить ситуацию, вышли с предложением о создании на его базе учебного центра для обучения и обкатки сотрудников Службы

внешней разведки и спецназа. Однако 23 декабря 1993 года вышел Указ Президента о расформировании Министерства безопасности России. Одновременно прекратило существование соединение специального назначения, личный состав которого не знал слова «невозможно».

«Вымпел» собрали в клубе имени Дзержинского. Пришел Ерин — министр внутренних дел. Как такового выступления не было. Сообщил только, что «Вымпел» переподчинен МВД. Сказал:

— Кто будет работать со мной, прошу остаться, остальным выйти.

Все молча встали и покинули зал. Впоследствии, по словам генерала В.С. Козлова, из 278 офицеров «Вымпела» только 57 человек согласились остаться в МВД, а сам спецназ переименовали в «Вегу». Более 100 офицеров подали в отставку. Они отвергли предложение крупного агентства безопасности США о работе в Америке и остались работать в частных российских фирмах. Характерно, что никто из них не запятнал звания «вымпеловца» службой криминальным авторитетам, которые подчас предлагали очень большие деньги.

Потом еще была целая череда переименований, пока 28 августа 1995 года бывший в то время директором ФСБ Михаил Барсуков не вернул «Вымпел» в родное ведомство, где он в настоящее время имеет 12 региональных управлений, не считая центрального в Москве, и специализируется на антитеррористической деятельности на объектах повышенной опасности — АЭС и т.п. Теперь мало кто из офицеров этого подразделения владеет иностранными языками в отличие от наших времен, и никто не преподает им страноведение. Действовать за пределами Родины не готовы.

18 августа 2001 года на церемонии открытия памятника погибшим спецназовцам на территории нашего объекта в Балашихе командир «Каскада-4» Евгений Савинцев в своем выступлении отметил, что Родина в годы войны в Афганистане дала «Вымпелу» 1500 первоклассных офицеров госбезопасности. «Вымпел» вернул Родине 1499.

Вечная память боевым товарищам

На КУОС училось много замечательных ребят, практически каждый из них заслужил, чтобы о нем была написана отдельная книга, и я уверен, что будут такие книги. Об одном из них не могу не рассказать особо. Он доказал, что достоин этого всей своей жизнью. Я имею в виду Александра Пунтуса. Мы учились с ним в одной группе. Он хорошо вписался в коллектив группы, был открытым и добрым по характеру, с хорошим чувством юмора.

Как-то, например, рассказывая анекдот, употребил нецензурное выражение. Что делать, из песни слова не выкинешь. Володя Глебов из Рязани отреагировал моментально:

— Саша, фу как грубо! Ну как же так можно? Это так на тебя не похоже!

С этого момента за Сашей с легкой руки Володи закрепилась кличка Грубый. Это особенно было комично, зная его веселый нрав. После обучения на Курсах Саша вернулся в свой Брест.

Когда начались боевые действия в Афганистане, Александр Пунтус в составе «Зенита» прибыл в Кабул, где принимал участие в проводимых боевых операциях: так, например, 27 декабря 1979 года был во главе группы «Зенита», которой предстояло взять телеграф. В 20.20 группа разведчиков-диверсантов во главе с Александром при поддержке взвода ВДВ подъехала на автомобиле «ГАЗ-66» и двух БТР к телеграфу. Поначалу Александр с помощью переводчика пытался договориться с охраной телеграфа мирным путем, но афганский офицер категорически отказался пропустить

советских представителей на телеграф, сославшись на то, что недавно около телеграфа прогремел взрыв (группа Б.А. Плешкунова взорвала «колодец») и здание телеграфа подверглось разрушению.

Пунтусу пришлось давать команду на штурм. Бронетранспортер сбил ворота и въехал во двор телеграфа, огнем из пулеметов и автоматов нейтрализовал часть охраны объекта, размещенную в караульном помещении. Через 20 минут все 32 человека охраны были обезоружены и помещены в караульное помещение. Другие сотрудники телеграфа также были собраны в одном из помещений и находились там до утра, пока им не разрешили идти по домам. Какого-либо сопротивления они не оказывали. Ребята покормили их, как могли, успокоили. Уже на следующий день сотрудники телеграфа работали в обычном режиме. Потерь с обеих сторон при захвате телеграфа не было.

Через 2 месяца Александр вернулся в свой родной Брест. В июне 1980 года вновь был призван на сборы в Балашиху для подготовки к вылету в Афганистан вместе с Юрой Чечковым, который до этого недавно прибыл в Брест из Свердловска.

На этот раз вылетали в составе оперативно-боевого соединения «Каскад», в состав которого входили отряды «Карпаты», «Кавказ», «Памир», «Тибет» и «Урал».

Александр Пунтус и Юрий Чечков были зачислены в оперативный отряд «Урал», командиром которого был назначен подполковник Набоков. Вместе с отрядом «Урал» вылетела штабная группа и руководство соединения «Каскад».

Из Москвы в Кабул вылетели на транспортном самолете Ил-76. Эта командировка в Афганистан у Александра не заладилась с самого начала: при погрузке в Москве микроавтобус сверх всякой меры загрузили ящиками с патронами; машина глубоко просела. На разгрузке в Кабуле Пунтус вызвался выгрузить машину из самолета. Начал съезжать по трапу, но не учел, что машина перегружена. В какой-то момент начал тормозить, но автомобиль продолжал движение по инерции и съехал с трапа, повиснув на «брюхе». Ребятам пришлось практически на руках вытаскивать его на землю. Саша очень переживал

эту неудачную выгрузку. Она была еще омрачена тем, что фюзеляж самолета был при этом помят.

По прибытии в Кабул расселились в следующем порядке: на «Вилле-1» – четыре оперативные группы и часть штабной группы, на «Вилле-2» – две оперативные группы, руководство соединения и остальная часть штабной группы. Пунтус и Чечков оказались на «Вилле-2».

Александр довелось принимать участие во многих боевых операциях в Кабуле и его пригородах в составе оперативных групп. По совместительству являлся бессменным оперативным водителем того самого автомобиля, который он несколько «покалечил» при разгрузке.

В сентябре 1980 года руководством ограниченного контингента советских войск в Афганистане была спланирована операция по очистке от бандитов окрестностей столицы страны в радиусе до 100 км.

В этой операции принимал участие и отряд «Урал» в полном составе. На виллах оставалась лишь часть штабной группы и руководство.

Отряд «Урал» был разбит на две части. Первая в составе трех групп во главе с Набоковым выступала вместе с 345-м парашютно-десантным полком на северном и северо-восточном направлениях. Вторая, в составе трех групп во главе с заместителем А.А. Набокова Ф.Ф. Ереминым, выступала вместе с мотострелковым полком в восточном направлении.

Другие части советских войск действовали соответственно на южном, юго-западном и юго-восточном направлениях. Проведение этой операции планировалось в течение 20 суток с последующим возвратом частей и отрядов на постоянные базы дислокации.

В состав второй части отряда «Урал» были зачислены А. Пунтус, В. Кузьмин, Ю. Чечков, В. Спирин, В. Белюженко, Е. Голуб, преподаватель КУОС Б.А. Плешкунов и другие. Вместе с подразделениями «Урала» действовали также сотрудники МВД СССР в составе группы «Кобальт» и небольшие группы «зеленых», составленные из сотрудников афганской службы безопасности

ХАД, прошедших ранее специальную подготовку под руководством преподавателей КУОС. Часть отряда «Урал» под руководством командира отряда Набокова возвратилась на место постоянной дислокации на «Виллу-1» без потерь, как говорится, без единой царапины. А вот с другой частью отряда, которой командовал Еремин, с самого первого дня выхода в рейд начались неприятности.

На вторые или третьи сутки похода при «зачистке» группы кишлаков на фланговом прикрытии оказались Плешкунов, Голуб и Белюженко. По убеждению командира Еремина, на этом направлении вряд ли можно было ожидать опасностей. Однако именно на этом участке появилась большая группа душманов, и завязался бой. Евгения Голуба ранило в руку, а Виталию Белюженко пуля из БУРа раздробила бедро, и нога повисла на мышечных тканях. Борис Андреевич отбивался от нападающих «духов» и прикрывал раненых товарищей. Когда Плешкунову вместе с Голубом удалось перебросить Виталия через дувал, они даже не поняли сразу, где же его нога: она висела на другой стороне дувала. На руках вместе с Женей Голубом они все-таки смогли, отбиваясь от нападавших врагов, донести Виталия Белюженко до своих. Удивительно, но после довольно длинного пути по пыли и грязи, после огромной потери крови врачи в госпитале смогли пришить ногу и вытащить Виталия с того света. Нога прижилась, и сейчас, глядя на Виталия Белюженко, трудно представить, что он был практически без ноги. На мой взгляд, выздоровлению Виталия способствовала недюжинная физическая выносливость и сила духа, которые он приобрел, занимаясь в секции самбо в Высшей школе КГБ у тренера Бориса Ионовича Васюкова. Перед окончанием учебы в школе Виталий стал мастером спорта по самбо.

За этот бой и проявленный героизм Виталий Степанович Белюженко был представлен к званию Героя Советского Союза. Награждение состоялось через несколько месяцев.

Подобная «случайность» в ходе рейда, которая произошла с нашими товарищами, никак не насторожила Еремина, и он

не придавал этому эпизоду большого значения. По-прежнему был уверен в том, что все идет по плану и его отряду удастся в ходе рейда найти в душманских отрядах американского советника и захватить его в плен. Еремин был все время в плену этих идей и, как показали следующие события, не сделал для себя должных выводов.

В ходе 14–15-го дня рейда были получены непроверенные данные о том, что в районе их рейдового маршрута появился отряд «духов» и что якобы среди них видели европейца.

Под впечатлением своих идей вместе с командиром МСП Еремин отдает распоряжение о выходе в заданный район двух групп «Каскада» с целью захвата американского советника. Поход, по представлениям исполнителей, мог длиться сутки-двое, поэтому были взяты с собой в вещмешках необходимые вещи, сухой паек, боеприпасы и другое снаряжение.

Колонна была сформирована из двух оперативных групп «Каскада», группы «Кобальта» и в качестве прикрытия от МСП было выделено до полуроты солдат. Часть пути отряд прошел на БМП, а затем двинулся в пешем строю.

На горное плато вышла колонна численностью примерно 120 человек, в которой были Александр Пунтус, Юрий Чечков, Владимир Кузьмин и Александр Петрунин.

Колонна растянулась, так как долго шла пешком, и с собой было довольно много груза. По ночам были заморозки, поэтому взяли с собой и теплые вещи. Естественно, что все устали. Надо к тому же иметь в виду, что действия проходили в горах на высоте около 2000 метров и сказывалось кислородное голодание. Когда колонна втянулась в лощину, с двух нависающих высоток душманы открыли плотный огонь. Классическое место для засады! Значит, боевой дозор не был организован должным образом. В этом неравном бою погибло много наших, среди них 4 «каскадера»: Пунтус Александр Антонович, Чечков Юрий Александрович, Кузьмин Владимир Петрович и Петрунин Александр Анатольевич.

Надо сказать, что Владимир Кузьмин появился в Афганистане наперекор судьбе. Дело в том, что, еще работая в московском управлении, он с трудом добился направления на учебу на КУОС.

Во время прохождения медкомиссии перед прыжками в десантной дивизии под Тулой у него обнаружили язву желудка и отстранили от прыжков. Председатель медкомиссии разрешил Кузьмину после его настоятельных просьб совершить прыжок только под личную ответственность Набокова Анатолия Алексеевича. В конце обучения на курсах он прошел медицинское переосвидетельствование в московском управлении. С удивлением врачи констатировали, что язва зарубцевалась. Получается, что сильные физические и психологические нагрузки во время обучения на курсах привели к выздоровлению. Из военной практики известно, что такое иногда случается.

У одного из участников того боя — Владимира Спирина насчитали 8 пулевых попаданий, большая же часть пуль, на его счастье, оказалась в бронежилете. Другой участник боя, боец группы «Кобальт» Исаев, один отстреливался от душманов всю ночь. Он не позволил душманам надругаться над телами погибших товарищей, в том числе и над Сашей Пунтусом. До этого боя его все звали рыжим за цвет волос, после боя — седым. Он был представлен за проявленный героизм к званию Героя Советского Союза.

В этом последнем своем бою Саша Пунтус, по словам очевидцев, сражался отчаянно, ожесточенно, до последнего. Вел бой на главном направлении. При сдерживании душманов принял огонь на себя. Проявил жертвенность, прикрывая собой отход бойцов. В магазине автомата остался только один патрон. По оценке экспертов, в Сашу стреляли даже в мертвого. Всего у него насчитали 16 пулевых ранений. Душманы успели снять с него ботинки. Большого им не удалось, этого не позволил им Исаев.

У Александра с собой был секретный пистолет для бесшумной стрельбы, который он прикрыл своим боком, будучи смертельно раненным. Душманы не обнаружили его, и позже ребята передали Набокову пистолет в окровавленной кобуре.

Ребята рассказывали, что встречать тела своих героически погибших земляков вышел практически весь Брест. Они того заслужили.

В сборнике стихов полковника группы специального назначения «Вымпел» Владислава Ревского «Афганский синдром» есть стихотворение, посвященное погибшим в этом бою ребятам.

Внезапный бой

Погибшим в ночь на 20 октября 1980 года
А. Пунтусу, В. Кузьмину и А. Петрунину
посвящается

*Казалось, тишина в округе будет вечной.
Поэтому и шли гурьбой беспечной —
Спускаясь с гор в окрестностях Кабула.
И будто бы теплом уже своим подуло...
Не ведали советские ребята,
Что ночь — последняя в их жизни дата...
Пусть не повторится эта ночь проклята!
Но мы, живые, будем помнить свято,
Что убили их душманы не предвзято.
Они ведь тоже свои семьи защищали,
Когда в засаде автоматы их трещали.
Но семьям павших не легче от того,
Что «духи» те о них не знали ничего...
За что ж они кормильцев потеряли?
Зачем в чужие дали их послали?...*

В книге Юрия Ивановича Дроздова «Вымысел исключен» помещены стихи советника советского посольства в Кабуле Игоря Остапкина, посвященные Александру Пунтусу:

*Я сегодня человека встретил,
У подъезда издали заметил
И подумал — долго не встречался, —
Подошел, а вышло — обознался.*

*Тот же рост и так же ладно скроен,
Иронически он был всегда настроен,
Улыбался в черные усы.
Броской был, мужской он красоты.*

*Помню, как знакомились мы в Чаке,
Где стоял с друзьями он для драки,
Спали средь развалин ресторана,
Ветер с гор будил их утром рано.*

*А окрест глядели пулеметы.
Урежут военные заботы:
Кто-то заступает в караул,
Чтобы спал спокойно тот аул.*

*Ну а мы сидели у костра,
Водка, как всегда, была остра.
А закуска — суп, еще консервы.
Выпили, чуть-чуть ослабили нервы.*

*В сумерках блеснули анекдоты,
Кто-то невзначай поддел кого-то.
Ну и он ввернул здесь пару фраз,
Жизнью подтверждаемых не раз:*

*«Водки, братцы, много не бывает,
Просто нам закуски не хватает!»
Тут бродячий кот прервал беседу
В поисках остатков от обеда.*

*Чтоб нахал застолью не мешал,
Пистолетом он его пугал.
А потом мы в БЭТЭРе спали
И от холода всю ночь дрожали.*

*Утром, чуть забрезжило светило,
Вертолеты сверху опустились,
Мы простились с новыми друзьями,
И в тепло, уют умчались сами.*

*Я сегодня человека встретил,
У подбезда издали заметил
И подумал — долго не встречался, —
Подошел, а вышло — обознался.*

*Тот же рост и так же ладно скроен,
Иронически он был всегда настроен,
Улыбался в черные усы.
Броской был, мужской он красоты.*

*И еще однажды в воскресенье
Земляка отметить день рождения
Собрались в кругу однополчане.
Кружками заздравно застучали.*

*За столом сидел я рядом с ним,
Сильным, смелым, умным, молодым.
Александром звать, а сам из Бреста.
Там живет и там нашел невесту,*

*Двое сыновей и мать-старушка...
Стукнулись заздравно наши кружки.
Пели песни и стихи читали,
Я узнал их радости, печали,*

*И хотя они всегда смеялись,
В песнях грустные слова встречались:
Как в бою ты ранен, враг уж близко,
Наклоняется к тебе наемник низко.*

*Вот уже и кольт к виску приставил,
Улыбаясь, щуря левый глаз:
«Много красных к черту я отправил.
Русского кончаю в первый раз...»*

*Их по свету много поносило,
Всякое в судьбе скитальцев было.
Краток о себе его рассказ:
«Выполнять готов любой приказ.*

*Лишь по праздникам погоны носим,
В пекло мы пойдем, зачем, не спросим».
Он этапы разные прошел,
Орденом за смелость награжден,*

*Был во многих дерзких заварушках.
Стукнулись в знак дружбы наши кружки.
Многое сумел бы я узнать,
Если б разрешалось рассказать.*

*Он позвал к себе, я отказался,
Как всегда, на день другой сослался.
Мы ценить общенье не умеем
И об этом после сожалеем.*

*Я сегодня человека встретил,
У подъезда издали заметил
И подумал — долго не встречался, —
Подожел, а вышло — обознался.*

*Сумерки спешат уже к окну.
Телефон прорезал тишину,
Голос в трубке земляка тревожен,
Говорит он тихо, осторожно.*

*Говорит, нелепый вышел случай,
С болью имя я его услышал.
До последнего патрона он стрелял.
А потом сознание потерял.*

*Он погиб, как в песне, что мы пели,
Раненый — его добить успели,
И помочь ребята не смогли,
Сашку, что из Бреста, не спасли.*

*Он погиб реально, не в рассказе,
Двое сыновей остались сразу.
Рослые, с прямым, открытым взглядом.
Да еще останутся награды.*

*Я сегодня человека встретил,
У подъезда издали заметил
И подумал — долго не встречался, —
Подожел, а вышло — обознался.*

*Тот же рост и так же ладно скроен,
Иронически он был всегда настроен.
Улыбался в черные усы.
Броской был, мужской он красоты.*

*И до слез обидно мне признаться,
Больше не могу я обознаться,
Встретившись с похожим человеком,
Кто ушел от нас уже навеки!*

Так готовился и действовал спецназ Комитета государственной безопасности, способный осуществлять оперативно-боевые операции в любой точке земного шара.

14 октября 1992 года Специальные курсы КГБ были упразднены. Личный состав получил новую задачу. «Холодная война», как в тот период представлялось, окончательно и бесповоротно канула в Лету, а геополитическая ситуация в мире коренным образом изменилась. СМИ настойчиво проводили мысль, что не стало не только реального, но и вероятного противника. Правда, как-то так получается, что тот, кого раньше считали за вероятного противника, не только не сократил подобные специальные силы, но и продолжает их постоянно наращивать, о чем с гордостью информирует налогоплательщика. И правильно, между прочим, делает.

От совета ветеранов к Фонду «КУОС–Вымпел»

По возвращении из служебной заграничной командировки в 1994 году встретился со своим Учителем – Анатолием Алексеевичем Набоковым, который сообщил, что недавно отметили 25-летие КУОС. Было много народа, всем вручили памятные знаки. В ответ на мои сожаления, что не смог принять участие, Анатолий Алексеевич заметил, что это поправимо: есть еще несколько человек, которые не смогли прийти на юбилей, поэтому бери своего дружка Алексея Золотарева и приходите, организуем еще один торжественный вечер. Так и сделали. Получилось, что таких, как я, набралось человек 15. В торжественной обстановке нам вручили памятные знаки, на которых художнику удалось разместить почти все символы, имеющие отношение к курсам: купол парашюта, горы и леса. Затем посмотрели видеофильм об истории Спецкурсов. Официальная часть плавно перешла в неофициальную. В разгар общения появился тогдашний министр госбезопасности Грузии Игорь Георгадзе, которого я знал еще по учебе в Высшей школе КГБ. Двумя годами позже меня он также окончил КУОС. Появление Игоря внесло оживление. Было много воспоминаний – ведь общение людей, близких по духу, является важным украшением нашей жизни.

Уже много позже, когда появились сообщения, что к покушению на президента Грузии Шеварднадзе был причастен якобы Игорь Георгадзе, у меня лично объективно возникло сомнение в этом. Судите сами: Игорь был выпускником Высшей школы КГБ и КУОС, то есть является специалистом высшей

квалификации. С его возможностями (он все-таки отвечал за безопасность Шеварднадзе), на мой взгляд, если бы он действительно имел такие планы, то мог бы организовать это покушение таким образом, что там не остался бы в живых не только главный объект покушения, но и все его окружение. Все эти «покушения» были организованы настолько бездарно с точки зрения специалиста, что сильно смахивали на инсценировку. Ни один, даже не особенно сильный, выпускник КУОС, не сможет на столь низком профессиональном уровне подготовить такую акцию, как говорится, по определению. А Игорь Георгадзе никогда не был слабаком.

История с «покушением» на Шеварднадзе имеет, безусловно, политическую подоплеку. Дело в том, что отец Игоря Георгадзе пользовался в тот период большим политическим влиянием и являлся основным соперником Шеварднадзе на предстоявших президентских выборах в Грузии. Скомпрометировать его в глазах общественности через сына было, конечно, заманчиво. Что, возможно, и было достигнуто.

У выпускников КУОС, где бы они ни были, хорошая традиция – поддерживать корпоративные связи. Независимо от года выпуска все слушатели чувствуют себя членами одной команды, одной семьи. Всегда можешь рассчитывать на помощь, поддержку и понимание. Встречи всегда проходят в теплой, дружеской и непринужденной обстановке. Вспоминают о «тяготах и лишениях», о многочисленных курьезах и, конечно же, о погибших ребятах. Третий тост традиционно за них.

На праздничных мероприятиях КУОС все присутствующие обычно просят выступить полковника «Чифтона» – Лешу Коржавина, стройного, обаятельного человека. Он за словом в карман не полезет. За время обучения на КУОС и в Афганистане потерял 24 килограмма. Про него рассказывают такую историю, случившуюся в Афганистане. Было 5 часов утра, туман. Представитель Центра видит картинку. Туда-сюда ходят сосредоточенные сотрудники перед выходом на операцию. Полковник «Чифтон» стоит на бронемашине и на блестящем немецком языке в стиле

гитлеровских лидеров в лающей манере произносит речь перед спецгруппой, снимая таким образом стресс у ребят. У него это получается артистически. Надо иметь в виду, что Леша в свое время окончил МГИМО, затем Сорбонну, у него блестящий немецкий и французский языки. Представитель Центра, удивленный, интересуется:

— Кто это?

Стоявший рядом боец мусульманского батальона пояснил:

— Да это народный артист КГБ.

Все продолжают сосредоточенно собираться к выходу на операцию.

Когда нас учили, то всегда подчеркивали, что воспитание выше образования. Учили защищать Родину, а приобретенные знания, умения и навыки использовать только исключительно в интересах высшей патриотической цели. Пока этот принцип неукоснительно выдерживается. Надо полагать, что и дальше будет соблюдаться.

В мае 2000 года наконец претворилась в жизнь идея, о которой много говорилось на встречах: был создан Фонд содействия ветеранам органов госбезопасности «КУОС — Вымпел» имени Героя Советского Союза Г.И. Бояринова.

Президентом Фонда на учредительном собрании единодушно избрали Петра Ивановича Нищева, на КУОС прошедшего все ступени от слушателя до начальника подразделения.

Основной целью создания Фонда является всестороннее содействие консолидации ветеранов Специальных курсов органов госбезопасности в интересах их социальной поддержки и участия в активной трудовой и общественной жизни.

Задачи, стоящие перед Фондом, не просты, но благородны: оказание социальной, образовательной, информационной, материальной и иной помощи участникам Фонда, тем, кто с ним сотрудничает.

Известно, что большинство ветеранов уволилось в зрелом возрасте. Многие из них оказались в положении социально униженных. Жизнь поставила перед ними не простую задачу на

выживание. Все признают, что, находясь на учениях в лесу по несколько дней без продуктов питания, которые необходимо было добывать из подручных средств, чувствовали себя намного более защищенными.

Безусловно, аспект социальной реабилитации был и будет постоянно иметь место, учитывая разнообразие индивидуальных особенностей: от характера жизненных позиций конкретного ветерана до состояния здоровья, позволяющего с полной нагрузкой исполнять ту или иную служебную обязанность.

Хорошо известно, что идея лишь тогда жизненна, если имеет устойчивый интерес или спрос. В условиях рыночной экономики одним из таких объединяющих интересов является решение проблем обеспечения информацией партнеров по сделке. Быстрота получения информации, ее качество, надежность исключительно востребованы в деловом мире. Это поле и есть тот интерес, который может реально привлечь ветеранов к работе.

На территории бывшего Советского Союза, как уже говорилось, практически в каждом областном центре живут ветеранскоосовцы. Проблема развития связей для предпринимательских целей решается и может при благоприятных условиях носить системный характер. Эффективность, учитывая, что значительная часть ветеранов в прошлом — руководящий состав территориальных подразделений, может быть достаточно высокой. Эта возможность для развития деловых связей, безусловно, уникальна.

Дай-то Бог, чтобы это святое дело не заглохло и помогло людям жить достойно. Людям, которые доказали неоднократно всей своей жизнью, кровью своей, что заслуживают того.

Известно, что многие фонды, создаваемые с самыми благородными целями, зачастую оказывались кормушкой или местом отмывания «грязных» денег. Не повторится ли эта грустная история и с этим Фондом? Полагаю, что это исключено в данном случае хотя бы уже потому, что за всю историю с момента создания КУОС не было замечено ни одного случая предательства или связи его преподавателей и выпускников с каким-либо криминалом, я уж не говорю о сотрудничестве с этими структурами.

Моральная чистоплотность, глубокий патриотизм в сочетании с боевым братством и настоящей мужской дружбой всегда были отличительной чертой этой команды. Мне кажется, что это является залогом благородной деятельности вновь создаваемой структуры.

Остается надеяться, что на этом трудном и тернистом пути Фонду будет сопутствовать удача и ему встретятся на пути добрые, умные, щедрые люди и организации, которые подставят свое плечо и помогут в трудную минуту, но и сами смогут рассчитывать на поддержку, поверьте мне, замечательных людей.

Участники Фонда благодарны ЗАО «Компания ТрансТелеКом» и другим организациям, поддержавшим это благородное дело в самые трудные его дни – в период становления.

Фонд уже наладил и продолжает развивать связи с другими общественными объединениями, решая многообразие своих уставных задач.

К числу наиболее важного сотрудничества руководство Фонда относит сотрудничество с советами ветеранов Службы внешней разведки и ФСБ Российской Федерации. Ветеранам спецназа особенно приятно, что председателем Совета ветеранов Службы внешней разведки РФ является выпускник Спецкурсов 1968 года генерал-лейтенант Александр Титович Голубев. В среде ветеранов и действующих сотрудников разведки и контрразведки он – «визитная карточка». Достаточно сказать «Титыч», и все знают о ком идет разговор.

Александр Титович в органах государственной безопасности с 1959 года, во внешней разведке с 1969 года*. Неоднократно выезжал в долгосрочные заграничные командировки. Прошел путь от рядового оперработника до резидента. В период афганских событий выполнял интернациональный долг, в качестве командира

* На примере служебного пути А.Т. Голубева можно выявить характерную особенность. В 1968 году окончил КУОС, через год он во внешней разведке. Таким образом, разведка отбирала для себя самые лучшие кадры. Так обстояло дело с сотнями выпускников, имеющих языковую подготовку, специальную профессиональную подготовку, особую школу воспитания – резервом разведки, в котором состояли выпускники от полугода до полутора лет. Судьба автора книги также служит тому подтверждением. – *Прим. ред.*

спецгруппы штурмовал дворец Тадж-Бек. Работая в штаб-квартире разведки, возглавлял ряд ее крупных оперативных подразделений. На крутом переломе в истории страны в начале 90-х возглавлял разведку АФБ России (Агентство федеральной безопасности), прилагая немало усилий для сохранения костяка кадров разведки. Награжден высокими орденами не только СССР и России, но и ряда зарубежных государств.

Фонд «КУОС – Вымпел» учитывает авторитет одного из патриархов спецназа Голубева в общественных объединениях ветеранов России, СНГ и зарубежных стран и старается по мере возможности быть полезным в его делах, в свою очередь, опираясь на его поддержку и опыт.

Ветеранское движение без притока поколения 90-х годов немислимо в своем развитии. К счастью, этот приток есть. Об одном из людей нового поколения хотелось бы коротко рассказать. Военный контрразведчик Сергей Анатольевич Кузнецов окончил КУОС в 1990 году – последний выпуск. Произошли сокращения в армии, следствием чего стало сокращение и военной контрразведки. Кузнецов еще до 40 лет стал вынужденным ветераном-пенсионером. Он не стал жаловаться на несправедливость жизни, а активно включился в гражданскую жизнь. В 1999 году окончил с отличием Академию госслужбы при Президенте Российской Федерации. Готовит к защите диссертацию по проблемам национальной безопасности. Работал в крупных производственных структурах. Один из активных участников Фонда «КУОС–Вымпел», управляющий делами президента Фонда, журналист и фотокорреспондент.

В ветеранской работе Фонда принимают участие куосовцы, являющиеся в настоящее время действующими сотрудниками спецслужб России. Среди них: В.В. Джусоев, С.Б. Любомудров, В.С. Родкин, С.И. Терентьев.

На юбилеях Спецкурсов, их ветеранов выпускники обязательно встают и поют гимн КУОС. Слова написал Олег Рахт, с которым мы учились на одном курсе в Высшей школе. В редакции стенной газеты нашего курса «Щит и меч» я был одно время редактором, а Олег – бессменным членом редколлегии, так как

обладал даром писать статьи и стихи, блестяще справлялся с ролью художника. Музыку гимна написал Александр Малашонок. Очень символично получилось на праздновании 30-летия КУОС, когда авторы: один – из Калининграда, другой – из Владивостока, то есть с разных концов нашей необъятной Родины, встали и запели по просьбе присутствующих гимн КУОС. В едином порыве несколько сотен человек поддержали авторов. Незабываемый момент.

Гимн КУОС

*Бой затих, у взорванного моста
ГСН растаяла во мгле.
Зам по «Д», не терпящий удобства,
Умирает на сырой земле.*

*Жаркая нерусская погода
Застывает на его губах.
Звезды неродного небосвода
Угасают в голубых глазах.*

*Умирает он, не веря в сказки,
Сжав в руках разбитый пулемет.
И к нему в набедренной повязке
Вражеский наемник подойдет.*

*Подойдет, посмотрит, удивится,
Вскинет пистолет, прищунив глаз.
Скажет, много съел я бледнолицых,
Русских буду кушать в первый раз.*

*А в России зацвела гречиха,
Там не бродит дикий папуас.
Есть в России город Балашиха,
Есть там ресторанчик «Бычий глаз».*

*По субботам там и воскресеньям
Люди в ресторан идут гурьбой,
Среди них идут, держа равнение,
Парни с удивительной судьбой.*

*Узнают их по короткой стрижке,
По беретам типа «Балахон»,
Их в округе местные мальчишки
Называют дяденька шпион.*

*Если где-то гром далекий грянет,
В неизвестность улетят они.
Пусть им вечным памятником станет
Проходная возле «ДорНИИ».*

Символично, что последний куплет гимна КУОС выбит на памятнике-мемориале, установленном 18 августа 2001 года на объекте «Балашиха» в день 20-й годовщины со дня создания спецформирования «Вымпел». Это уже история. Надо полагать, на века символизирующая место и роль спецназа госбезопасности в деле защиты своего Отечества – России.

Благотворительная деятельность Фонда «КУОС – Вымпел»

В мае 2002 года Фонду исполнилось 2 года. Вся деятельность Совета Фонда, Попечительского совета, участников и сотрудничающих с Фондом юридических и физических лиц была направлена в этот период на реализацию благотворительных целей. Предпринимательская деятельность не велась.

Фонд осуществил и продолжает работать над рядом благотворительных программ. Из них наиболее значимые:

– Партизан-разведчик XX столетия. Профессор Старинов – человек века.

– Жизнь и деятельность ветеранов Великой Отечественной войны – неиссякаемый источник материалов для патриотического просвещения и воспитания молодого поколения России.

– Дети России в благотворительных заботах ветеранов-чекистов спецназа органов госбезопасности.

– Воины-интернационалисты органов государственной безопасности России: социальная адаптация, образовательные проблемы, корпоративная консолидация.

– Программа памяти Героя Советского Союза Г.И. Бояринова.

Оплачиваемых сотрудников в Фонде нет. Всю работу и каждое мероприятие проводят добровольцы, не только не получая материального вознаграждения, но и в интересах живучести Фонда затрачивая определенные средства – как финансовые, так и имущественные.

Существенный вклад в деятельность Фонда вносят ветераны-куосовцы: А.С. Агафонов, В.В. Дроздов, А.И. Дружинин,

В.В. Заволока, В.М. Зверев, Е.М. Иванов, В.В. Козлов, Ю.В. Мельник, В.А. Набекало и В.В. Патрин.

Фонд благодарен всем организациям, которые оказывали посильную помощь в его благородной деятельности. Особая благодарность ЗАО «Компания ТрансТелеКом», Федерации дзюдо России, ЗАО «Аэроферст», ООО «Ново-Рязанская Теплоэлектроцентрали», Общероссийской общественной организации «Христианское Социальное Движение», ЗАО «ПромЭнергоресурс», ЗАО «Стройинвест-1».

Полученные средства использованы на оказание благотворительной помощи: участникам Великой Отечественной войны, ветеранам спецназа – воинам-интернационалистам, Государственному центральному музею современной истории России, Российскому государственному военному архиву, детским домам № 43 и № 49 СВАО г. Москвы, а также на издание в благотворительных целях работ о профессоре И.Г. Старинове, сборника стихов ветерана ВОВ А.А. Иванова.

Новогодние и рождественские подарки получили дети Сергиево-Посадского дома слепоглухих, детдомов № 43 и № 49, средних школ №904, № 1096 г. Москвы, №15 поселка Мундыбаш Кемеровской области, воинов-интернационалистов, общественных организаций ветеранов спецназа и Академии ФСБ Российской Федерации.

Ветерану спецназа Анатолию Ивановичу Ляпкину, инвалиду I группы, через командира в/ч 09920 Фондом передана инвалидная коляска.

Фонд на безвозмездной основе передал книги по тематике спецназа Российской государственной библиотеке, Публичной библиотеке им. Н.А. Некрасова, библиотеке Академии ФСБ Российской Федерации, а также целому ряду ветеранских организаций, в том числе железнодорожных и инженерных войск, среднеобразовательным школам. Фонд удовлетворяет запросы музеев и архивов по мемуарным работам профессора Старинова.

Фонд «КУОС – Вымпел» расположен в арендуемом помещении у ГСПИ (Государственный специализированный проектный институт) по адресу:

107078, г. Москва,
Рязанский пер., дом 3, офис 421
(м. «Комсомольская»).

Контактный телефон Фонда –
(095) 924-41-15, факс 925-13-91.

Фонд искренне признателен руководству ГСПИ за доброе отношение к ветеранам.

Банковские реквизиты Фонда:

ИНН 7715234899

Фонд содействия ветеранам органов госбезопасности

«КУОС – Вымпел» им. Г.И. Бояринова

Счет 40703810100000009477

В ОАО ТрансКредитБанк, г. Москва

БИК 044525562 к/с 30101810600000000562

Заклучение

Мысль написать воспоминания о Специальных курсах КГБ, прежде всего о тех замечательных людях, с которыми мне посчастливилось встретиться и пройти по жизни плечом к плечу, зародилась во мне давно, но смелости взяться за эту работу не хватало. Однако чем больше проходило встреч с коллегами, которые всей своей жизнью, а зачастую и кровью своей доказали, что были, есть и будут подлинными патриотами, тем больше возникали желание и необходимость рассказать историю создания и развития этого специфического подразделения и о людях, которые творили эту историю.

Куосовцы на этих встречах о своем минувшем говорили с понятной гордостью, а самое главное – гласно и открыто. Прямо по Пушкину: «Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они...»

В «своей среде» обмана и лжи не может быть. Слушая и впитывая в себя сказанное людьми, в большинстве своем неординарными, хотелось донести эти мысли до широкого круга читателей. Наступать на грабли дважды всегда неприятно, но если при этом еще гибнут люди, то это особенно болезненно воспринимается.

Конечно, о многом, являющемся и поныне закрытой информацией, не говорится по вполне понятным причинам. Прежде всего хотелось рассказать достойно о людях удивительной судьбы. Если в какой-то мере это удалось сделать, то можно считать, что моя мечта осуществилась. Сама же по себе тема неисчерпаема и, несомненно, должна иметь продолжение.

Список сокращений

- Взвод** – отдельный взвод учебного обеспечения Спецкурсов.
- ВКШ КГБ, ВКШ, Высшая школа** – Высшая Краснознаменная школа КГБ при СМ СССР.
- ГСН, Спецгруппа** – группа специального назначения органов государственной безопасности для действия в тылу противника.
- Кафедра ОТП** – кафедра оперативно-тактической подготовки ВКШ КГБ.
- КИ КГБ, Институт** – Краснознаменный институт КГБ СССР им. Ю.В. Андропова.
- КУОС** – Курсы усовершенствования офицерского состава. До марта 1969 года так именовался спецкурс при 1-м факультете ВКШ КГБ. С марта 1969-го наименование КУОС стало тождественным наименованию «Спецкурсы КГБ».
- ПГУ КГБ, ПГУ** – Первое главное управление КГБ.
- Спецкафедра** – кафедра специальных дисциплин Спецкурсов.
- Спецкурс** – внештатный спецкурс подготовки командиров ГСН при 1-м факультете ВКШ.
- Фонд «КУОС – Вымпел»** – некоммерческая организация «Фонд содействия ветеранам органов госбезопасности «КУОС – Вымпел» им. Героя Советского Союза Г.И. Бояринова».

Содержание

Вместо предисловия.....	3
Об истоках КУОС.....	5
Роль куратора ПГУ КГБ в становлении Спецкурсов	13
О первом начальнике КУОС.....	19
Первые впечатления.....	32
Профессор Старинов – «Бог партизанской войны»	35
Нас учат, чтобы мины ждали своего часа	61
Чемпион СССР по самбо – наш Учитель	73
Шел на Одессу, а вышел к Херсону	78
Как из нас делали Кренкелей	80
Стрелковую подготовку преподает фронтовой разведчик	86
Купол: сначала страшновато, а затем восторг.. ..	89
Лучше гор могут быть только горы.....	95
Кавказское гостеприимство.....	99
Тяжело в учении, легко... ..	101
«Каратель» учит ГСН живучести	118
Афганистан.. ..	125
Ах «Каскад», ты наш «Каскад».....	131
«Вымпел» – спецформирование, опередившее свое время	140
Вечная память боевым товарищам	143
От совета ветеранов к Фонду «КУОС – Вымпел».....	154
Благотворительная деятельность Фонда «КУОС – Вымпел»..	162
Заключение	165
Список сокращений	166